

Социология

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

1

2024

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в марте 2004 года
Выходит 6 раз в год

*Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати и информа-
ции Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-17521 от 24.02.2004
ISSN 1812-9226*

Учредители:

*Московский государственный уни-
верситет
имени М.В. Ломоносова;
Российская социологическая
ассоциация*

Адрес редакции:
*119992, Москва, Ленинские горы,
МГУ им. М.В. Ломоносова, социо-
логический факультет,
3-й учебный корпус
Тел.:(495)939-24-05;
e-mail: socjournal.msu@gmail.com
http://soziologi.ru*

Отпечатано в типографии
ООО «Стромьнка Принт», Москва,
ул. Стромьнка, д. 18

Тираж 300 экз.
Формат А4

Подписано в печать: 30.01.2024
Цена свободная

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:
В.И. Добреньков
Заместитель главного редактора:
А.И. Кравченко

**ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ**

*А.И. Антонов, С.А. Барков,
В.П. Васильев, Ю.Г. Волков,
В.Г. Гречихин, С.И. Григорьев,
Е.В. Дмитриева, Е.В. Добренькова,
С.О. Елишев, С.Г. Ивченко,
В.А. Кудрявцев, А.К. Мамедов,
А.Л. Маршак, А.А. Осеев,
В.Н. Петров, Н.Л. Полякова,
А.Б. Рахманов, А.Б. Синельников,
Н.Г. Скворцов, Ж.Т. Тощенко,
Н.С. Федоркин*

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ И СОПУТСТВУЮЩИХ МАТЕРИАЛОВ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ:

Текст статьи, при оформлении которого необходимо соблюсти следующие требования: объем статьи – до 60 тыс. знаков (1,5 авт. листа); в начале статьи дать авторскую справку с полным указанием фамилии, имени и отчества автора (авторов), места работы, звания, должности и e-mail.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Кемеров В.Е. Субъект, субъективность, субъектность 4

Оздоева Л.А. Обоснование формирования специализированных программ социальной реабилитации девиантного поведения молодежи: на примере студентов и аспирантов Ингушского государственного университета 11

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Ананишнев В.М., Пугачев Н.М., Гаврилов Д.В., Лагутина Е.И. Анализ опыта формирования западноевропейских политических партий в XXI веке 16

Киришин И.А. Влияние социальных факторов на электоральное поведение российских граждан 27

Коган Е.А. Научно-исследовательская работа будущих инженеров по социально-гуманитарным направлениям как фактор социальной самореализации 33

Михайловская С.А. Структурные ограничения формирования профессиональных компетенций в условиях вторичной занятости студенческой молодежи (на материалах ЗабГУ) 41

Равочкин Н.Н. Особенности досуговой деятельности студенческой молодежи в 2020-х гг. (по материалам социологических исследований) 47

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Бразевич С.С., Бразевич Д.С., Сафронова Ж.С. Жизненный путь рабочей молодежи Белоруссии в 1920-е годы: опыт ретроспективной социологической реконструкции 56

Павлова М.П. Развитие созидательной творческой деятельности в цифровом социально-культурном пространстве: социологический аспект 64

Семиколеннова Ю.А. Совершенствование системы управления внутренней социальной политикой бизнес-организаций: возможности стратегического подхода 70

Павлова М.П. Факторный анализ процесса активизации творческой деятельности в условиях цифровизации 79

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Мяо Цзин. Основные этапы формирования традиционной китайской культуры 87

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Мельников В.Л. Сущностное переосмысление историографии «Повести временных лет»: русские летописи в художественных произведениях Н.К. Рериха 97

Шипунова О.Д., Березовская И.П., Лисенкова А.А. Модели социально-ответственного поведения в условиях новой мобильности 105

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Китаев Н.Н., Ардашев Р.Г., Шамурзаев Т.Т. Магия: история, мифы, реальность 113

Субъект, субъективность, субъектность

Кемеров Вячеслав Евгеньевич,

д.ф.н., проф. кафедры социальной философии,
Уральский федеральный университет
E-mail: kemeerov1444@yandex.ru

В статье рассматривается эволюция понятий субъекта, субъективности, субъектности. Устанавливаются их различия в связи с изменением контекста их употребления. Маршрут этих изменений прослеживается как путь через гносеологию, психологию, социологию. Определяется влияние эволюции этих понятий на связи философии, социального и гуманитарного знания. Схема субъекта, нарисованная философской классикой, как будто упрощается: мышление, познание, мораль оказываются в тени. На первом плане – предметно-ориентированные силы и потребности человека. Они становятся главной мотивацией человеческих отношений и динамики общества. Можно сказать и по-другому: схема раздваивается; с одной стороны – это человек с его деятельными способностями и потребностями, с другой – это индивид с его мышлением, познанием, мотивацией и рефлексией. Наметилась тенденция к раздвоению образа человека как субъекта. В конце девятнадцатого столетия эта тенденция обрела вполне ощутимые и значимые формы. При всем преобладании позитивистских настроений обозначилась группа ярких исследований, утверждающих, что путь изучения людей как вещей проходит мимо важных аспектов жизни общества. Для него недоступны уникальные исторические ситуации и события, мотивы деятельности лидеров, детерминанты культурных и научных достижений. Оставленные в стороне позитивизмом и натурализмом области жизни общества необходимо выявлять с помощью совсем другой методологии.

Ключевые слова: субъект, субъективность, субъектность, социальные взаимодействия, социальные структуры.

Правом первого слова обладает философия. Со своего латинского первоисточника она сопровождает любой рассказ о деятельности, работе, человеческих усилиях этим словом.

Но и в обыденном языке это слово постоянно участвует, причем в разных степенях, начиная с высоких, когда субъектом именуют государство, и до низких, когда пренебрежительно говорят о ком-то: странный или подозрительный субъект.

В повседневной практике человеку постоянно приходится приближаться к пониманию, что он субъект: когда он что-то утверждает или отрицает, что-то определяет, демонстрирует, когда защищает своё «Я», предъявляет претензии быть физическим или юридическим лицом. Все эти грани открываются в различных ситуациях и человек может не думать, что он – субъект.

Но близость выбора его подстерегает на каждом шагу и тогда ему приходится задумываться, какими правами и обязанностями он наделен, как он может поступить.

Все эти грани человеческого бытия давно разобраны отдельными социально-гуманитарными дисциплинами. Но нам необходимо вернуться к положению, где они собраны в некое единство, то есть к философии.

В философии движение к этому понятию было постепенным. В Новое время оно шло параллельно со становлением классической науки и развитием гуманизма, но не совпадало с этими трендами.

В философском осмыслении проблемы субъекта можно выделить несколько важных ступеней.

Р. Декарт акцентирует внимание на мышлении субъекта: это человек, который может мыслить, причем мыслить и самого себя, да еще и делать эту мысль исходным пунктом для мышления и обо всём другом. Упрощая, можем сказать: он обладает сознанием, исходящим из самосознания. Это – не эмпирический

человек и практические интересы в его мышлении не имеют серьезного значения.

В философии И. Канта субъект активен прежде всего в сфере познания. Но он наполнен также многими силами и способностями. Он практичен, но его практичность ориентирована на мораль. В нем присутствуют разные законы и правила. Но он их не всегда отображает и использует. Это – не эмпирический субъект. Поэтому, как бы за его спиной, возникает субъект трансцендентальный: он то по Канту и помогает эмпирическому субъекту в сборке сверхчувственных тенденций.

Концепцию активности субъекта развивает И.Г. Фихте. Он концентрирует внимание на деятельности субъекта. Но эта деятельность видится ему в идейно-познавательной сфере. Он предполагает воздействие человека на природу, но важнее для него концентрация самого субъекта. В стиле своей интерпретации активности он выдвигает на первый план волю субъекта.

Так изменяется принцип сборки субъекта. Если прежде в центральной позиции оказывалось мышление (познание), то теперь её занимает воля с всеми предполагаемыми последствиями: взаимодействие, преодоление, борьба [1].

Для новоевропейской философской классики субъект важен как некая система ориентаций. Но они сконцентрированы вокруг субъекта или в нем самом. Это – не пахарь, не кузнец, не ювелир и не меняла. Скорее всего, это философ, размышляющий и прежде всего о самом мышлении, причем – о своем мышлении, через призму которого проходит остальная предметность. Заметим, что в рассмотрении мира субъекта проходит заметный сдвиг. Вначале в рассмотрении этого мира в центральной позиции оказываются мышление и рефлексии по этому поводу, затем – познание с его отношением к внешним вещам и темам, затем на первый план выходит активность субъекта и, соответственно, его воля, определяющая характер его усилий. Казалось бы, намечается сближение образа философского субъекта

и образа эмпирического индивида (индивидов). Но оно не происходит, тем более оказывается невозможным их совпадение. На этом классическая философия заканчивается, теряет свой престиж и статус.

Схематизм абстрактного субъекта философии отходит на третий план. Его заслоняют интерес к эмпирическим индивидам с их силами, умениями, знаниями и классическое естествознание с его методологией исследования взаимодействия вещей. Сходятся, но не совпадают две классики: философская, занятая абстрактными обобщениями, и научная, ориентированная на исследование физических взаимодействий. Преимущество остается за второй, поскольку она близка мощному росту индустриализации общества.

В плане этой «второй» классики главными оказываются организация взаимодействий эмпирических индивидов, их эффективное встраивание в производственно-технологические цепочки.

Но это уже работа не философии. Появляется целый корпус общественных наук, вступающих на путь исследования человеческих взаимодействий. Лидером оказывается экономическая теория, затем появляется социология, далее – психология, натуралистически ориентированная история и антропология. При всех различиях их объединяет ориентация на мир вещей, окружающих человека и создаваемых им.

Тонус задает экономика: богатство и развитие общества заключено в круговороте вещей, который обеспечивают люди. Люди, конечно, включены в этот круговорот, поскольку обеспечивают его воспроизведение и развитие. Так сохраняется и возрастает богатство общества.

Сами люди уподобляются вещам: их силы, качества, умения соизмеряются с вещами.

Вспомнив протагоровское «Человек есть мера вех вещей», можем теперь сказать: «Вещь есть мера каждого человека». Воспроизводя круговорот вещей, люди сами становятся подобными вещам. Следующий шаг – рассматри-

вать, изучать, использовать их как вещи. Но вещи особого рода. В них надо находить или развивать силы и качества, позволяющие умножать и усложнять вещи. Существует выражение «Соответствовать логике вещей». Оно оформляет описываемую ситуацию. С той, однако, поправкой, что логика вещей задаётся не вещами, а условиями, средствами и целями деятельности людей.

Формируется на первый взгляд простой, а, по сути, странный и сложный мир. Его создатели не являются субъектами в классическом смысле, но без их участия в производстве и потреблении этот мир не может существовать.

Эту ситуацию фиксирует позитивизм и развивающаяся на его базе социология. Необходимо изучать отношения людей как взаимодействие вещей, то есть учитывать их силы, умения и навыки, но не вникать в их мотивы и намерения [2]. Такую же позицию впоследствии занимает и догматический марксизм (В.И. Ленин).

Общество становится машиной по производству возрастающей массы вещей, а эмпирические индивиды субъектами, обеспечивающими возрастание этой массы. Они – субъекты, но не того типа, о котором рассуждала классическая философия. Они участвуют в воспроизводстве общества своими деятельными силами и своими потребностями; они субъекты производства и потребления.

Схема субъекта, нарисованная философской классикой, как будто упрощается: мышление, познание, мораль оказываются в тени. На первом плане – предметно-ориентированные силы и потребности человека. Они становятся главной мотивацией человеческих отношений и динамики общества. Можно сказать и по-другому: схема раздваивается; с одной стороны – это человек с его деятельными способностями и потребностями, с другой – это индивид с его мышлением, познанием, мотивацией и рефлексией. Наметилась тенденция к раздвоению образа человека как субъекта. В конце девятнадцатого столетия эта тенденция обрела вполне ощутимые

и значимые формы. При всем преобладании позитивистских настроений обозначилась группа ярких исследований, утверждающих, что путь изучения людей как вещей проходит мимо важных аспектов жизни общества. Для него недоступны уникальные исторические ситуации и события, мотивы деятельности лидеров, детерминанты культурных и научных достижений. Оставленные в стороне позитивизмом и натурализмом области жизни общества необходимо выявлять с помощью совсем другой методологии.

В. Дильтей и Г. Риккерт утверждают разделение методологии на две ветви: «науки о природе» и «науки о духе» (о культуре) [3–4]. В первой люди исследуются как натуральные объекты, как вещи; во второй решается задача понимания их идейных мотивов, их целеполагания, их самодетерминации. Для первой остается весомой традиционная методология обобщений и объяснений, для второй она оказывается бесполезной. Намечается радикальное раздвоение наук. Заметим, что в этом скрыто присутствует классическая схема субъекта; она способствует методологическому дуализму. Напряжения этой ситуации добавляет тот факт, что физика открывает целую группу неклассических объектов: они не наблюдаемы, неощутимы, но могут быть реально используемы. Значит, объект более – не вещь, которую можно увидеть, взвесить, измерить без специальной аппаратуры. Многообразие объектов предполагает многообразие средств и форм на стороне субъекта.

Раздвоение методологии простирается на междисциплинарный и дисциплинарный уровни. В первой четверти двадцатого столетия формируются две психологии, две антропологии, две экономических трактовки организации труда и, чуть позже, две социологии. Что касается темы субъекта, то её развертывание сталкивается с дилеммой: либо человек – особого рода вещь, либо он многогранное существо, скрывающее и раскрывающее обилие возможностей.

В психологии это явно сказывается в противостоянии раннего бихевиоризма с его концепцией поведения и первона-

чального психоанализа с его идеей бессознательного.

Методологический дуализм распространяется на всё обществознание. Это приводит к тому, что оно раскалывается на социальную науку и гуманистику, исповедующие радикально различные методологические и мировоззренческие принципы [5]. С учетом методологической дифференциации всех дисциплин нарастает ситуация методологического плюрализма: в ней для проблемы субъекта почти не остается пространства.

Междисциплинарные связи в обществознании разрушаются; положение усугубляется внутридисциплинарными методологическими конфликтами. Традиционная философия с её схематизмами помочь не может. Возникает атмосфера деструктивности и неопределенности. Выход из этой ситуации предлагает отнюдь не философия, а социально-практическая сфера.

Исчерпанность экстенсивной экономики с её ориентацией на массовое производство и потребление заставляет искать новые схемы организации человеческих взаимодействий. Передовые области производства начинают выстраивать свою организацию не вокруг создания вещей, а вокруг переориентации на новые формы стимулирования субъектов производства и их взаимодействия. Поиск новой эффективности вынуждает изменить отношение к человеческим индивидам. Оказывается, экономически невыгодным рассмотрение работника как особого рода вещи, как сгустка мышц и нервов, как винтика или зубчика экономической машины; оно неизбежно ведёт к её пробуксовке.

Иной план требует вложения капитала в самого работника, но теперь уже не в мышцы, а в его умения, способности, компетенции. Конечно, такое вложение весьма затратно, но только оно выводит производство и экономику на новый виток развития. Рассмотрение субъекта на фоне логики вещей теряет свою привлекательность.

В конце двадцатых, начале тридцатых годов прошлого века появилась целая плеяда концепций «социального

действия». При всех различиях у них была общая черта: они рассматривали взаимодействия людей как поле сохранения, воспроизведения и **развития** социальных форм. Различия между ними были весьма значительны. Макс Вебер ратовал за широкое понимание социальных форм. Т. Парсонс, который, возможно, заимствовал представление о «социальном действии» у П. Сорокина, использовал его как деталь в его конструкции структурно-функционального анализа; в ней «социальное действие» служило средством адаптации индивидов к доминирующим нормам и стандартам. Первоначально его трактовка господствовала. Но в 60-е гг. всё резко изменилось.

Если прежде акцент в трактовке «социального действия» делался на приспособлении индивидов к нормам и стандартам, то теперь он переносится на стимулирование индивидами социальных форм. Преобладающей становится веберовская установка на выявление субъективных смыслов, которые индивиды вкладывают в своё сотрудничество [6]. Причем, важно заметить, что это не традиционная трактовка субъективности, когда она толковалась по схемам «субъект – объект», человек – вещь. Речь идет не о мышлении, познании, отражении. В фокусе оказывается координация смыслов разных субъектов, результатом которой является воспроизведение или развитие социальной формы.

Это своего рода интересубъективность, поддерживающая или развивающая человеческие взаимоотношения. Схема социального взаимодействия, вроде, бы остается той же самой, но её характер существенно меняется. Прежде векторы влияния были устремлены от господствующей формы к взаимодействующим субъектам и, по сути, закрепили их связи и ценностные ориентации, теперь же в фокусе оказываются стремления субъектов, образующие интересубъективную связь и её изменения.

Элементарной формой взаимодействия становятся не человек и вещь и не субъект и объект. Фундаментальным является отношение человека и че-

ловека, субъекта и субъекта; в более широком плане межсубъектные отношения людей. В них определяющей выступает не мыслительная, не познавательная составляющие, а ценностные ориентации, взаимосвязанность мотивов. Далее субъектность людей определяется не гносеологическими мерками (отношение к истине и лжи и т.п.). В фокусе внимания – направленность их на нормы и ценности, на их поддержку или преобразование. Человеческая субъективность по-прежнему остается в идейно-психологической сфере, но в её понимании намечается важный переход.

В классической традиции субъективность толковалась как некая сомнительная инстанция деятельности человека или даже как некий недостаток его сознания или прямо как ущербность его психики и моральности, а вот неклассическая культура и наука в субъективности обнаруживают возможность человека влиять на обстановку, взаимодействовать с другими, создавать конструктивные решения [7]. В обыденно жизни за понятием субъективности сохраняется отрицательный шлейф. А в общественности 20-го века подготовлено его радикальное переосмысление. Конечно, с важными дополнениями и изменениями.

В шестидесятые годы 20-го столетия была предпринята попытка дополнить схему социальной структуры, «возвышающейся» над индивидами, схемами межличностных взаимодействий, наметился союз макросоциологии и микро-социологии. Но он не был последовательно осуществлен. Слабым местом этого объединения был вопрос о динамике больших структур: кто их создает, кто воспроизводит, кто изменяет. Человеческие индивиды «вытесненные» в резервацию микро-социологии, были выведены и за рамки решения этого вопроса. Но в 70-е годы набирает силу большая группа дисциплин, – социальная феноменология, гуманистическая психология, этнометодология, экзистенциальная социология, – настаивающая на том, что все социальные формы являются производными от взаимодействия челове-

ских индивидов. Так, например, А. Шюц представляет социальный мир как продукт, созданный, воспроизводимый и развивающийся взаимодействиями людей [8].

На первый взгляд такие представления могут казаться тривиальными. Но надо учитывать атмосферу, в которой они приобретают значение. В эпоху господства структурно-функционального анализа было привычным считать взаимодействия социальных индивидов производными от порядка, задаваемого Большими структурами. Функции индивидов заключались в поддержке этого порядка. Поэтому и в трактовке личности на первом плане оказались понятия адаптации и социализации, т.е. участия людей в сохранении этого порядка.

В процессе фронтальной критики функционализма выяснилось, что на первом плане выявляется не приспособление индивидов к структурам, а их участие в воспроизведении, более того, в трансформировании структур. Соответственно, в их личностном бытии становится существенной не адаптация к большим формам, а их самоактуализация, причем не в идейно-психологическом плане, а в практике межличностных взаимодействий.

Возникает широкое движение, получившее название конструктивизма или конструкционизма, смысл которого в том, что взаимодействия индивидов определяют функционирование всех социальных форм. Еще раз: не структуры определяют бытие индивидов, а индивидуальные взаимодействия детерминируют формы социальных структур [9].

Этот концептуальный сдвиг меняет и представление о социальных индивидах как взаимодействующих субъектах. Их идейно-психологическая установка сохраняет своё значение, но решающим в социальном смысле становится их воздействие на социальные формы. В этом качестве они становятся не только проводниками социальных форм, но и силами их реализации, более того, гарантами их существования. Э. Гидденс в своей концепции структурирования структур показывает, что структура нежизнеспособна,

если она не проходит через внутреннюю организацию индивидов [10]. Таким образом мы подходим к пункту, где понятие субъективности преобразуется в понятие субъектности.

Понятие субъектности по нескольким параметрам отличается от классического понятия субъекта. Во-первых, оно не является производным от философского представления об абстрактном человеке, в котором главными качествами являются мышление и познание (при участии воли и нравственности). Во-вторых, оно определяет силы и способности человеческого индивида (включая мыслительные и познавательные) как важнейшее средство в его воздействии на условия его жизнедеятельности. В-третьих, оно рассматривает результаты его воздействия на условия как способ связи с другими индивидами.

Принципиальным является то, что понятие субъектности не закреплено за отдельным индивидом или абстрактным человеком классики; оно распространяется на всех живых и действующих людей. Они подтверждают свою субъектность в практической повседневной деятельности. Мера их субъектности определяется не философией, а степенью их воздействия на условия жизни, а через эти условия и на других субъектов. Прямые и косвенные взаимодействия их с другими людьми создают почву и для их самореализации; самореализация создаёт почву для взаимодействия, а социальные взаимодействия встраиваются в индивидуальную самоактуализацию.

Сдвиг от понятия субъективности к понятию субъектности трансформирует не только представление о межличностных взаимодействиях. Он меняет и представление об обществе.

Прежняя модель общества предполагала взгляд на него как на некое помещение, как на некий объём, который заполняется социальными индивидами. Индивиды проходят через это пространство. Потом проходят другие. А помещение остается тем же самым. А проход индивидов через это пространство делает их социальными.

Принятие концепции субъектности людей принципиально меняет и картину общества: оно далее – не вместилище для людей, а социальное пространство и социальное время, в котором люди вырабатывают, утверждают и меняют формы взаимодействия. У этой коробки нет стен: самыми надежными оказываются формы, обеспеченные воспроизводством социальных индивидов.

Концепция субъектности предлагает признать, что у социальных форм нет только внешнего и только внутреннего; общество живо, пока оно воспроизводится в жизнедеятельности индивидов, а индивиды остаются социальными, пока они воспроизводят и меняют социальную форму.

Литература

1. Длугач Т. Человек в системе философии И.Г. Фихте // Философский журнал. 2015. № 3. С. 92–106.
2. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение. – Москва, 1995. – 352 с.
3. Дильтей В. Типы мировоззрения и их обнаружение в метафизических системах // Новые идеи в философии. – Вып. 1. – Санкт-Петербург, 1912. – С. 216–229.
4. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. – Санкт-Петербург, 1911. – С. 196.
5. Кемеров В.Е. Гуманитарное и социальное // Современный философский словарь, Москва, 2004. – С. 168–171.
6. Вебер М. Исследования по методологии наук. – Москва, 1980. – С. 202.
7. Ватин И.В. Человеческая субъективность. – Ростов н/Д., 1984. – С. 197.
8. Шютц А. Структуры жизненного мира. – Эванстон Иллинойс, 1973. – С. 335.
9. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – Москва, 1995. – 323 с.
10. Гидденс А. Устройство общества. Очерк теории структуриации. – Москва, 2018. – 528 с.

SUBJECT, SUBJECTIVITY, SUBJECTIVITY

Kemerov V.E.

Ural Federal University

The article examines the evolution of the concepts of subject, subjectivity, subjectness. Their differences are established in connection with the change in the context of their use. The route of these changes can be traced as a path through epistemology, psychology, and sociology. The influence of the evolution of these concepts on the connections of philosophy, social and humanitarian knowledge is determined. The scheme of the subject, drawn by the philosophical classics, seems to be simplified: thinking, cognition, morality are in the shadow. In the foreground are the subject-oriented forces and human needs. They become the main motivation of human relations and the dynamics of society. One can say it in another way: the scheme is bifurcated; on the one hand, it is a person with his active abilities and needs, on the other, it is an individual with his thinking, cognition, motivation and reflection. There is a tendency to split the image of a person as a subject. At the end of the nineteenth century, this trend took quite tangible and significant forms. With all the predominance of positivist sentiments, a group of vivid studies has emerged that claim that the path of studying people as things passes by important aspects of society. Unique historical situations and events, motives of leaders, determinants of cultural and scientific achievements are inac-

cessible to him. The areas of social life left aside by positivism and naturalism need to be identified using a completely different methodology.

Keywords: subject, subjectivity, subjectness, social interactions, social structures.

References

1. Dlugach T. Man in the system of philosophy I.G. Fichte // *Philosophical Journal*. 2015. No. 3. P. 92–106.
2. Durkheim E. *Sociology. Its subject, method, purpose*. – M., 1995. – 352 p.
3. Dilthey V. Types of worldview and their detection in metaphysical systems // *New ideas in philosophy*. – Vol. 1. – St. Petersburg, 1912. – P. 216–229.
4. Rickert G. *Natural Sciences and Cultural Sciences*. – St. Petersburg, 1911. – P. 196.
5. Kemerov V.E. *Humanitarian and social // Modern philosophical dictionary*. – M., 2004. – P. 168–171.
6. Weber M. *Research on the methodology of sciences*. – M., 1980. – P. 202.
7. Vatin I.V. *Human subjectivity*. – Rostov n/d., 1984. – P. 197.
8. Schutz A. *Structures of the Life World*. – Evanston, Illinois, 1973. – P. 335.
9. Berger P., Luckman T. *Social Construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge*. – M., 1995. – 323 p.
10. Giddens A. *The Constitution of Society. Essay on the Theory of Structuration*. – M., 2018. – 528 p.

Обоснование формирования специализированных программ социальной реабилитации девиантного поведения молодежи: на примере студентов и аспирантов Ингушского государственного университета

Оздоева Лика Абукарвна,

проректор по молодежной политике
и воспитательной работе ФГБОУ ВО «Ингушский
государственный университет»
E-mail: lika.ozdоеva@yandex.ru

Статья посвящена современным технологиям адаптации молодежи. Автор исследует возможности для расширения и конструирования социальных адапторов. В статье уделяется внимание совершенствованию диагностики проблем студенческой молодежи, внедрению инновационных технологий коррекции девиантного поведения, профилактики негативных тенденций, в частности, моббинга. В статье проанализированы различные элементы моббинга в студенческих группах: внутригрупповое конфликтное взаимодействие, межличностная конкуренция, формы санкций, эмоциональная взаимозависимость и др. Автор анализирует различные методы профилактики моббинга. Она доказывает необходимость операционализации понятия применительно к формальным и неформальным группам молодежи. В статье сформулирован тезис о необходимости создания специализированных программ социальной реабилитации и профилактики девиантных проявлений в молодежной среде. Описаны конкретные примеры внедрения мобильных социальных технологий в воспитательную работу среди студентов и аспирантов Ингушского государственного университета.

Ключевые слова: Социологические исследования, социальные адапторы, социальная диагностика, моббинг, мобберы, межличностная конкуренция, психодиагностика, девиантные группы, волонтерские движения, молодежные инициативы.

Попытки осмысления механизмов социальной адаптации молодежи были предприняты в России в 20-е годы XX века. По различным данным за период 20–30-х годов было издано более 300 книг и брошюр по данной проблематике. В 60–70 годы XX века в стране проводились комплексные социологические исследования по изучению различных категорий молодежи. Происходит становление социологических центров по исследованию данной проблематики в Москве, Ленинграде, Новосибирске, Свердловске и других родах страны.

По мнению социологов, возможно выделить четыре основополагающих направления социологического анализа молодежи:

- антропологическое (социально-психологическое);
- структурно-функциональное;
- социокультурное (включающее изучение молодежных субкультур);
- интегративное (ювенологическое).

Согласно фундаментальным выводам выдающихся социологов Т. Парсонса и Р. Мертонса, в своем развитии система ориентируется либо на эндогенные, либо на экзогенные факторы, стремясь к расширению адапторов. Молодежная политика – важнейший социальный адаптор.

В настоящее время уделяется внимание развитию социальной диагностики. Ученые из Южного федерального университета выделили основополагающие принципы диагностики социальных проблем молодежи: принцип объективности, принцип верификации, принцип системности, принцип клиентоцентризма. Все эти принципы возможно применить при изучении генезиса и перспектив студенческих волонтерских движений. Важ-

ную роль в процессе диагностики играют методы исторического, структурно-функционального, компаративного анализа и др.

Возрастает значение социальной профилактики с целью предотвращения возможных негативных процессов в молодежной среде: девиантного поведения, безнадзорности и беспризорности, насилия, молодежной безработицы и т.д. Возможно применение социальной адаптации, как технологии, в случае изменения социальных обстоятельств личности и социальной группы, а также обстоятельство форс-мажора.

В настоящее время кардинально увеличилось количество публикаций по социологическому анализу конфликтного взаимодействия в студенческой среде, в частности, социально-психологических особенностей моббинга. Термин происходит от английского глагола «to mob» (грубо обращаться, атаковать, нападать и др.). Одно из самых фундаментальных социологических исследований по анализу моббинга проводилось шведскими учеными в течение нескольких лет. Наиболее известным принято считать определение, предложенное Х. Лейманом. Оно определяет моббинг, как отрицательное коммуникативное действие, направленное против личности и совершаемое мобберами.

Шведскими учеными под руководством Х. Леймана были выявлены закономерности протекания моббинга: конфликтные отношения в группе, переход к моббингу, применение мер по урегулированию конфликтных ситуаций, определение фазы протекания конфликта, завершение конфликта. По мнению шведских ученых, причины моббинга в профессиональных группах сводятся к особенностям совместной деятельности, отсутствию возможностей самореализации, неопределенности критериев контроля со стороны руководства проекта. По мнению шведских ученых, моббинговые действия возможно классифицировать по эффекту воздействия: ограничение возможностей общения, посягательство на социальный статус, угроза состоянию здоровья, ограниче-

ние возможностей профессионального роста, вызовы и т.д.

Ученые Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова отмечают, что тренды взаимодействия в студенческой группе, с одной стороны, направлены на овладение профессиональными знаниями, с другой стороны, на создание атмосферы эмпатии или конкуренции. Развитие волонтерских движений необходимо, поскольку вертикальная структура студенческих групп формируется административным аппаратом университетов и старостами. Иногда лидеры студенческих групп определяются в ситуациях форс-мажора.

Особенности моббинга в студенческой среде детерминируются во многом эмоциями, которые могут придать конфликту деструктивный характер. Анализ социологических исследований по моббингу в студенческой среде позволяет выделить следующие критерии: когнитивные противоречия; эмоциональная напряженность в функционировании группы; особенности эмпирических форм взаимодействия.

Анализ эмпирических исследований проблемы по регионам указывает на следующие особенности моббинга в студенческих группах. Во-первых, моббинг возможно определить, как элемент межличностных конфликтных взаимоотношений. Во-вторых, моббинг возможно рассматривать, как выражение межличностной конкуренции. В-третьих, моббинг возможно анализировать, как запретительные формы санкций большей части студенческой группы против меньшей. В целом имеются основания выделять в данном контексте санкции группы; санкции формальных и неформальных лидеров; санкции жертв моббинга. В-четвертых, необходимо исследовать генезис моббинга в контексте эмоциональных условий функционирования студенческих групп. Впятых, анализировать моббинг с позиции открытости или закрытости студенческой группы, как системы, по отношению к вузу.

По мнению исследователей из Воронежского государственного университета, возможно сделать следующие

выводы. Важнейшим элементом социологического анализа моббинга является операционализация понятия в контексте оценки уровня эмоциональной напряженности в студенческих группах. Для полноты оценки возможно применение методов психодиагностики.

Проблемные аспекты деятельности студенческих коллективов связаны с особенностями санкций формального и неформального характера. Моббинг – теоретически недостаточно изученное явление. Важнейшей задачей является операционализация понятия применительно к формальным и неформальным студенческим группам и объединениям.

Одновременно существует целый ряд факторов, связанных с тенденциями социально-экономического развития, нуждающихся в постоянном мониторинге: демографическая ситуация, состояние здоровья молодежи и подростков, профилактика алкоголизма и применения психостимуляторов в молодежной среде и др. Мониторинг Управления Федеральной службы государственной статистики по Санкт-Петербургу и Ленинградской области выявил следующие группы рисков, оказывающие влияние на состояние здоровья молодежи. Во-первых, к ним относят биологические (высокий уровень хронических, врожденных и генетических заболеваний родителей). Во-вторых, медико-организационные, связанные с уровнем диспансерно-поликлинического наблюдения. В-третьих, социально-средовые, обусловленные тенденциями экономического развития, снижением культурного уровня населения. Также острой проблемой для регионов является несовершенство системы контроля за выбытием учащихся, по различным причинам не получившим основного общего образования. В регионах возрастает тенденция обращения подростков в вечерние (сменные) общеобразовательные школы, имеющих перерыв в учебе в несколько лет. Это – также потенциально возможный фактор моббинга в молодежной среде.

В данном контексте важную роль играет социальная профилактика с целью воздействия на определенные соци-

альные группы для сохранения их функционального состояния и предотвращения возможных негативных последствий.

Реализация профилактических мер осуществляется при помощи определенных технологий. В частности, значительную роль играют технологии социальной адаптации. Социальная адаптация представляет собой многоуровневый структурный феномен в условиях социальных изменений. Необходимость в социальной адаптации может быть вызвана изменением социального статуса, социальной роли, миграцией и т.д. В практике воспитательной работы с молодежью и студентами возрастает роль социальной реабилитации, т.е. применения комплекса мер, направленных на восстановление социального статуса, здоровья, дееспособности.

При реализации комплекса мер ученые рекомендуют соблюдать основные принципы реабилитации: соблюдение этапов, комплексность, доступность, дифференцированность, непрерывность и др. Анализируя тренды социальной реабилитации, ученые подробно описали следующие уровни: профессионально-трудовой, медико-социальный, социально-психологический, социально-ролевой, социально-трудовой, социально-правовой, социально-бытовой и др.

В данном контексте широко применяются социально-психологические технологии. К наиболее распространенным относятся: психологическое консультирование девиантных групп, применение диагностического и функционального подходов, психоаналитика, применение бихевиористской психотерапии, личностной психотерапии.

В целях профилактики девиантного поведения в молодежной среде необходимо создание комплексной системы работы с группами риска по формированию социальных адапторов и предотвращения проявлений агрессии. Специализированные учебные заведения осуществляют деятельность в сферах профилактики беспризорности и безнадзорности, оказания медицинских услуг подросткам; формирования у подростков положительного опыта социального

поведения; выполнения попечительских функций; психологической поддержки; содействия возвращению в семью; получение образования и профессиональных навыков; оказание помощи в трудоустройстве и т.д.

В настоящее время внимание уделяется трудовой интеграции и профессиональной переподготовке. Молодые люди, в том числе выпускники университетов и вузов, неизбежно сталкиваются с проблемами социальной адаптации. Независимо от количества вакансий молодым людям сложно определиться с выбором профессии. Им необходимо содействие в получении вакансий на рынке труда. Молодые люди по уровню образования и квалификации не всегда соответствуют требованиям, предъявляемым работодателями.

Наиболее востребованы на рынке труда специальности, связанные с инновационными технологиями, процессами дигитализации, искусственным интеллектом, инжинирингом, медицинскими технологиями и др. Необходимо разрабатывать программы социальной адаптации молодежи к требованиям рынка труда на базе федеральных университетов с использованием инновационных технологий. В настоящее время все большее значение приобретает социальная работа с молодежью.

Современные технологии мобильной адаптации применяются в воспитательной работе со студентами и выпускниками Ингушского государственного университета. Принцип состоит в солидарном взаимодействии с волонтерскими движениями и организациями. Поскольку в молодежной среде доминируют групповые интересы, большое внимание уделяется внедрению мобильных технологий в воспитательную работу среди студентов и выпускников университета. В университете регулярно проводятся встречи со студентами и аспирантами, социологические опросы, осуществляется поддержка молодежных инициатив и программ дополнительного образования. Исходя из взаимообусловленности процессов социальной адаптации студентов и аспирантов, необходимо ак-

тивное внедрение технологий социальной профилактики в учебный процесс университетов и вузов страны. Целесообразно разработать комплексную ювенильную политику для всех категорий молодежи и студентов, способствующую их реализации на рынке труда.

Литература

1. Пищагина Ю.А., Стебляк В.В. Исследование ценностных ориентаций молодежи в современной России. В сборнике: Научные исследования молодых ученых. Сборник статей XXVI Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2024. – С. 237–240.
2. Афанасьева Ю.С., Кострова Ю.Б., Саттарова И.В., Шибаршина О.Ю. Социальная и профессиональная адаптация молодежи. Монография / Московский университет им. С.Ю. Витте, филиал в г. Рязани. Москва, 2023.
3. Дякин А.В., Лыхин Д.А. Социальная адаптация молодежи в современном обществе. Наука и Образование. 2023. Т. 6. № 1.
4. Иванов С.Ю., Иванова Д.В., Чвякин В.А. «Виртуальный» человеческий капитал и профессиональная адаптация молодежи. Социодинамика. 2023. № 6. С. 1–21.
5. Реутов Е.В., Реутова М.Н., Тришина Т.В., Шавырина И.В. Российская молодежь: социальная диспозиция и перспектива. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2023. № 3 (71). С. 132–137.
6. Халиулина А.И. Социальная адаптация молодежи Башкортостана в современных социально-экономических условиях (по результатам социологического опроса). Социодинамика. 2023. № 6. С. 37–47.
7. Черепненкова А.О. Адаптация студенческой молодежи в высшем учебном заведении. Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки. 2023. № 19. С. 109–114.
8. Гребенникова О.В. Социально-психологическая адаптация моло-

дежи в ситуации транзитивности. Новые психологические исследования. 2022. Т. 2. № 2. С. 132–148.

9. Карпенко А.М. Особенности адаптации российской молодежи в условиях муниципалитета. Студенческий форум. 2022. № 41–2 (220). С. 61–63.
10. Чистяков А.В. Социализация и социальная адаптация молодежи в цифровом пространстве. – Ростов-на-Дону, 2022.

RATIONALE FOR THE FORMATION OF SPECIALIZED PROGRAMS FOR SOCIAL REHABILITATION OF DEVIANT BEHAVIOR OF YOUTH: USING THE EXAMPLE OF UNDERGRADUATE AND GRADUATE STUDENTS OF THE INGUSH STATE UNIVERSITY

Ozdоеva L.A.

Ingush State University

The article describes modern technologies of youth adaptation. The author explores the possibilities for expansion and design of adapters. The article focuses on improving the diagnosis of student youth problems, the introduction of innovative technologies for correcting deviant behavior, and the prevention of negative trends, in particular, mobbing. The article analyzes various elements of mobbing in student groups: intra-group conflict interaction, interpersonal competition, forms of sanctions, emotional interdependence, etc. The author analyses various interpretations of mobbing. She proves the necessity to operationalize the concept of interaction of formal and informal groups of young people. The article formulates a necessity to create specialized programs for social rehabilitation and prevention of deviant behavior among young people. The article provides specific examples of the introduction of mobile social technologies in educational activities among students and post-graduates in Ingush State University.

Keywords: Sociological research, social adapters, social diagnostics, mobbing, mobbers, interpersonal competition, psychodiagnostics, de-

viant groups, volunteer movements, youth initiatives.

References

1. Pitaniagina Yu.A., Steblyak V.V. Study of value orientations of young people in modern Russia. In the collection: Scientific research of young scientists. Collection of articles of the XXVI International Scientific and Practical Conference. – Penza, 2024. – pp. 237–240.
2. Afanasyeva Yu.S., Kostrova Yu.B., Sattarova I.V., Shibarshina O. Yu. Social and professional adaptation of youth. Monograph Moscow University. S. Yu. Witte, branch in Ryazan. Moscow, 2023.
3. Dyakin A.V., Lykhin D.A. Social adaptation of youth in modern society. Science and education. 2023. T. 6. No. 1.
4. Ivanov S.Yu., Ivanova D.V., Chvyakin V.A. “Virtual” capital of humanity and professional adaptation of youth. Sociodynamics. 2023. No. 6. P. 1–21.
5. Reutov E.V., Reutova M.N., Trishina T.V., Shavyrina I.V. Russian youth: social disposition and perspective. Bulletin of Nizhny Novgorod University named after. N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. 2023. No. 3 (71). pp. 132–137.
6. Khaliulina A.I. Social adaptation of the youth of Bashkortostan in modern socio-economic conditions (based on the results of a sociological survey). Sociodynamics. 2023. No. 6. P. 37–47.
7. Cherepnenkova A.O. Adaptation of student strategy in an educational institution. Education and science without borders: social sciences and humanities. 2023. No. 19. pp. 109–114.
8. Grebennikova O.V. Socio-psychological adaptation of transition in a situation of transitivity. New psychological research. 2022. T. 2. No. 2. P. 132–148.
9. Karpenko A.M. Features of strengthening the Russian economy in conditions of independence. Student forum. 2022. No. 41–2 (220). pp. 61–63.
10. Chistyakov A.V. Socialization and social adaptation of youth in the digital space. – Rostov-on-Don, 2022.

Анализ опыта формирования западноевропейских политических партий в XXI веке

Ананишнев Владимир Максимович,

профессор, доктор социологических наук, доктор бизнес-администрирования (США), профессор, департамент философии и социальных наук, Московский городской педагогический университет
E-mail: AnanishnevV@yandex.ru

Пугачев Никита Максимович,

аспирант, департамент философии и социальных наук, Московский городской педагогический университет
E-mail: pugachevnm@mgpu.ru

Гаврилов Дмитрий Вячеславович,

аспирант, департамент философии и социальных наук, Московский городской педагогический университет
E-mail: GavrilovDV@mgpu.ru

Лагутина Евгения Ивановна,

аспирант, Московский городской педагогический университет
E-mail: lagutina.07@bk.ru

соратников партии, ее ключевые особенности и отличия от идеологических союзников. Также, авторами статьи формулируются принципы успешной политической партии, сформулированные на основе данных, полученных в ходе изучения политических партий Западной Европы.

Ключевые слова: Политические партии, управление, Западная Европа, Европейский парламент, сенат, представительство, избиратели, центристы.

В рамках данной статьи проводится детальный анализ системы политических партий и политического представительства в Западной Европе. Авторами статьи подробно рассматривается система политических партий, исследуются особенности западноевропейского политического ландшафта и проводится анализ политических практик. В ходе подготовки материалов для написания статьи были подробно изучены следующие темы: история возникновения политических партий, формирования политической мысли и основных особенностей партийной структуры. Особое внимание уделяется роли Европейского парламента в законодательной и исполнительной сферах политической жизни. Были изучены ключевые принципы Европейской парламентской системы, рассмотрены основные политические фракции, их особенности и классификация. Авторы исследуют и анализируют основные тренды в пространстве западноевропейских политических партий. Выделяют основные направления политической идеи и наиболее популярные настроения среди граждан Евросоюза. На основе собранных данных проводится анализ наиболее примечательных политических партий в разных странах западноевропейского политического пространства. В результате проведенного анализа формулируется партийная цель, идеологическая принадлежность, количество

Совсем скоро, в июне 2024 года должны состояться очередные Выборы в Европейский парламент. Это будут уже десятые по счету прямые общенародные выборы в Европарламент и первые после выхода Великобритании из Евросоюза. По итогам этих выборов будет сформирован новый парламент, состоящий из различных парламентских фракций, членами которой могут являться как представители национальных партий, так и независимые кандидаты. В политической жизни Европы данные выборы крайне важны, так как Европарламент наделен полномочиями принимать и утверждать законы, формировать бюджет ЕС и осуществлять контроль над двумя другими европейскими органами: Европейской комиссией и Советом ЕС [9]. Эффективность подобной системы обусловлена наличием диалога между различными политическими фракциями, которые, в свою очередь, состоят из представителей европейских национальных партий, избранных гражданами ЕС. Многопартийное представительство дает возможность провести всесторонний анализ общественных проблем и запросов для дальнейшего законотворчества. В результате именно депутаты Европейского Парламента формируют и определяют стратегические цели и дальнейший курс развития ЕС.

Избирательная система Европейского Парламента предоставляет каждой партии число мест, пропорциональное проценту набранных голосов. Таким образом, успешность и популярность партии в национальном регионе дает ей возможность занять место в одном из политических блоков ЕС и влиять на проводимую Европарламентом политику изнутри. Однако прежде всего следует ответить на вопрос, как вообще сформировалась партийная система в ее нынешнем виде.

Политическая партия – это прежде всего объединение людей, стремящихся к политическим трансформациям или изменениям. В развитых демократиях целью политической организации является не столько обретение полной политической власти, сколько получение

достаточного веса для участия в руководстве государством. Данная цель достигается посредством наращивания общественной поддержки партии и, как следствие, возможности дальнейшего продвижения своих представителей в среде государственного и местного управления. Любая политическая партия обладает неким набором идей, которые определяют ее идеологические и политические стремления. Эти идеи зафиксированы в Уставе Партии и Программе: документах, которые определяют партийную идеологию, основные цели партийной деятельности и методы ее достижения. Любая партия – это добровольное объединение людей на основе политических стремлений и идеологических предпочтений. Однако партия – это в первую очередь организация. И как любая организация она невозможна без иерархической системы управления, постоянного финансирования и четкого понимания всеми членами партии ее целей и задач.

Нечто похожее на современные партии появляется в политическом пространстве стран Западной Европы приблизительно 200 лет назад. Однако, многие философы и политические мыслители писали о подобных фракциях еще задолго до их возникновения. К примеру, еще Аристотель писал о “борьбе между Партией знати и Партией народа” в Афинах, подразумевая разделение общества на социальные классы и возникновение соперничества за политическую власть [1]. О партийных объединениях также пишут философы Древнего Рима и Средневековья, однако они имели крайне мало общего с современной системой политических партий. Ровно, как и философские общества и народные клубы, возникшие позднее в европейской мысли. Политологи отмечают, что первыми организованными политическими партиями принято считать американских демократов и британских консерваторов, которые были созданы в 30-е годы XIX столетия. В европейской части света политические партии, в их современном виде, формируют в период между Первой и Второй мировыми войнами.

Пожалуй, наибольшую роль в формировании политических партий сыграли общественные и социальные трансформации: переход к феодальному обществу, буржуазная революция, возникновение рабочего движения, расширение избирательных прав, демократизация общества и т.д. Таким образом, политические партии прошли через следующие этапы развития: партии как аристократические клубы, партии как политические клубы и партии как современные массовые организации [3]. И лишь в конце XIX века окончательно формируются новые отрасли политической мысли, предметом изучения которых являются политические партии и процессы. Политологи и политические социологи, такие как Вебер, Брайс, Гамбаров Остроговский, изучают феномен политических партий, исследуют различные аспекты партийной жизни, формулируют теоретические основания и проводят социологические анализы партий. В результате формируется современное представление о политических партиях, их задачах, функциях и принципах политической борьбы.

Успешность системы политических партий и политического представительства основывается, прежде всего, на демократических институтах и механизмах ограничения власти. Политически активные граждане не могут создать конкурентоспособную системную партию, если государство видит в них угрозу и всячески мешает возникновению оных. Необходимо соблюдать принципы демократического устройства государства, гражданских свобод, плюрализма, честных выборов, а также поддерживать высокий уровень политической культуры. В свою очередь, стабильная демократическая система невозможна без институализированных партийных систем, так как их наличие повышает легитимность государственного режима, а также упрощает управляемость демократических процессов. Таким образом, эффективность данной системы возможна только в странах с многопартийной политической системой или, по крайней мере, с двухпартийной.

Основой любой политической партии является поддержка населения. Она может выражаться как в популярности партийных принципов, лозунгов и символики, так и в голосах, отданных за нее на системных выборах. Однако, такой подход требует от общества высокого уровня политической образованности и умения анализировать проводимую государством политику. Таким образом, партия должна не только искать поддержки населения, но и активно заниматься его обучением. Ведь только через формирование у общества политической культуры можно добиться эволюционного развития демократических институтов.

В рамках данной статьи рассматриваются системные партии западноевропейских стран. Данный выбор обусловлен деструктивным влиянием антисистемных политических партий. Они противоречат демократическим практикам и призваны разрушить естественный ход политического процесса [2]. Лоббируемые политические партии также не соответствуют исследуемым критериям, хотя и являются менее вредоносными нежели антисистемные партии. Главной угрозой, которую несет за собой лоббизм в демократических обществах, является создание ситуации преобладания частных интересов над общественными, посредством коррумпирования государственных служб или органов.

Рассматривая партийную структуру западноевропейских стран следует выделить несколько уровней политического представительства, единых для всех стран ЕС. Первый уровень представлен в виде региональных политических партий. Их интересует, в первую очередь, благополучие и стабильность собственных территорий и проживающих там граждан. Региональные партии выделяются обособленностью своей политики, ее направленностью на улучшение жизни округа. На втором уровне находятся национальные или государственные партии. Основной сферой интересов национальных партий является глобальная деятельность внутри страны: влияние на государственную поли-

тику, законодательную и исполнительные ветви власти, а также возможность представительства от лица широких слоев населения. Несмотря на то, что цели и задачи представленных категорий партий отличаются, они преследуют общие интересы. Главным из них является возможность сформировать федерацию национальную или региональную партии. Федеральный уровень представлен в виде Европейского парламента и призван объединить различные партийные группы в единые фракции, представляющие интересы всего Европейского Союза. Как следует из названия, на федеральном уровне решаются глобальные вопросы политики ЕС, рассматриваются и обсуждаются законы, а также осуществляется контроль за исполнительными институтами [14]. Также, существуют немногочисленные партии этнических меньшинств. Такие партии возникают крайне редко и долго не живут из-за отсутствия поддержки со стороны соотечественников.

Анализируя партийный состав стран Европейского Союза следует обратиться к результатам предыдущих выборов в Европейский парламент, которые прошли в мае 2019 года. По результатам международных выборов лидирующие позиции в парламенте занимают Европейская народная партия (26,5%) и Прогрессивный альянс социалистов и демократов (21%). ЕНП обладает наибольшим представительством в Европарламенте и в основном состоит из христианских правых демократов, консерваторов, демократических групп и умеренных центристов [15]. Данная фракция стремится к развитию внутреннего рынка и созданию конкурентоспособной рыночной системы. Второй популярной фракцией является ПЕС, целью которого, исходя из названия, является реформирование системы налогообложения и регулирование прав всех работников: предоставление права на социальную защиту и медицинскую помощь. Основными силами данной фракции являются различные социал-демократические партии, левых центристов, глобалистов и рабочих партий Европы. Наибольший

уровень поддержки ПЕС имеет в таких странах как Португалия, Испания, Италия и Румыния.

Также, следует отметить следующие фракции.

- Обновляя Европу – 13,8% депутатов в парламенте. Новая фракция, образованная в 2019 году и являющаяся продолжателем политики Альянса либералов и демократов за Европу. Выделяются социал-демократическими идеями, сочетающимися со свободным предпринимательством и рыночной экономикой (Франция, Чехия, Дания, Нидерланды).
- Идентичность и демократия – насчитывает 10,8% парламентарских голосов. Также новая фракция, которая представляет собой сферу правых идей в Европарламенте. В состав ИД входят националистические, национал-консервативные и евроскептические партии. Политическая идеология данной фракции приоритизирует сохранение достижений и культурного наследия Европы, защиту суверенитета европейских наций и борьбу с потоком нелегальных мигрантов (Италия, Франция, Германия, Австрия).
- Зеленые – ЕСА – свободный альянс насчитывает 9,5% мест в парламенте и проводит зеленую и леволиберальную политику. Фракция выступает за реформирование демократических органов Евросоюза, ликвидацию НАТО, отстаиванию прав национальных и сексуальных меньшинств (Франция, Испания, Швеция, Бельгия).
- Европейский консерваторы и реформисты – 8,8% в Европарламенте. Выступают за либеральный консерватизм и национал-консерватизм. Преимущественно состоит из представителей партий Центральной Европы и Прибалтики. Почти половина спикеров Европарламента от данной фракции являющихся членами польских консервативных партий: «Право и справедливость» и «Гражданская платформа».
- Европейские объединенные левые/Лево-зеленые Севера – составля-

ют 5,7% от общего числа спикеров. Представляет собой союз социал-демократов, коммунистов, марксистов и троцкистов разной степени радикальности. Имеют высокий уровень поддержки в Греции и Чехии.

Исходя из полученных данных можно сделать вывод, что наиболее популярными в Западной Европе являются умеренные центристы, умеренные левые демократы и защитники рабочих движений, отстаивающие социальные блага и льготы, рыночную экономику и стремящиеся к развитию и укреплению глобального европейского рынка. Для подтверждения этой статистики следует изучить политическое пространство стран Западной Европы.

Изучая политическое пространство Германии следует отметить, что глобальный европейский тренд прослеживается и в Бундестаге. Основные места в парламенте занимают Социал-демократическая, Христианско-демократическая и Зеленая партии Германии.

Особое внимание здесь следует уделить Союзу Зеленых. По результатам выборов в Европарламент «зеленые» набрали 21% голосов, что почти в 2 раза превышает результаты предыдущих выборов [17]. Учитывая общую тенденцию, сомневаться в повторном успехе Союза не приходится. Данный трен обусловлен, прежде всего, ростом популярности левых идей и зеленой, экологической политики среди граждан, что способствовало увеличению числа социалистических левых партий, эксплуатирующих тему зеленой политики.

Среди подобных политических партий следует выделить относительно новую «Левую партию» (Linkspartei). «Левая» была образована в 2007 году путем слияния нескольких социалистических, демократических и трудовых партий. В основе политических принципов данной партии лежит стремление «преодолеть капитализм», распределить финансы богатых граждан, обеспечить социальную поддержку малоимущим и создание экологически устойчивого общества. Партия имеет представитель-

ство не только в Бундестаге, но и занимает 5 мест в Европарламенте. Подобный успех объясняется более радикальным настроем «Левой», нежели у умеренных социал-демократов, что привлекает внимание гражданского общества. На волне международных конфликтов, захлестнувших мир в последние 3 года, «Левой партии» удалось заручиться поддержкой населения за счет антивоенной риторики [6]. Партия активно пользуется различными политическими технологиями, которые позволяют ей наращивать электорат. Одной из таких технологий является открытие сторонних организаций: «Левая молодежь», студенческая организация, экономическая организация малого и среднего бизнеса, экологическая платформа. Также курируются различные рабочие молодежные группы, федеральные рабочие сообщества и районные федерации. Партия имеет федеральное представительство по всей Германии и обширное количество союзников, оказывающих электоральную поддержку.

В противовес росту левых идей в 2013 году формируется ультраправая партия «Альтернатива для Германии». По результатам выборов 2021 года, представители партии занимают более 10% мест в парламенте Германии и имеют 9 мест в Европарламенте [11]. Данное политическое движение откололось от Христианско-демократического союза Германии с целью предотвратить европейский политический кризис. «Альтернатива» проводит националистическую и национал-консервативную политику, однако основной упор делается на экономические проблемы Германии. Такие темы как социальная справедливость налогового законодательства, пересмотр долговых обязательств Германии, критика завышенных цен за электроэнергию и необходимость возрождения национальной валюты являются ключевыми для данной партии и ее сторонников. Восемь лет существования партия насчитывает более 30000 членов, основной массой которых являются мужчины старше 30. Уникальной политической технологией, применяемой «Альтернати-

вой» являются деление партийных членов на ассоциации: местные, районные и земельные. Данные ассоциации играют роль партийных центров в различных округах Германии и осуществляют основную политическую деятельность: местные собрания, местное управление, созыв федеральных съездов и работа с молодежными организациями. «Альтернатива» регулярно привлекает к себе скандальное внимание за счет чересчур радикальных инициатив и националистической настрой, однако у избирателя она пользуется успехом, о чем говорят результаты выборов в бундестаг.

Политическое пространство Германии богато на крупных игроков, однако более мелкие партии и представительства также находят свою нишу. Так, например, можно отметить партию «Альянс за прогресс и пробуждение», которая была основана в 2015 году выходцами из АдГ. Данная партия является продолжателем экономической политики АдГ, но с приверженностью либерально-демократической идеологии. Однако, партия не сыскала широкой поддержки населения на выборах штата и европейских выборах и вскоре распалась. Причиной провала стало отсутствие ресурсов для широкого продвижения партийных идей во всех регионах Германии. В 2023 году партия была восстановлена под названием «Мы, граждане», сменила риторику на более правую и поставила своей целью объединить граждан, недовольных политикой других партий.

Одним из наиболее интересных представителей политической системы Германии является «Партия пиратов Германии». Она была основана в 2006 году и позиционируется как партия информационного общества, которая выступает за свободное распространение информации, знаний и научных работ, защищенных законом об авторском праве. Также к ее целям относится борьба с цензурой в интернете и защита гражданских прав интернет-пользователей [18]. Партия не сыскала популярности в ходе местных выборов, однако привлекла всеобщее внимание после участия в Евро парламентских выборах

2009 года, где набрала почти 1% голосов. Данная «маркетинговая кампания» позволила значительно расширить штаб и выдвинуть большее число кандидатов на выборах в муниципальное собрание. В период с 2009 по 2016 годы популярность партии значительно возросла и получала до 20 мандатов на муниципальных выборах. Партия имела высокую поддержку среди молодежи и сохраняла скачкообразную популярность. Однако, партийное руководство не смогло грамотно распорядиться имеющимися ресурсами и к 2017 году потеряла почти все депутатские места, кроме одного места в Европарламенте. Причиной политической неудачи стало отсутствие широкого представительства в различных регионах Германии, а также отсутствие партийной работы, которая бы могла привлечь новых соратников.

Рассматривая партийную структуру Франции важно отметить, что французский парламент состоит из верхней и нижней палаты. В сенате (верхней) преобладают идеи социалистов и либералов-консерваторов, а в Национальном собрании Франции (нижней) сразу после правительственно фракции идет политическая партия «Возрождение» (ранее «Вперед, Республика»). Французские политики относят ее к правоцентристским, либо же прогрессивным партиям. Партия была основана в 2016 году нынешним президентом Франции Эммануэлем Макроном и стремилась достичь социального прогресса в обществе посредством последовательных реформ, направленных на противостояние традиционализму и консерватизму [10]. Политический успех «Возрождения» был обусловлен, прежде всего, продвижением своего создателя – кандидата в президенты и бывшего министра экономики. Даже после формирования нового устава и смены руководства на новое в 2022 году, партия все еще имеет большинство в парламенте и имеет достаточный ресурс для продвижения собственных политических инициатив на очередных парламентских выборах.

Новой политической партией, продвигающей Макрона на очередной

президентский срок, в 2022 году стала партия «Горизонты». По сути, данная политическая структура является продолжателем идей «Вперед, Республика», но в несколько новом антураже [8]. Среди основных целей партии теперь значится защита окружающей среды, развитие технологий, улучшение демографии и погружение в геополитические процессы. Степень влияния данной партии еще только предстоит оценить, однако, учитывая поддержку президента населением Франции можно с уверенностью говорить о ее успешности в политической системе Евросоюза.

Среди политических партий Франции также можно выделить средний по своим размерам «Союз демократов и независимых». Как можно догадаться из названия, данная партия образовалась на базе одноименных парламентских групп с целью создания центристской силы во французское политической системе. В основе идеологической доктрины СДН лежат принципы центризма, христианской демократии, федерализма и сохранения европейского политического пространства. Союз представляет собой сформированную в 2012 году и функционирующую по сей день коалицию из христианских, демократических и либеральных партий. Партия насчитывает более 4000 членов и занимает значительное число мест в сенате и даже имеет представителей в Европарламенте [16]. Успешность данного политического образования объясняется уникальностью политического предложения, а также значительным уровнем поддержки политической инициативы со стороны единомышленников из других партий.

На сегодняшний день, политическая жизнь Франции, в основном, представлена несколькими крупными партиями, борющимися за лидерство в парламентской системе. Многие либерально-социалистические партии, такие как «Независимая рабочая партия», «Левая партия» и «Унитарные левые» были вплоть до 2014 года, но постепенно теряли поддержку электората и гибли. На их фоне выгодно отличается «Ле-

вый фронт Франции», который опирается на идеи социализма, республиканизма и еврокоммунизма. С 2009 года партия активно принимает участие в региональных выборах и имеет представительство в Сенате, Национальном Собрании и Европарламенте. На выборах президента 2012 года свою кандидатуру от «фронта» выдвинул один из его лидеров – Жан-Люк Меланшон. По результатам голосования в первом туре он набрал свыше 11% голосов и занял 4 место. Избирательная кампания Меланшона запомнилась высокой степенью поддержки среди соратников и самыми масштабными митингами в его поддержку. Участие в избирательно кампании позволило партии сохранить политический вес и по сей день [7].

Многopартийная система Австрии схожа с прочими европейскими политическими практиками: партии формируют Федеральное собрание Австрии, в котором представлены семь партий с представительством в нижней и верхней палатах. Среди представленных партий наибольшей поддержкой со стороны населения пользуются: Социал-демократы Австрии, Австрийская народная партия (либеральный консерватизм, центризм), Австрийская партия свободы (ультраправая). Также, значительной поддержкой пользуется партия Зеленой альтернативы, однако она значительно меньше, чем у прочих крупных партий. Из значимых партий, созданных в XXI веке, можно выделить «Альянс за будущее Австрии» и «NEOS – новая Австрия».

АБА была основана в 2005 году выходцами из Австрийской партии свободы и должна была стать оплотом национал-консерватизма и скептического настроения по отношению к Евросоюзу. Однако, «Альянс» провалился на выборах 2005 года и до сих пор не имеет политического представительства в австрийских государственных структурах. Однако «Альянс» прежде всего интересен как успешная региональная партия. Она имеет высокую степень поддержки в регионе Каринтия и имеет представителей по всем другим федеральным регионам Австрии [19].

«Новая Австрия и Либеральный форум» – политическая партия Австрии, основанная в 2012 году и продвигающая идеи проевропейского либерализма. NEOS приглянулась избирателям за счет своих политических предложений и до сих пор имеет представительство как в Национальном совете, так и в Европейском парламенте. Уникальность подхода данной партии заключается в идеологическом компромиссе и непредвзятому подходу к решению политических проблем. NEOS поддерживает прямую демократию и продвигает идею более частных референдумов. Партия, в целом, благосклонна к беженцам, однако выступает за более жесткие проверки, ограничения на пособия и уголовную ответственность за помощь нелегальным мигрантам. Поддерживают идеи ЛГБТ, но при этом выступают за поощрение многодетных семей. Таким образом, «Новая Австрия» стремится к поиску мирных решений даже в самых острых темах.

Среди значимых итальянских партий XXI века можно выделить «Мы умеренные». Данная партия была основана совсем недавно, в 2022 году и представляет собой коалицию из проевропейских либерально-христианских партий. Благодаря большому числу соратников и политических союзников, «умеренным» удалось заполучить места в сенате и палате депутатов. Партия позиционируется ее лидерами как правоцентристская, однако делает упор на наращивание заработной платы у государственных работников и повышения уровня социальной защищенности граждан [13].

Также, в Италии существует собственная Пиратская партия, однако, в отличие от немецких коллег, членам данной партии так и не удалось добиться значительной поддержки со стороны широких слоев населения и партийные ресурсы находятся в полу-замороженном состоянии в ожидании изменения партийной системы Европейского союза.

В испанском политическом пространстве также хватает интересных политических партий, однако, в отличие от других западноевропейских стран, испан-

ское общество делает упор на поддержку локальных партий и, как следствие, поддерживает регионализм. Среди наиболее значимых и поддерживаемых населением можно выделить следующие политические партии: «Канарская коалиция», «Астурийский форум» и «Наваррский народный союз». Все эти партии занимают правоцентристские позиции и выступают за проведение консервативно либеральных реформ. Перечисленные партии не обладают высоким уровнем поддержки населения, однако последовательно отстаивают принципы регионализма и стремятся к расширению.

Испанское общество в целом крайне скептически настроено к правым идеям. По итогам выборов 2023 года в нижнюю палату национального парламента Испании, только одна партия, позиционирующая себя как умеренно правая, смогла набрать достаточное количество голосов, чтобы занять значительную долю в парламенте. «Народная партия» смогла набрать рекордные 33% голосов избирателей и получить большинство в нижней палате [12]. Однако, почти вся оставшаяся масса голосов была поделена между испанскими левыми партиями, преимущественно социал-демократическими и зелеными.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что успешная политическая партия невозможно без следующих факторов.

1. Наличие поддержки со стороны гражданского общества и населения. При этом важно, чтобы поддержка не была мнимой и отражалась в результатах системных выборов. С этой целью необходимо постоянно увеличивать число политически грамотных избирателей.
2. Создание медийного образа партии, ее продвижение: быть услышанным и найти своего избирателя, пожалуй, самая трудная задача из тех, что стоят перед партийным руководством. Необходимо дать населению знать о себе и не затеряться в информационном потоке среди конкурентов. В этом могут помочь следующие тех-

нологии: публичные выступления, распространение агитационных материалов, продвижение через СМИ, активные социальные сети, представительство в различных сферах жизни общества.

3. Наличие четкой политической программы: членами партии разрабатываются предложения по решению проблем, охватывающих все сферы жизни общества. Подобные программы формируются на основе запросов граждан и могут иметь как глобальный, так и местный характер. К примеру, программа по решению городских проблем, разработанная в рамках выборов мэра.
4. Разветвленная система организаций: чем больше у партии штабов и представителей по всей стране, тем проще привлечь внимание избирателей. Однако, данная технология является весьма затратной и трудно осуществимой, так как, в идеале, необходимо создать клубы единомышленников в каждом крупном городе страны. Важно именно очное общение с идеологическими соратниками, поэтому оптимальным решением является создание политической организации в столице государства и постепенное ее разрастание по мере сил и необходимости.
5. Создание эффективной системы партийного управления: политические партии имеют значительное отличие от коммерческих организаций и предприятий. Значительная часть партийных активистов трудятся на добровольных началах, взамен получая возможность демократически влиять на курс развития партии и ее структуру. Наиболее эффективным подходом к управлению политической партией является процессный подход. Он заключается в рассмотрении партийной работы как системы бизнес-процессов: то есть деятельности, направленной на достижения полезного для организации результата в установленные сроки [4]. Также, можно ввести измеряемые показатели эффективности и результативности,

а также разработать план действий для работников, что позволит заранее распланировать рабочий процесс и упростит его контроль. Таким образом, из результатов нескольких бизнес-процессов будет формироваться полноценная деятельность политической партии [5].

В заключении хочется отметить, что политическое пространство Западной Европы крайне разнообразно. Политические партии, фракции и коалиции соревнуются между собой за возможность вершить судьбу не только собственных государств, но и всего Европейского союза. Однако, не все партии могут достичь столь масштабной цели и концентрируются на более локальных, региональных проблемах. Другие, более крупные, могут позволить себе наладить эффективную иерархическую систему управления, заручиться поддержкой соратников из гражданского общества или крупного бизнеса и сформировать партийные центры в каждом регионе. Тем не менее, важнейшими факторами успеха политической партии являются инструменты политической агитации. Невозможно привлечь избирателя без четкого понимания собственных целей и задач, грамотной идеологической базы, широкого круга единомышленников и эффективно выстроенной партийной структуры.

Литература

1. Аристотель. Афинская полития. Государственное устройство афинян. – М., 1937.
2. Большаков И. Несистемная оппозиция // Свободная мысль. – 2011. – № 3 – С. 109–118.
3. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Теория партий и партийных систем. М., 2008.
4. Недолужко А. «Проектируем систему управления организации: методология, инструменты, команда» журнал Intelligent Enterprise № 12, 2012.
5. Пинаев Д. «Процессное управление: в чем сила?» – журнал «БОСС». № 3. 2012.
6. «Левая партия» Германии раскритиковала военную риторику пра-

- вительства // [электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20230303/levye-1855508335.html> (дата обращения: 11.12.2023).
7. «Левые» получили абсолютное большинство в парламенте Франции // [электронный ресурс]. – URL: <https://www.kp.ru/online/news/1176680/> (дата обращения: 11.12.2023).
 8. Во Франции альянс Меланшона обошел сторонников Макрона в первом туре выборов // [электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2022/06/12/vo-francii-alians-melanshona-oboshel-storonnikov-makrona-v-pervom-ture-vyborov.html> (дата обращения: 11.12.2023).
 9. Договор о Европейском Союзе // [электронный ресурс]. – URL: <https://eulaw.ru/treaties/teu/> (дата обращения: 11.12.2023).
 10. История Европы. Политика и политические отношения, Политические партии и партийные системы // [электронный ресурс]. – URL: <https://bigenc.ru/c/vozrozhdenie-partiia-6cc10e> (дата обращения: 11.12.2023).
 11. Итоги выборов в Бундестаг: новая страница в истории Германии // [электронный ресурс]. – URL: <https://www.imemo.ru/special-rubrics/elections/german-elections/text/the-results-of-the-elections-to-the-bundestag-a-new-page-in-the-history-of-germany> (дата обращения: 11.12.2023).
 12. Партия премьера проиграла на парламентских выборах в Испании // [электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/07/2023/64b7f5149a79472d2c9f8a4b> (дата обращения: 11.12.2023).
 13. Правоцентристская коалиция в Италии // [электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20220926/italiya-1819500853.html> (дата обращения: 11.12.2023).
 14. Рокки Т. Политические партии и идеологические течения в современной Европе // Информационное агентство REX [электронный ресурс]. – URL: <http://www.iarex.ru/articles/53564.html> (дата обращения: 11.12.2023).
 15. 2019 European election results // European Parliament // [электронный ресурс]. – URL: <https://www.europarl.europa.eu/election-results-2019/en> (дата обращения: 11.12.2023).
 16. La très instructive publication des comptes 2017 des partis politiques par la CNCCFP // [электронный ресурс]. – URL: <https://www.upr.fr/france/la-tres-instructive-publication-des-comptes-2017-des-partis-politiques-par-la-cnccfp-lupr-le-plus-grand-parti-independant-de-france-et-le-3e-par-le-nombre-dadherents/> (дата обращения: 11.12.2023).
 17. Neue Zeiten. Neue Antworten: ab 2018 // [электронный ресурс]. – URL: <https://www.gruene.de/unsere-gruene-geschichte> (дата обращения: 11.12.2023).
 18. The official webpage of the “Pirate Party of Germany” // [электронный ресурс]. – URL: <https://www.piratenpartei.de/partei/satzung/> (дата обращения: 11.12.2023).
 19. The Official website of the Alliance for the Future of Austria party// [электронный ресурс]. – URL: <https://www.bzoe-kaernten.at/news/> (дата обращения: 11.12.2023).

ANALYSIS OF THE EXPERIENCE OF THE FORMATION OF WESTERN EUROPEAN POLITICAL PARTIES IN THE 21ST CENTURY

Ananishnev V.M., Pugachev N.M., Gavrillov D.V., Lagutina E.I.

Moscow City University

This article provides a detailed analysis of the political party system and political representation in Western Europe. The authors of the article examine the political party system in detail, explore the peculiarities of the Western European political landscape and analyze political practices. During the preparation of materials for writing the article the following topics were studied in detail: the history of the emergence of political parties, the formation of political thought and the main features of the party structure. Special attention is paid to the role of the European Parliament in the legislative and executive spheres of political life. The key principles of the European parliamentary system were studied, the

main political factions, their features and classification were considered. The authors explore and analyze the main trends in the space of Western European political parties. They highlight the main trends of political ideas and the most popular sentiments among the citizens of the European Union. Based on the collected data they analyze the most notable political parties in different countries of the West European political space. Because of the analysis, the party's goal, ideological affiliation, the number of party associates, its key features and differences from ideological allies are formulated. In addition, the authors of the article formulate the principles of a successful political party, formulated based on data obtained during the study of political parties in Western Europe.

Keywords: Political parties, management, Western Europe, European Parliament, senate, representation, electors, centrists.

References

1. Aristotle. Athenian politics. The state structure of the Athenians. – M., 1937.
2. Bolshakov I. Non-systemic opposition // Free thought. – 2011. – No. 3 – pp. 109–118.
3. Weber M. Politics as a vocation and profession // Theory of parties and party systems. M., 2008.
4. Nedyuzhko A. "Designing an organization management system: methodology, tools, company" Intellectual Enterprise Magazine No. 12, 2012.
5. Pinaev D. "Process management: what is the strength?" – BOSS magazine No. 3 2012.
6. The "Left Party" German criticized the parliamentary rhetoric of the government // [electronic resource]. – URL: <https://ria.ru/20230303/levye-1855508335.html> (date of announcement: 11.12.2023).
7. The "Left" received an absolute majority in parliament // [electronic resource]. – URL: <https://www.kp.ru/online/news/1176680/> (date of announcement: 11.12.2023).
8. Wrangel Alyans Melanchone whitewashed Macron's supporters in the first round of elections // [electronic resource]. – URL: <https://rg.ru/2022/06/12/vo-francii-alians-melanshona-oboshel-storonnikov-makrona-v-pervom-ture-vyborov.html> (date of announcement: 11.12.2023).
9. A story about the European Union // [electronic resource]. – URL: <https://eulaw.ru/treaties/teu/> (date of announcement: 11.12.2023).
10. History of Europe. Politics and political deviations, political parties and party systems // [electronic resource]. – URL: <https://bigenc.ru/c/vozrozhdenie-partiia-6cc10e> (date of announcement: 11.12.2023).
11. Total elections in the Bundestag: a new page in the history of Germany // [electronic resource]. – URL: <https://www.imemo.ru/special-rubrics/elections/german-elections/text/the-results-of-the-elections-to-the-bundestag-a-new-page-in-the-history-of-germany> (date of announcement: 11.12.2023).
12. The winning party lost in the parliamentary elections in Spain // [electronic resource]. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/07/2023/64b7f5149a79472d2c9f8a4b> (date of announcement: 11.12.2023).
13. Government coalition in Italy // [electronic resource]. – URL: <https://ria.ru/20220926/italiya-1819500853.html> (date of announcement: 11.12.2023).
14. Rocky T. Political parties and ideological methods in modern Europe // REX News Agency [electronic resource]. – URL: <http://www.iarex.ru/articles/53564.html> (date of announcement: 11.12.2023).
15. Results of the 2019 European elections // European Parliament // [electronic resource]. – URL: <https://www.europarl.europa.eu/election-results-2019/en> (date of announcement: 11.12.2023).
16. The most instructive publication about the 2017 contests of the CNCCFP political parties // [electronic resource]. – URL: <https://www.upr.fr/france/la-tres-instructive-publication-des-comptes-2017-des-partis-politiques-par-la-cnccfp-lupr-le-plus-grand-parti-independant-de-france-et-le-3e-parle-nombre-dadherents/> (date of announcement: 11.12.2023).
17. A new life. New Year: August 2018 // [electronic resource]. – URL: <https://www.gruene.de/unsere-gruene-geschichte> (date of announcement: 11.12.2023).
18. Official web page of the "Pirate Party of Germany" // [electronic resource]. – URL: <https://www.piratenpartei.de/partei/satzung/> (date of announcement: 11.12.2023).
19. Official website of the Alliance for the Future of Austria party // [electronic resource]. – <https://www.bzoe-kaernten.at/news/> (date of announcement: 11.12.2023).

Влияние социальных факторов на электоральное поведение российских граждан

Кирюшин Иван Артемович,

аспирант кафедры организационного проектирования систем управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: ivankir1997@rambler.ru

В данной статье электоральное поведение анализируются факторы и детерминанты, оказывающие особое влияние на электоральное поведение российских граждан. Исследование электорального поведения трактуется в рамках системы социальной детерминации гражданской деятельности и воспринимается как совокупность факторов, постоянно действующих на индивида или группу, имеющих логику своего развертывания во времени и пространстве.

В статье подчеркивается, что ход экономического развития, в конечном итоге, воздействует на окончательные итоги электорального процесса. Население солидаризируется с правящими государственными органами в том случае, когда избиратели могут уверенно смотреть в будущее и не беспокоится за свое благосостояние в семье. В связи с этим корреляция между уровнем развития экономики и результатами выборов прослеживается достаточно отчетливо. Именно поэтому каждый кандидат стремится представлять в своей предвыборной программе не только анализ текущего положения, но и целый комплекс мер по его улучшению.

Автор статьи на примере работы в последние годы Правительства Москвы показывает, что, сосредотачивая внимание на социальных факторах и детерминантах, влияющих на электоральное поведение, можно добиться серьезных положительных результатов в отношении электората к выборным органам власти столицы.

В статье определено, что харизматичность политического лидера партии является одним из ключевых факторов, оказывающее большое влияние на электоральную культуру российского избирателя.

В заключении автор статьи делает обобщение, связанное с влиянием социальных факторов на формирование выборных предпочтений российских граждан.

Ключевые слова: электоральное поведение, социальные факторы электорального поведения, политические предпочтения избирателей, голосование, теоретико-методологические основы исследования электорального поведения.

Изучение влияния социальных факторов на электоральное поведение граждан в минувшее столетие стало предметом особого внимания специалистов в области социологии. Еще в 40-е годы прошлого века известный французский ученый А. Зигфрид в своей работе пытался выявить «связь между электоральным поведением и объективными условиями существования людей» [1, с. 7–15].

В распоряжении ученых в настоящее время имеется большое количество исследований с разными подходами к изучению воздействия социальных факторов на выбор электоральных предпочтений. Однако следует подчеркнуть, что в мире пока не существует обобщенной модели электорального поведения. Мотивы волеизъявления граждан при голосовании пока еще недостаточно исследованы, а сами детерминанты динамичны и, в зависимости от реально существующей социально-экономической обстановки, видоизменяются.

Следует определиться с термином «электоральное поведение». В Большом толковом социологическом словаре электоральное поведение («voting behaviour») трактуется как «процессы принятия решений и социальные факторы, влияющие на модели голосования» [2].

В новейшей социальной науке выборные предпочтения воспринимают как действия самого гражданина, так и групповые выступления, как мероприятия в поддержку правящих органов власти, так и против них.

Социальные факторы электорального поведения исследуются в контексте классических теорий: *социологическая, социально-психологическая и рационально-инструментальная*.

Возможность продемонстрировать отношение к действующей власти, повлиять на создание вновь избираемых властных органов, изменить ситуацию в государстве и, наконец, защитить соб-

ственные интересы являются серьезным побуждением для участия в выборах.

Опросы общественного мнения, как правило, показывают истинное отношение избирателей к участию в выборах. Всероссийский центр изучения общественного мнения (далее – ВЦИОМ) по итогам опроса населения показал, «что 28% россиян свое нежелание участвовать в политической жизни объяснили отсутствием времени, каждый пятый из опрошенных высказал мнение, что политикой должны заниматься только профессионалы. Еще 16% уверены, что их участие в политике ничего не изменит, а 15% людей рассказали, что политическая жизнь им не интересна. 10% участников опроса высказались, что в стране нет общественных организаций и политических партий, которым можно было бы доверять» [7].

Учитывая вышеизложенное, представляется, что органы всех ветвей власти страны должны сосредоточить свое внимание на классификации действующих факторов, оказывающих большое влияние на социальное и экономическое развитие, совершенствовании законодательных актов Российской Федерации, создании условий для повышения эффективности работы всех отраслей народного хозяйства, улучшении жизненного уровня россиян. В тоже время итоги опроса ВЦИОМ дают основание для ученых, социологов, политологов активизировать работу по дальнейшему исследованию социальных факторов и признаков электорального поведения населения, целенаправленно сосредоточить их усилия для разработки новых методологических подходов к исследованиям.

Правительство Москвы в своей повседневной работе уделяет самое пристальное внимание социальным детерминантам, стимулирующих электоральное поведение горожан. Формирование устойчивых политических предпочтений избирателей происходит не в результате кратковременного ознакомления с информацией о программе политической партии или кандидата, а в ходе большой, кропотливой, многолетней работы

органов исполнительной власти, ее подразделений по улучшению социально-экономического положения в стране, регионе, городе, повышению жизненного уровня граждан, созданию комфортных условий проживания, благоприятных возможностей для развития бизнеса, работы, культурного отдыха, оказанию современной и качественной медицинской помощи, социальных услуг и т.д.

В этом смысле, как положительный пример, могут служить действия московского правительства, которое последние 10 с небольшим лет успешно работает над превращением города, «удобного для проживания». Мощнейшее развитие метрополитена и внедрение городской железной дороги в ядро столицы (МКЦ), установление железнодорожного сообщения между городом и пригородом (МЦД) – все это является грандиозной реализацией программы, во-многом, сократившей время москвичей на их перемещение по московскому региону. Серьезные преобразования совершены в сфере городской транспортной инфраструктуры, где каждый год вводится 1,5–2 млн кв.м. асфальтированных дорог. Ежегодно строятся развязки и магистрали, соразмерные с 1/3 московской кольцевой автомобильной дорогой (МКАД). Сюда можно добавить эффективное внедрение цифровизации в сферу общественного транспорта и обновление собственного парка. Несколько лет назад в столице начали проводить грамотную реформу по упорядочению отстоя автомобилей, причем в высокотехнологичной цифровой оболочке. Проводятся серьезные мероприятия по нормализации автомобильного движения в Москве и, особенно, в центре города. Мэрия и правительство города делает очень много для того, чтобы программа развития медицинской инфраструктуры набрала огромный оборот. Проводится обновление поликлиник, завершается создание целой сети из шести скорпомощных комплексов. Строятся новые объекты первичного и стационарного звеньев. Так, только в 2022 году в Москве отремонтирован 51 медицинский объект,

а с нуля построено 28 новых. «Сейчас, впервые в истории города, проводится крупнейшая модернизация амбулаторного комплекса. В программу вошли более 200 поликлиник, около половины из них уже отремонтированы и принимают пациентов. Активно продолжают обновляться городские стационары. В последние годы в городе происходит настоящий строительный «бум», который, не смотря на сложное время, лишь набирает силу. Только за 2022 год Москва поставила рекорд по строительству нового жилья» [4]. Из преобразований, произошедших в Москве в последнее десятилетие, заметными стали: дворы, улицы, парки, площади и скверы, то есть своего рода произошла революция благоустройства. Ведено около 12 млн кв. метров недвижимости, что на 35% больше планового. Продолжается программа реновации жилого фонда, в ходе которой более 100 тыс. человек переселены в новые дома и возведено свыше 200 новых «стартовых» домов, площадью около 3 млн кв. метров. Большое внимание уделяется развитию системы культуры, образования, социальной поддержки малоимущих, инвалидов, пенсионеров, развитию сети

государственных услуг. Официальные информационные каналы, «прямые линии» главы города, его заместителей, руководителей департаментов, комитетов и других структур правительства, префектур административных округов и управ районов столицы формируют положительное отношение жителей Москвы к деятельности городских органов исполнительной власти [4]. Проводимые мероприятия в области социально-экономического и культурного развития города, достигнутые положительные результаты Правительством под руководством Мэра столицы С.С. Собянина, бесспорно не прошли мимо внимания и оценки москвичей. Указанные факты положительно повлияли на формирование электоральных предпочтений москвичей, их оценки конкурирующих между собой кандидатов на выборы мэра мегаполиса (рис. 1).

Вышеперечисленные успехи, достигнутые в социально-экономическом развитии города, играют существенную роль в формировании позитивных социальных факторов, которые благоприятно влияют на отношение горожан к деятельности законодательных и исполнительных городских органов власти.

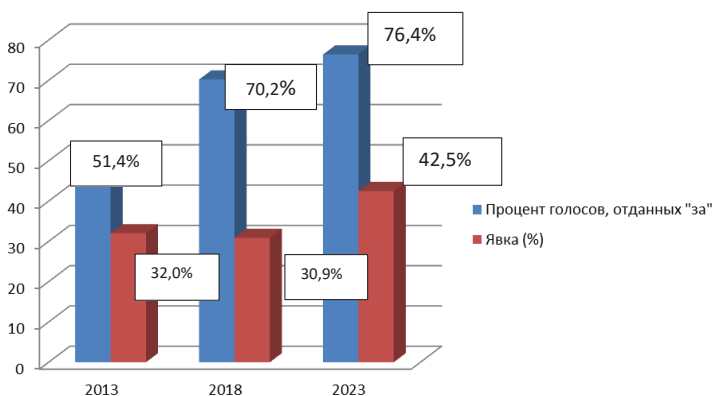

Рис. 1. Итоги выборов Мэра Москвы в 2013, 2018 и 2023 годах

Данный рисунок свидетельствует о положительной динамике итогов, прошедших в 2018 и 2023 гг. выборов главы города. Так С.С. Собянин с большим отрывом победил остальных кандидатов. За него проголосовало соответственно

1,6 млн и почти 2,5 млн человек, что составило 70,2 и 76,4% от общего количества избирателей, пришедших на выборы. По сравнению с аналогичными предыдущими выборами мэра явка горожан на избирательных участках в 2023 го-

ду значительно возросла и составила 42,5%. Таким образом, достигнут качественный скачок в доверии москвичей по отношению к действующему мэру и правительству г. Москвы [6].

Подобная картина сложилась в Москве и на выборах депутатов Советов депутатов муниципальных образований, состоявшихся в 2022 году. На 1417 депутатских мест претендовало 7,3 тыс. зарегистрированных кандидатов. По результатам выборов политическая партия «Единая Россия» и региональная общественная организация «Мой район», поддержанная московской Мэрией, получили 1294 мандата или 91,3% голосов и смогли добиться большинства во всех районах столицы. В тоже время КПРФ, идущая на втором месте, смогла получить лишь 41 мандат. Далее идут самовыдвиженцы, получившие 25 мест в муниципальных образованиях города. Ни одна из оппозиционных партий не смогла победить ни в одном муниципальном образовании [7].

В отечественной социологии фактор харизматичного политического лидера партии оказывает большое влияние на электоральную культуру российского избирателя (например, «Единая Россия» – В. Путин, ЛДПР – бывший лидер В. Жириновский, КПРФ – Г. Зюганов, «Яблоко» – Г. Явлинский и др.). Данный фактор склоняет избирателя в личном выборе отталкиваться от имиджа кандидатов – его риторики, внешней привлекательности, бэкграунда, линией поведения и т.д. Приверженцы данного представления убеждены, что неразборчивость электората в части проблемных позиций политических лидеров требует упрощенных критериев оценки кандидатов.

Учитывая вышеизложенное и основываясь на влиянии социальных факторов на электоральное поведение российских граждан, предлагается сделать следующие обобщения:

- основа серьезных теоретических трудов исследования в области влияния социальных факторов на формирование электорального поведения граждан выработана, в основном, запад-

ными учеными в области социологии, что явилось следствием их большой и продолжительной работы. Воплощение таких теорий коррелируется с существующим положением социального, экономического и культурного развития государства и его гражданского общества;

- теоретические, практические работы по анализу факторов и их интерференцией на выборные предпочтения населения, в определенной степени, затруднены недостатком имеющегося опыта и устоев подобного рода исследованиях выборного процесса в российском обществе. Аналитики вынуждены обращаться к разным теоретическим подходам. В свою очередь это порождает проблему методологического хаоса. Так, например, рационалисты отмечают достаточность экономических и институциональных факторов для оценки динамики формирования демократических институтов в России, а рефлексивисты опираются на то, что разница культурного свойства обуславливает особенности электорального поведения на федеральном и региональном уровнях;
- исследование электоральных предпочтений граждан России требует учета не только системы социальных и иных детерминант, но и институциональной группы показателей, отношений и социально-политических установок, а также актуальных требований к политическому поведению избирателей и их избирательной активности;
- за последние годы в Российской Федерации особое значение приобретают трансформация социальных факторов электорального поведения. Это стало следствием реформирования социально-экономической и культурной ситуации в обществе. Федеральные, региональные и местные итоги выборов за последние годы продемонстрировали, что «российская избирательная система поддается изменениям, которые нашли свое выражение во введении широкого

дистанционного электронного и многодневного голосования, и оказали существенное влияние на модернизацию вышеуказанных детерминант» [3, с. 186–202].

Литература

1. А. Зигфрид «Политическая картина западной Франции в III республике». – 1913. – С. 7–15.
2. Большой толковый социологический словарь.
3. Жуковская Н.Ю., Шурупова Е.И. Динамика факторов электорально-поведения россиян в 2018–2021 годы. Гражданин. Выборы. Власть. № 3(25). – 2022. – С. 186–202.
4. Москва выбрала Собянина. 09.09.2013. – URL: https://www.interfax.ru/story/43/page_2 (дата обращения: 28.09.2023).
5. Москва собянинская: как изменился город за 12 лет – «за» и «против». – URL: <https://moskvichmag.ru/gorod/moskva-sobyaninskaya-kak-izmenilsya-gorod-za-12-let-za-i-protiv/> (дата обращения: 28.09.2023).
6. Муниципальные выборы в Москве 2022. – URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D1%83%D0%B-D%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B-F%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%B-D%D1%8B%D0%B5_%D0%B2%D1%8B%D0%B1%D0%BE%D1%80%D1%8B_%D0%B2_%D0%9C%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%B2%D0%B5_\(2022\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D1%83%D0%B-D%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B-F%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%B-D%D1%8B%D0%B5_%D0%B2%D1%8B%D0%B1%D0%BE%D1%80%D1%8B_%D0%B2_%D0%9C%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%B2%D0%B5_(2022)) (дата обращения: 21.10.2023).
7. Опрос ВЦИОМ 02.08.2021. «ВЦИОМ увидел снижение политической активности до минимума за 17 лет». – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/regionalnye-vybory-2022> (дата обращения: 11.11.2023).

THE INFLUENCE OF SOCIAL FACTORS ON THE ELECTORAL BEHAVIOR OF RUSSIAN CITIZENS

Kiryushin I.A.

Russian Presidential Academy, RANEPА

This article, electoral behavior, analyzes the factors and determinants that have a particular

impact on the electoral behavior of Russian citizens. The study of electoral behavior is interpreted within the framework of the system of social determination of civic activity and is perceived as a set of factors that constantly act on an individual or group, having the logic of their unfolding in time and space.

The article emphasizes that the course of economic development ultimately affects the final results of the electoral process. The population is in solidarity with the ruling government bodies when voters can confidently look to the future and do not worry about their well-being in the family. In this regard, the correlation between the level of economic development and election results can be seen quite clearly. That is why each candidate strives to present in his election program not only an analysis of the current situation, but also a whole range of measures to improve it.

The author of the article, using the example of the work of the Moscow Government in recent years, shows that by focusing on social factors and determinants influencing electoral behavior, it is possible to achieve serious positive results in the attitude of the electorate towards the elected authorities of the capital.

The article determines that the charisma of the political leader of the party is one of the key factors that has a great influence on the electoral culture of the Russian voter.

In conclusion, the author of the article makes a generalization related to the influence of social factors on the formation of electoral preferences of Russian citizens.

Keywords: electoral behavior, social factors of electoral behavior, political preferences of voters, voting, theoretical and methodological foundations for the study of electoral behavior.

References

1. A. Siegfried "Political picture of western France in the Third Republic." – 1913. – P. 7–15.
2. Large explanatory sociological dictionary.
3. Zhukovskaya N.Yu., Shurupova E.I. Dynamics of factors of electoral behavior of Russians in 2018–2021. Citizen. Elections. Power. No. 3(25). – 2022. – P. 186–202.
4. Moscow chose Sobyenin. 09.09.2013. – URL: https://www.interfax.ru/story/43/page_2 (access date: 09/28/2023).
5. Sobyenin's Moscow: how the city has changed in 12 years – pros and cons. 01/25/2023. – URL: <https://moskvichmag.ru/gorod/moskva-sobyaninskaya-kak->

- izmenilsya-gorod-za-12-let-za-i-protiv/ (access date: 09/28/2023).
6. Municipal elections in Moscow 2022. – URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D1%83%D0%B-D%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B-F%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D0%B2%D1%8B%D0%B1%D0%BE%D1%80%D1%8B_%D0%B2_%D0%9C%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%B2%D0%B5_\(2022\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D1%83%D0%B-D%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B-F%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D0%B2%D1%8B%D0%B1%D0%BE%D1%80%D1%8B_%D0%B2_%D0%9C%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%B2%D0%B5_(2022)) (access date: 10/21/2023).
 7. VTsIOM survey 08/02/2021. “VTsIOM saw a decrease in political activity to a minimum in 17 years.” – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/regionalnye-vybory-2022> (access date: 11/11/2023).

Научно-исследовательская работа будущих инженеров по социально-гуманитарным направлениям как фактор социальной самореализации

Коган Евгения Александровна,

к.с.н., доцент кафедры «Социологии, психологии и социального менеджмента» Московского авиационного института (НИУ)
E-mail: kogan2502@yandex.ru

Статья посвящена анализу отношения студентов к непрофильным направлениям научно-исследовательской работы в вузе. Приведены результаты исследования мнений студентов Московского авиационного института (НИУ), обучающихся на технических факультетах, об их опыте и желании участвовать в научно-исследовательской работе по социально-гуманитарным направлениям. Было проведено 10 интервью со студентами, успешно проявившими себя в научно-исследовательской работе по социологии, философии и другим социально-гуманитарным дисциплинам. Также был осуществлен экспресс-опрос 100 студентов 2–3 курсов технических факультетов МАИ, не имеющих такого опыта. По результатам опроса выяснилось, что около трети студентов хотели бы попробовать свои силы в научно-исследовательской работе по гуманитарному профилю, но большинство из них опасается, что не хватит знаний и навыков, а также временных ресурсов для такой работы. Те, имел успешный опыт участия в научно-исследовательской деятельности считают, что она дает им возможность получить навыки написания научной работы, выступления перед аудиторией, а также знакомство с новыми людьми, единомышленниками.

Ключевые слова: научно-исследовательская работа, студенты технического вуза, профиль НИРС, социально-гуманитарные дисциплины, мотивация деятельности, значимость научно-исследовательской работы, социальная самореализация.

Введение

В последнее десятилетие все большее внимание в вузах уделяется научно-исследовательской работе студентов (НИРС). Современная система высшего образования предполагает формирование будущих специалистов с широким набором компетенций. Так, к примеру, будущие инженеры должны уметь работать в команде, быть толерантными, уметь взаимодействовать с людьми разного уровня, позиционировать себя определенным образом и т.д. Общекультурные компетенции могут быть сформированы не только в учебном процессе, но и в ходе научной и другой внеучебной деятельности.

Если раньше в высших учебных заведениях научно-исследовательская работа студентов в основном была связана с дисциплинами по профилю обучения, или близкими к нему, то в последнее время студенты все чаще принимают участие в научных мероприятиях по направлениям, зачастую никак не связанным с их специальностью.

В частности, в Московском авиационном институте студенты технических направлений весьма успешно участвуют в научных мероприятиях всероссийского и международного масштаба по социологии и философии, иностранному языку. К примеру, интерес студентов к секциям по философии и социологии, иностранному языку в рамках международной молодежной конференции «Гагаринские чтения» очень высокий и растет из года в год. Так, в 2023 году количество выступающих выросло почти в 2 раза по сравнению с 2022 годом – с 20 до 38 человек. Вопрос состоит в том, что дает такая научно-исследовательская работа студенту – будущему инженеру, и какое влияние оказывает на его становление как специалиста. Данная проблематика практически не раскрыта в научной литературе.

Краткий обзор литературы

Анализу научно-исследовательской работы со студентами посвящено множество научных статей российских авторов. В последнее время их количество значительно выросло. Часть трудов посвящены анализу мотивации участия студентов в научно-исследовательской работе и ее повышению [5; 7; 8; 11; 13]. Отмечается, что лишь незначительное количество студентов регулярно участвуют в научно-исследовательской работе, несмотря на то что многие проявляют интерес к этой деятельности и считают ее престижной [5]. Очевидно, что важно совершенствовать организацию работы НИРС в вузах, в частности систему информирования. Этому аспекту посвящены работы Алабугина А.А. и Алабугиной Р.А. [1], Исмагиловой Ю.Д. [4], Фоминых С.О. [15], Демидовой Т.Е. и соавторов [3]. В то же время необходимо учитывать ценности и приоритеты современной молодежи для вовлечения ее в НИРС [10].

Некоторые ученые, в частности, Гавриков А.И. [2] рассматривают проблемы, связанные с развитием способностей обучающихся к научно-исследовательской работе. Часть студентов недооценивают себя, опасаясь, что не справятся с научно-исследовательской работой. Поэтому важно выявлять их способности и помогать им развивать их.

Так как научно-исследовательская деятельность студентов в разных вузах и по различным направлениям имеет свою специфику, то в научной литературе присутствует большой ряд статей, которые анализируют эту деятельность в рамках: определенного вуза [4; 9; 10], определенной специальности (реклама [14], физика [15]), конкретного курса [12] или формы обучения [6].

Тем не менее, в работах российских ученых практически не рассматривается такой аспект, как участие в студентах в непрофильных научных мероприятиях.

Зарубежные исследователи часто делают акцент на содержании научно-исследовательской деятельности и ее включении в учебный процесс. В част-

ности, рассматривается введение образовательных игр для развития исследовательских компетенций [16], понимание студентами сути научного исследования [17], их эмоциональное состояние в ходе научно-исследовательской работы [18].

Методология и методы исследования

Исследование проводилось в 2 этапа. На первом этапе был проведен экспресс-опрос 100 студентов 2–3 курсов технических факультетов МАИ, не имеющих опыта участия в научно-исследовательской работе. Опрос включал в себя несколько основных аспектов: интерес к научным мероприятиям по социально-гуманитарному профилю, готовность к этой деятельности и причины нежелания участвовать в ней.

На втором этапе было проведено 10 интервью со студентами технических факультетов (институтов) Московского авиационного института (НИУ), неоднократно участвующими в конференциях и других научных мероприятиях по социологии и философии, и имеющими определенные достижения (призовые места, победы в номинациях и т.д.). Респондентами являлись студенты 2-х-4-х курсов бакалавриата. В гендерном соотношении несколько преобладали представители мужского пола в силу специфики вуза. Для интервью намеренно были выбраны студенты, которые уже имеют опыт научно-исследовательской работы, чтобы глубже понять мотивацию и получить обратную связь о влиянии этой деятельности на них. Интервью длилось 30–40 минут. Респонденты не были стеснены рамками зачета и другими факторами, способными оказать давление.

Целью исследования было выявить отношение студентов технического вуза к участию в научных мероприятиях, не связанных с профилем их обучения, и их значимость.

Результаты исследования и обсуждение

Опрос студентов, обучающихся на технических факультетах МАИ, показал, что почти треть респондентов (32%) вырази-

ли интерес к научно-исследовательской работе по социально-гуманитарному направлению. Учитывая, что, по данным других опросов, доля тех, кто в целом считает НИРС интересной деятельностью, составляет немного более 50% [5, С. 181], это достаточно весомый показатель. Тем не менее, готовность к данной работе на словах продемонстрировали только 17% опрошенных. В качестве причин нежелания принимать участие в научно-исследовательской работе по социально-гуманитарному направлению были отмечены следующие: отсутствие времени (45%), неуверенность в том, что у них есть необходимые знания и навыки (38%), отсутствие стимулов к данной деятельности (35%). И лишь несколько человек полагают, что такая деятельность не имеет значения. Таким образом, причины нежелания участвовать в научно-исследовательской работе по гуманитарным направлениям носят общий характер и не связаны со спецификой этой деятельности.

В ходе интервью со студентами, имеющими успехи в области НИРС, были выделены следующие блоки: факторы, влияющие на возникновение интереса к научно-исследовательской работе не по специальности; ожидания от научно-исследовательской работы и мотивация участия; оценка процесса и значимость участия в этой деятельности; и сложности, с которыми столкнулись студенты в процессе ее реализации.

Факторы, влияющие на возникновение интереса к научной деятельности, не связанной со специальностью

В ходе исследования выяснилось, что у большей части опрошенных (6 из 10) студентов интерес к научной деятельности, не связанной со специальностью, возник еще в ходе обучения в школе или колледже. Во время обучения в другом учебном заведении нынешние студенты технических факультетов увлекались социально-гуманитарными предметами.

«Несмотря на то, что я учусь в сфере IT, меня всегда интересовала социология и психология для расширения своего кругозора и понимания людей. В 11 классе я даже писала работу на тему «Позитивное мышление, как путь к успеху», здесь как раз и сплелись два направления, про которые я упомянула выше» (Респондент 1).

«Интерес к научно-исследовательской работе возник еще в колледже, где я учился до института. Мне всегда нравилось заниматься не только тем, что связано со специальностью, но и многими другими вещами, выходящими за пределы специальности» (Респондент 2).

Остальные отметили, что ранее не испытывали интереса к социально-гуманитарным дисциплинам, а к занятию научно-исследовательской деятельностью их подтолкнула интересная подача предмета в университете и предложение преподавателя принять участие в такой работе.

«В процессе изучения социологии у меня возник интерес к этому направлению, и когда появилась возможность, предложение от преподавателя, проявить себя в этой сфере, выбрать тему, провести исследование и выступить, я воспользовался. До этого опыта научно-исследовательской работы не было» (Респондент 3).

Таким образом, преподавателям, которые ведут непрофильные предметы, при взаимодействии со студентами важно выявить их уже существующий интерес к определенной тематике и предложить актуальную тему, а также вовлекать в этот процесс наиболее активных и способных студентов, не имеющих опыта в данной сфере.

Мотивация участия в научных мероприятиях и ожидания от них

Как выяснилось в ходе интервью, у большинства участников исследования преобладала мотивация, связанная с личностным ростом, получением новых навыков, прежде всего, навыков презентации, выступления перед публикой, а также приобретением опыта написания научной работы.

«В первую очередь, что я ожидала от участия, так это получить опыт и познакомиться с людьми. У меня была одна цель: хорошо подготовить работу и побороть страх публичного выступления» (Респондент 1).

«Я ожидала от этой деятельности получения определенных знаний и навыков: выступление перед публикой, навыки аналитического мышления, проведения опросов» (Респондент 4).

«Мне стало просто интересно, я хотел попробовать свои силы» (Респондент 5).

Некоторые из опрошенных отмечали, что у них одновременно присутствовала как моральная, так и материальная мотивация участия в научно-исследовательской работе. У студентов, демонстрирующих хорошую успеваемость, есть возможность получения дополнительных стипендий, причем отдельные стипендии могут получить не только бюджетники, но и обучающиеся на платной основе.

«Хотелось получить опыт в написании научной работы и по итогу получить повышенную стипендию» (Респондент 6).

Отметим, что ни один из опрошенных не указал такой фактор, как получение зачета по предмету. Безусловно, часть тех, кто участвует в подобных мероприятиях, руководствуются возможностью получения зачета, но они, как правило, не мотивированы на высокий результат и не участвуют в подобных мероприятиях повторно.

Что касается ожиданий, то участники отметили, что они не рассчитывали на победы или какие-то другие достижения, интерес представлял сам процесс участия. Важно получать удовольствие и делать определенные выводы по проделанной работе, а не заикливаться на результатах, в том числе недостигнутых.

«У меня не было ожиданий победы, было очень много выступающих с прекрасными работами. Не ожидала я того, что займу 2 место» (Респондент 1).

Таким образом, наиболее успешными участниками НИРС становятся те сту-

денты, которые нацелены на получение опыта, определенных знаний и навыков, знакомство с новыми людьми и апробацию своих возможностей.

Оценка процесса участия студентов в научной деятельности и ее значимость

Все участники опроса однозначно подчеркивали, что самое главное, что они получили от участия в научно-исследовательской работе – это опыт участия в интересных проектах, а также моральное удовлетворение от своей деятельности.

«Это незабываемый опыт, который я с радостью повторил бы еще раз» (Респондент 7).

«Я получил для себя самое главное – это опыт» (Респондент 2).

Некоторые отметили, что полученные навыки оказались полезными и применимыми для учебной и другой деятельности.

«Участие в научно-исследовательской работе принесло мне многое: в моральном плане удовлетворение от участия в интересном проекте, в практическом плане – получение некоторых навыков работы с данными, презентации и выступления, которые оказались полезными при защите курсовых работ и диплома, и думаю, будут полезны в дальнейшей работе» (Респондент 3).

Говоря о значимости научно-исследовательской работы, некоторые участники не обошли стороной и материальный аспект – получение повышенной стипендии, что стало не основным результатом, а приятным бонусом к полученному опыту.

«В материальном плане тоже хорошо – получение нескольких стипендий по НИРС (Правительства, Президента)» (Респондент 4).

«В материальном аспекте – получила повышенную стипендию, что было очень приятно» (Респондент 8).

В ходе исследования мы пытались понять, стоит ли будущим инженерам тратить свое время и силы на научную работу не по специальности, например,

в области социологии? Все респонденты дали однозначный положительный ответ: научная работа в социально-гуманитарной плоскости дает возможность по-новому взглянуть на техническую сферу, выдвинуть новые идеи, гипотезы, познакомиться с интересными людьми.

«В целом развивать научно-исследовательскую работу стоит, не обязательно по специальности, а по той дисциплине, к которой есть интерес у студента» (Респондент 3).

«Развитие научно-исследовательской работы для технических специалистов в области социологии вполне оправданно, так как навыки работы с данными и аналитическое мышление становятся востребованными во многих сферах. Взаимодействие технарей и социологов может привести к интересным открытиям, которые будут полезны для бизнеса и общества в целом» (Респондент 9).

«На моей кафедре удивлялись, что я выбрала социологию в качестве научной работы, а не программирование. Предлагали заняться профильным предметом. В будущем, вероятно, я этим займусь, но сейчас интереснее социология» (Респондент 10).

«Я считаю, что заниматься научно-исследовательской работой не по профилю определённо стоит. Так, это даёт массу преимуществ: научиться уверенно выступать на публике, а точнее: развить ораторские способности; возможность познакомиться с новым или давно интересующим направлением; получить собственное исследование и что-то подчеркнуть для себя; опыт; найти новых знакомых и единомышленников» (Респондент 1).

Таким образом, проявляя активность на конференциях, олимпиадах и других мероприятиях, студенты получают новые знания, навыки, умения, а также приобретают опыт, который может пригодиться в разных сферах их будущей деятельности. За успехи в научно-исследовательской работе студенты могут получить дополнительные стипендии, как внутриуниверситетские, так и внешние (стипендия Правительства, стипен-

дия Президента и т.д.), что является для них приятным бонусом. Кроме того, публикации и грамоты за участие и победы в научных мероприятиях дают баллы для поступления в магистратуру. Многие работодатели также обращают внимание на научную активность студента. В связи с этим достаточно актуальным становится участие студентов в научных мероприятиях, в том числе не связанных с их специальностью и профилем обучения.

Сложности научно-исследовательской деятельности в сфере, не связанной с получаемой специальностью

В любой деятельности, в том числе в научно-исследовательской, студенты сталкиваются с определенными трудностями. Так, по статистике, из 10 обучающихся в вузе, начинающих научно-исследовательскую работу, завершают ее только 6 человек. Трудности, с которыми сталкиваются студенты, могут носить как объективный, так и субъективный характер.

Во-первых, сложности связаны с новизной характера работы – с некоторыми формами работы студенты сталкиваются впервые.

«Так как впервые занимался такой деятельностью, то некоторые моменты сбора данных были немного сложными с организационной точки зрения» (Респондент 3).

Во-вторых, это высокая загруженность по основным предметам, что ограничивает временные ресурсы для занятий научной деятельностью.

«Сложности были связаны с отсутствием необходимой инициативности с моей стороны из-за большой нагрузки по спецпредметам, что несколько тормозило процесс исследования» (Респондент 5).

К субъективным факторам, затрудняющим научно-исследовательскую работу, относятся личностные качества и мотивации студентов. Некоторым обучающимся свойственна нестойкая мотивация, неумение рационально распределять свое время, низкая самооргани-

зация, что негативно влияет на качество выполняемой работы.

«Были моменты, когда все хотелось бросить, потому что катастрофически не хватало времени» (Респондент 7).

«К сожалению, привычка делать все в последний момент не очень хорошо сказывается на результатах работы, на выступлениях. Понимаешь, что, если бы делал все вовремя, получилось бы более качественно» (Респондент 9).

Следует отметить, что именно отсутствие стойкой мотивации у студентов зачастую приводит к тому, что студенты, интересующиеся НИРС, не доводят свою работу до конца.

Заключение

Исследование показало, что научно-исследовательская деятельность студентов технических факультетов по социально-гуманитарным направлениям, оказалась очень полезной для их личностного развития, расширения компетенций. Она позволяет получить новые навыки и опыт, а также найти единомышленников. Научно-исследовательскую работу в вузе по непрофильным направлениям стоит развивать, так как это расширяет возможности студентов, обогащает их, зачастую актуализирует давние интересы. Также это имеет большую ценность для кафедр, не выпускающих своих студентов, и вуза в целом, так как повышение показателей по НИРС влияет на рейтинг учебного заведения.

Литература

1. Алабугин А.А., Алабугина Р.А. Методические подходы к организации научно-исследовательской работы студентов // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2014. № 1. С. 57–60.
2. Гавриков А.И. Развитие способностей к научно-исследовательской работе у студентов // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2018. № 1 (17). С. 211–214.
3. Демидова Т.Е., Чижевская И.Н., Чижевский А.Е. Проблемы информационного обеспечения научно-исследовательской работы студен-

тов // Управление образованием: теория и практика. 2023. № 4 (62). С. 172–179.

4. Исмагилова Ю.Д. Организация научно-исследовательской работы студентов в таможенном вузе // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2016. № 4. С. 103–111.
5. Коган Е.А. Отношение студентов вузов к научно-исследовательской работе // Человеческий капитал. 2020. № 8 (140). С. 179–187.
6. Коган Е.А. Проблема мотивации студентов, обучающихся на платной основе, к научно-исследовательской работе // Проблемы современного образования. 2018. № 5. С. 176–184.
7. Лапин П.М., Балезина Е.А. Мотивация студентов к выполнению научно-исследовательской работы и ее связь с установкой на построение академической карьеры в вузе // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 4. С. 662–672.
8. Левашова Ю.В., Шарикова Ю.В. Выявление уровня мотивации студентов к научно-исследовательской работе и разработка методов его повышения // Вопросы управления. 2019. № 5 (60). С. 242–250.
9. Мамонова Л.И. Научно-исследовательская работа студентов технического вуза // Символ науки. 2017. № 01–1. С. 201–203.
10. Старчикова И.Ю. Развитие научно-исследовательской деятельности в авиационном вузе // Человеческий капитал. 2022. № 4 (160). С. 222–232.
11. Степанова М.Н., Кузнецова Н.В. Роль кафедры в вовлечении обучающихся в научно-исследовательскую деятельность // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 3 (36). С. 91–96.
12. Супрун Л.И., Супрун Е.Г. Научно-исследовательская работа студентов первого курса // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 7 (38). С. 64–66.
13. Супрун Н.Г., Халикова Д.А., Маметьева О.С. Изучение мотивации студентов к научно-исследовательской

- работе в вузе // Гуманитарно-педагогические исследования. 2017. Т. 1. № 1 (1). С. 55–59.
14. Тараненко А.В., Кушнава Х.Н.К. Вовлечение студентов, обучающихся по направлению «Реклама и связи с общественностью», в научно-исследовательскую деятельность // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 8. № 2. С. 224–228.
 15. Фоминых С.О. Некоторые аспекты организации научно-исследовательской деятельности будущих учителей физики//Вестник Марийского государственного университета. 2023. Т. 17. № 2 (50). С. 228–234.
 16. Abbott D. Game-based learning for postgraduates: an empirical study of an educational game to teach research skills. *Higher Education Pedagogies*, 2019. 4 (1). P. 80–104.
 17. Aydeniz M., Baksa K., Skinner J. Understanding the Impact of an Apprenticeship-Based Scientific Research Program on High School Students' Understanding of Scientific Inquiry//*Journal of Science Education and Technology*. 2011. Volume 20, P. 403–421.
 18. Feldman A., Divoll K.A., Rogan-Klyve A. *Becoming Researchers: Participation of Undergraduate and Graduate Students in Scientific Research Groups*//Wiley Periodicals. 2013. Inc. *Sci Ed* 97: P. 218–243.

RESEARCH WORK OF FUTURE ENGINEERS IN SOCIAL AND HUMANITARIAN AREAS AS A FACTOR OF SOCIAL SELF-REALIZATION

Kogan E.A.

Moscow Aviation Institute (NIU)

The article is devoted to the analysis of students' attitudes towards non-core areas of research work at a university. The results of a study of the opinions of students of the Moscow Aviation Institute (NIU), studying at technical faculties, about their experience and desire to participate in research work in social and humanitarian areas are presented. 10 interviews were conducted with students who had successfully demonstrated themselves in research work in sociology, philosophy and other social and humanitarian disciplines. An express survey was also

carried out among 100 2nd-3rd year students of technical faculties of the Moscow Aviation Institute who did not have such experience. According to the survey results, it turned out that about a third of students would like to try their hand at research work in the humanities, but most of them are afraid that they do not have enough knowledge and skills, as well as time resources for such work. Those who have had successful experience in participating in research activities believe that it gives them the opportunity to gain skills in writing a scientific paper, speaking in front of an audience, and meeting new people and like-minded people.

Keywords: research work, technical university students, research work profile, social and humanitarian disciplines, motivation of activity, significance of research work, social self-realization.

References

1. Alabugin A.A., Alabugina R.A. Methodological approaches to organizing student research work // *Modern higher school: innovative aspect*. 2014. № 1. pp. 57–60.
2. Gavrikov A.I. Development of abilities for research work among students//*Economic and social-humanitarian research*. 2018. No. 1 (17). pp. 211–214.
3. Demidova T.E., Chizhevskaya I.N., Chizhevsky A.E. Problems of information support for students' research work // *Educational Management: Theory and Practice*. 2023. No. 4 (62). pp. 172–179.
4. Ismagilova Yu.D. Organization of scientific research work of students at a customs university // *Customs policy of Russia in the Far East*. 2016. No. 4. pp. 103–111.
5. Kogan E.A. Attitude of university students to research work//*Human capital*. 2020. No. 8 (140). pp. 179–187.
6. Kogan E.A. The problem of motivating students studying on a paid basis to do research work // *Problems of modern education*. 2018. No. 5. pp. 176–184.
7. Lapin P.M., Balezina E.A. Students' motivation to carry out research work and its connection with the goal of building an academic career at a university // *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*. 2021. Vol. 4. pp. 662–672.
8. Levashova Yu.V., Sharikova Yu.V. Identification of the level of motivation of students for research work and development of methods for increasing it // *Management Issues*. 2019. No. 5 (60). pp. 242–250.

9. Mamonova L.I. Research work of technical university students//Symbol of Science. 2017. No. 01–1. pp. 201–203.
10. Starchikova I. Yu. Development of research activities at an aviation university // Human capital. 2022. No. 4 (160). pp. 222–232.
11. Stepanova M.N., Kuznetsova N.V. The role of the department in involving students in research activities // Baltic Humanitarian Journal. 2021. T. 10. No. 3 (36). pp. 91–96.
12. Suprun L.I., Suprun E.G. Research work of first-year students // International Scientific Research Journal. 2015. No. 7 (38). pp. 64–66.
13. Suprun N.G., Khalikova D.A., Mametyeva O.S. Studying students' motivation for research work at a university // Humanitarian and pedagogical research. 2017. T.1. No. 1 (1). pp. 55–59.
14. Taranenko A.V., Kushnava Kh.N.K. Involving students studying in the field of “Advertising and Public Relations” in research activities // Pedagogy. Questions of theory and practice. 2023. T. 8. No. 2. pp. 224–228.
15. Fominykh S.O. Some aspects of organizing research activities of future physics teachers // Bulletin of the Mari State University. 2023. T. 17. No. 2 (50). pp. 228–234.
16. Abbott D. Game-based learning for post-graduates: an empirical study of an educational game to teach research skills. Higher Education Pedagogies, 2019. 4 (1). pp. 80–104.
17. Aydeniz M., Baksa K., Skinner J. Understanding the Impact of an Apprenticeship-Based Scientific Research Program on High School Students' Understanding of Scientific Inquiry//Journal of Science Education and Technology. 2011. Volume 20, pp. 403–421.
18. Feldman A., Divoll K.A., Rogan-Klyve A. Becoming Researchers: Participation of Undergraduate and Graduate Students in Scientific Research Groups//Wiley Periodicals. 2013. Inc. Sci Ed 97: pp. 218–243.

Структурные ограничения формирования профессиональных компетенций в условиях вторичной занятости студенческой молодежи (на материалах ЗабГУ)

Михайловская Светлана Александровна,

к.ф.н., Забайкальский государственный университет
E-mail: alecru77@mail.ru

Научная статья посвящена изучению проблем вторичной занятости современной студенческой молодежи и связанных с их преодолением возможностей по профессиональному развитию студентов. Автором обосновывается актуальность и значимость темы исследования. Высказывается позиция, согласно которой вторичная занятость студента, с одной стороны, активно содействует его профессионализации и ускоряет его профессиональное становление и повышает его конкурентоспособность за счет развития т.н. транспрофессиональных и «мягких» навыков, с другой стороны, отвлекает ограниченные ресурсы студента – учебного процесса, что требует поиска баланса между учебной и деятельностью в контексте вторичной занятости. Проводится краткий терминологический анализ понятия «вторичная занятость», уточняются задачи деятельности в рамках вторичной занятости в период студенчества. Приводятся результаты анкетирования студентов ЗабГУ, отражающие проблемы и сложности, с которыми они сталкиваются в контексте вторичной занятости. проведенное эмпирическое исследование показало, что проблемы вторичной занятости различаются у студенческой молодежи, получающей образование разного уровня.

Ключевые слова: вторичная занятость, студенчество, молодежь, профессиональное становление, высшее образование.

Процесс профессионального развития личности начинается еще в школьном возрасте, когда определяются приоритеты в обучении, уточняются и осознаются интересы школьника как будущего профессионала. Однако наиболее важным для профессионального развития и самореализации в профессионально-трудовой сфере является период профессионального обучения, которое, как правило, осуществляется в учреждении высшего или среднего профессионального образования. Именно в период студенчества человек делает конкретные шаги для своего профессионального становления: получает и усваивает новые профессиональные знания, осваивает умения, оттачивает навыки. Поэтому справедливым и обоснованным является утверждение о том, что основная деятельность человека в период студенчества – это получение профессионального образования.

Однако в современном мире, несмотря на демографический спад и снижение доли трудоспособного населения [10], сохраняется конкуренция за перспективные рабочие места с интересными профессионально-трудовыми задачами, высокой оплатой труда и привлекательными условиями работы. В условиях высокой конкуренции за привлекательные рабочие места студенты, не имеющие опыта работы, обладают меньшими шансами на успех по сравнению со своими коллегами, которые уже успели получить трудовой опыт в период студенчества. Кроме того, снижается доступность бесплатного профессионального образования, растет конкуренция за места на востребованных направлениях, и часто студенты вынуждены рассматривать возможности работать параллельно с обучением, чтобы вносить оплату (выплачивать кредиты) за обучение по вы-

бранной ими специальности, если она особенно популярна среди абитуриентов [1]. Более того, студенчество является тем возрастным периодом, когда человек хочет впервые почувствовать и проявить свою самостоятельность и независимость от родителей, что также стимулирует современного студента к поиску возможностей для заработка [4]. Поэтому для современных студентов, в т.ч. обучающихся на очной форме обучения, становится актуальной задача по совмещению работы и учебы.

Осуществление трудовой деятельности параллельно с получением профессионального образования на очной форме обучения характеризуется как «вторичная занятость». Данное понятие трактуется как «совмещение работы и учебы студентов дневной формы образования» [2, С. 181], как «трудовая деятельность представителей студенческой молодежи, оплачиваемая определенным образом, реализуемая в свободное от учебного процесса время» [9, С. 11]. Соответственно, к определяющим критериям вторичной занятости относятся: непосредственное осуществление деятельности студентом; обучение студента на очной форме, что определяет учебную деятельность как первичную занятость; трудовой и оплачиваемый характер деятельности (не волонтерство); осуществление деятельности в свободное от учебы время и необходимость распределять временные ресурсы и усилия между первичной и вторичной занятостью.

К основным мотивам участия во вторичной занятости и связанных с нею профессионально-трудовых отношениях, согласно актуальным исследованиям, относятся [8; 9]: обретение материальной самостоятельности и жилищной автономии, получение дополнительного заработка, получение профессиональных навыков и повышение собственной конкурентоспособности, получение опыта работы в коллективе, повышение своего социального статуса и включение в профессиональное сообщество. Кроме того, исследователи отмечают, что вторичная занятость повышает со-

циальную гибкость и адаптивные возможности студента, сокращает период его профессионального старта, способствует структурированию жизненного пути и большей осознанности профессионального выбора [9].

Если с преимуществами вторичной занятости складывается вполне понятная и однозначная картина, то проблемы, которые связаны с осуществлением такой деятельности, освещаются, на наш взгляд, недостаточно полно. Так, в актуальных исследованиях подчеркивается, что в современном обществе студенты в рамках вторичной занятости, не имея опыта и ощущая свою неконкурентоспособность, все чаще соглашались на недопустимые условия и вступают в трудовые отношения без оформления трудового договора либо с нарушением трудовых прав [6; 8; 11]. Кроме того, освещается проблема снижения академической успеваемости, связываемой с ролевой конфликтностью ввиду ограниченного временного и мотивационного ресурса студента [12]. Также к числу проблем, связанных со вторичной занятостью, относится осуществление трудовой деятельности в рамках такой занятости не по профессии, что требует особого внимания.

Вторичная занятость действительно может осуществляться студентом по выбранной профессии или вне данного профессионального контекста. Особенно часто современные студенты работают в формате вторичной занятости в сфере общепита, в курьерских сервисах, а также в продолжение своих хобби и увлечений [9]. Специалисты в области психологии профессиональной деятельности отмечают, что даже при осуществлении вторичной занятости не по основной профессии, студент становится более конкурентоспособным и привлекательным для работодателей. Обосновать такую тенденцию можно с привлечением понятий «транспрофессиональные компетенции» и «мягкие навыки», которым в актуальных исследованиях уделяется все больше внимания [3]. Транспрофессионализм предполагает наличие принципиально новой квалификацион-

ной характеристики субъекта деятельности, которая позволяет ему интегрировать хард-, софт- и диджитал компетенции в трудовой деятельности. В рамках концепции транспрофессионализма человек воспринимается в роли «свободного субъекта рынка труда, способного изменять род профессиональной деятельности, содержание и качество своего труда в течение жизни» [5, С. 56]. Для этого человеку особенно полезным является разнообразный трудовой опыт в разных профессиональных сферах, который позволяет лучше ориентироваться в отношениях с работодателем, условиях труда и реальном контексте трудовой деятельности.

Для изучения тех проблем, с которыми сталкивается современная студенческая молодежь при осуществлении трудовой деятельности в рамках вторичной занятости, проведено исследование с участием студентов Забайкальского Государственного Университета (ЗабГУ). ЗабГУ является современным многопрофильным университетом, на базе которого функционируют 11 факультетов, колледж и лицей, где обучаются около 12 тысяч студентов, из которых более 5 тысяч обучаются по очной форме [7].

В эмпирическом исследовании приняли участие 90 студентов ЗабГУ, обучающихся на очной форме по программам бакалавриата (30 человек, 3–4 годы обучения, возраст от 20 до 25 лет, 15 девушек, 15 юношей), специалитета (30 человек, 3–5 годы обучения, возраст от 20 до 25 лет, 15 девушек, 15 юношей) и магистратуры (30 человек, 1–2 годы обучения, возраст от 22 до 25 лет, 15 девушек, 15 юношей). Исследование проведено в формате анкетирования студентов. Анкета включала 9 вопросов, направленных на уточнение параметров вторичной занятости (наличие занятости, сфера и характер труда) и выявление ключевых проблем, связанных со вторичной занятостью у студентов ЗабГУ разных ступеней высшего образования, а также на определение остроты выраженности этих проблем у студенческой молодежи по мнению респондента по 5-балльной шкале Лайкерта.

Анализ данных проведен с применением Н-критерия Краскела-Уоллиса, который позволил провести межгрупповое сравнение несвязанных выборок и выявить попарные различия.

Результаты анкетирования показали, что вовлеченность во вторичную занятость растет с уровнем получаемого студентом образования. Так, о своем участии во вторичной занятости сообщили 46,67% студентов последних курсов бакалавриата, 56,67% студентов последних курсов специалитета и 63,33% студентов магистратуры. При этом также с уровнем получаемого образования, согласно результатам анкетирования, растет склонность к постоянной занятости и к работе по получаемой в ВУЗе профессии. О постоянной занятости сообщили 42,86% от числа работающих бакалавров, 47,06% от числа специалистов, 68,42% от числа магистров. Как близкую к основной профессии свою вторичную занятость охарактеризовали 42,86% от числа работающих бакалавров, 58,82% от числа специалистов, 63,16% от числа магистров. Соответственно, можно говорить о различиях в особенностях вторичной занятости, связанных с уровнем получаемого образования.

Результаты межгруппового сравнения по количественно измеримым показателям, полученным в ходе анкетирования респондентов, представлена в табл. 1 в разрезе уровней высшего образования.

Установлено, что для студентов бакалавриата наиболее остро стоят вопросы юридических рисков и невозможности применить профессиональные знания. Для студентов специалитета как наиболее проблемные аспекты вторичной занятости воспринимаются сложности с тайм-менеджментом и расстановкой приоритетов. Студенты магистратуры наиболее остро воспринимают также проблему тайм-менеджмента и несправедливой оплаты за свой труд при совмещении с учебой.

По результатам проведенного исследования подтверждено, что у студенческой молодежи различается восприятие проблем, связанных со вторичной заня-

тостью. Так, для бакалавров существенно более значимыми, чем для магистров воспринимаются сложности с поиском места работы. Кроме того, для бакалав-

ров наиболее значимыми кажутся юридические риски, которые существенно ниже оцениваются специалистами и магистрами.

Таблица 1. Особенности проблем вторичной занятости у студентов ЗабГУ разных уровней образования

Параметр	Средние значения			Межгрупповое сравнение		
	1 - бакалавры	2 - специалисты	3 - магистры	Н	р	подтвержденные попарные различия
сложности с поиском места работы	3,37	2,83	2,53	8,49	0,014	1 и 3
невозможность применить знания по профессии	3,57	3,20	2,50	10,10	0,006	2 и 3, 1 и 3
сложности с тайм-менеджментом и приоритетами	3,47	3,57	3,50	0,25	0,881	отсутствуют
отсутствие пользы для профессионального развития	2,30	2,33	2,10	0,99	0,608	отсутствуют
несправедливая оплата	2,23	2,43	3,43	20,31	0,000	1 и 3, 2 и 3
юридические риски	4,10	3,40	3,07	17,52	0,000	1 и 3, 1 и 2

Магистры лучше специалистов и бакалавров воспринимают возможность применить знания по профессии в ходе вторичной занятости, и среди них действительно наиболее высока доля работающих по своей профессии. При этом магистры больше специалистов и бакалавров ощущают несправедливость оплаты труда: это может быть объяснено тем, что магистры уже имеют диплом о высшем образовании на уровне бакалавриата, что завышает их зарплатные ожидания, однако все же не могут уделять работе достаточно времени для получение конкурентоспособной оплаты.

Таким образом, установлено, что вторичная занятость играет важную роль в профессиональном становлении студенческой молодежи. Это справедливо даже в том случае, когда в рамках вторичной занятости студент осуществляет деятельность не по своей профессии, поскольку он развивает транспрофессиональные компетенции и становится осознанным субъектом свободного рынка труда. Проведенное эмпирическое исследование показало, что проблемы вторичной занятости различаются у студенческой молодежи, получающей

образование разного уровня. Поэтому оправданным представляется дифференцированный подход к карьерному консультированию молодежи, и для обучающихся на бакалавриате, специалитете и в магистратуре могут быть разработаны адресные карьерные маршруты, которые учитывали бы специфику проблем вторичной занятости. Для студентов бакалавриата, планирующих совмещение первичной и вторичной занятости, целесообразно больше внимания уделять правовым вопросам и обсуждению источников и возможностей по поиску работы и взаимодействию с работодателем. Для студентов магистратуры в большей степени будут актуальны карьерные консультации, направленные на корректировку зарплатных ожиданий и планирование уровня дохода в контексте текущей ситуации на рынке труда. Вне зависимости от уровня, получаемого образования студентов важно обучать управлению своим учебно-рабочим временем и расстановке приоритетов, а также информировать о тех социальных транспрофессиональных навыках, которые они могут приобрести. Это позволит сбалансировать спрос и пред-

ложение на рынке труда студенческой молодежи, показав студентам привлекательность имеющихся на рынке труда предложений и повысив их доступность.

Литература

1. Беляев С.А. Об изменении спроса на программы специалитета и бакалавриата со стороны абитуриентов // БГЖ. 2021. № 1 (34). С. 25–28.
2. Волков В.Р. Вторичная занятость студентов: проблемы и тенденции развития // ВЭПС. 2018. № 1. С. 181–185.
3. Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э., Лебедева Е.В. Транспрофессионализм как предиктор преадаптации субъекта деятельности к профессиональному будущему // СПЖ. 2021. № 79. С. 89–107.
4. Киктенко М.В., Коломийцева Э.А., Самсонова Е.С., Нечаев А.Н. Развитие осознанной самостоятельности в студенческой группе саморазвития: взгляд изнутри // Вестник практической психологии образования. 2017. Том 14. № 2. С. 117–121.
5. Кислов А.Г. От опережающего к транспрофессиональному образованию // Образование и наука. 2018. № 1. С. 54–74.
6. Козырева П.М., Смирнов А.И. Российская молодежь на рынке труда в условиях экономического кризиса // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 15. – М.: Новый хронограф, 2017. – С. 49–71.
7. Отчет о результатах самообследования за 2022 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЗабГУ. – URL: [https://zabgu.ru/files/html_document/pdf_files/fixed/Samoocenka_deyatelnosti/Otchet_po_samoobsledovaniyu_zh_2022_god\(1\).pdf](https://zabgu.ru/files/html_document/pdf_files/fixed/Samoocenka_deyatelnosti/Otchet_po_samoobsledovaniyu_zh_2022_god(1).pdf) (дата обращения: 26.01.2024).
8. Пасовец Ю.М. Вторичная занятость студентов как фактор профессионализации и социальной интеграции молодежи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 4. С. 183–199.
9. Попов Е.А., Антонович И.В., Ахмедова А.Р., Кода Е.А., Козлова В.А. Вто-

ричная занятость современных студентов (на примере студентов АлтГУ) // Социодинамика. 2023. № 10. С. 10–22.

10. Сеница А.Л. Численность населения в трудоспособном возрасте в России и возможные ответы на ее снижение // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. № 11 (356). С. 2005–2017.
11. Сущенко А.Д., Тарасьев А.А., Сандлер Д.Г. Не только опыт вторичной занятости в вузе: роль высшего образования в снижении прекаризации занятости молодых специалистов // Перспективы науки и образования. 2021. № 5 (53). С. 544–559.
12. Цыганенко Н.В. Учебная успеваемость работающих студентов // Образование и проблемы развития общества. 2021. № 4 (17). С. 41–45.

STRUCTURAL RESTRICTIONS ON THE FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCIES IN CONDITIONS OF SECONDARY EMPLOYMENT OF STUDENTS (BASED ON MATERIALS FROM TRANSBAIKAL STATE UNIVERSITY)

Mikhailovskaya S.A.

Transbaikal State University

The scientific article is devoted to the study of the problems of secondary employment of modern student youth and related to their overcoming the opportunities for professional development of students. The author substantiates the relevance and significance of the research topic. The author suggests the position according to which the secondary employment of a student, on the one hand, actively promotes his professionalization and accelerates his professional formation and increases his competitiveness due to the development of so-called transprofessional and “soft” skills, on the other hand, diverts the limited resources of the student from the main activity of the student – the educational process, which requires finding a balance between learning and activity in the context of secondary employment. A brief terminological analysis of the concept of “secondary employment” is carried out, and the tasks of secondary employment activities during the period of studentship are specified. The results of the ques-

tionnaire survey of Transbaikalian State University students reflecting the problems and difficulties they face in the context of secondary employment are given. The conducted empirical study has shown that the problems of secondary employment differ among students receiving education of different levels.

Keywords: secondary employment, students, youth, professional formation, higher education.

References

1. Belyaev S.A. On the change in demand for specialist and bachelor's degree programs on the part of applicants // BGJ. 2021. № 1 (34). P. 25–28.
2. Volkov, V.R. Secondary employment of students: problems and trends of development // VEPS. 2018. № 1. P. 181–185.
3. Zeer E.F., Symanyuk E.E., Lebedeva E.V. Transprofessionalism as a predictor of pre-adaptation of the subject of activity to the professional future // SPZh. 2021. № 79. P. 89–107.
4. Kiktenko M.V., Kolomiitseva E.A., Samsonova E.S., Nechaev A.N. Development of conscious autonomy in a student self-development group: a view from within // Bulletin of practical psychology of education. 2017. Vol. 14. no. 2. P. 117–121.
5. Kislov A.G. From advanced to transprofessional education // Education and Science. 2018. № 1. P. 54–74.
6. Kozyreva, P.M.; Smirnov, A.I. Russian youth in the labor market under the conditions of economic crisis // Russia reforming: yearbook / ed. by M.K. Gorshkov. Gorshkov. Vol. 15. Moscow: New Chronograph, 2017. P. 49–71.
7. Report on the results of self-inspection for 2022. [Electronic resource] // Official website of ZabGU. – URL: [https://zabgu.ru/files/html_document/pdf_files/fixed/Samoocenka_deyatel'nosti/Otchet_po_samoobsledovaniyu_za_2022_god\(1\).pdf](https://zabgu.ru/files/html_document/pdf_files/fixed/Samoocenka_deyatel'nosti/Otchet_po_samoobsledovaniyu_za_2022_god(1).pdf) (accessed: 26.01.2024).
8. Pasovets Y.M. Secondary employment of students as a factor of professionalization and social integration of young people // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2019. T. 12. № 4. P. 183–199.
9. Popov E.A., Antonovich I.V., Akhmedova A.R., Koda E.A., Kozlova V.A. Secondary employment of modern students (on the example of students of AltSU) // Sociodynamics. 2023. № 10. P. 10–22.
10. Sinitza A.L. The number of working-age population in Russia and possible responses to its decline // National interests: priorities and security. 2017. № 11 (356). P. 2005–2017.
11. Sushchenko A. D., Tarasiev A.A., Sandler D.G. Not only the experience of secondary employment in higher education: the role of higher education in reducing the precarization of employment of young professionals // Prospects of Science and Education. 2021. № 5 (53). P. 544–559.
12. Tsyganenko N.V. Educational performance of working students // Education and problems of society development. 2021. № 4 (17). P. 41–45.

Особенности досуговой деятельности студенческой молодежи в 2020-х гг. (по материалам социологических исследований)

Равочкин Никита Николаевич,

д.ф.н., проф. кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева, проф. кафедры педагогических технологий Кузбасского государственного аграрного университета имени В.Н. Полецовца
E-mail: nickravochkin@mail.ru

В рамках данной статьи на базе проведенных ранее социологических исследований рассматриваются и обобщаются особенности досуговой деятельности российской студенческой молодежи в 2020-е гг. Описана специфика группы социальной группы городская молодежь как проводника инноваций в сфере досуговых практик. Продемонстрировано влияние ключевых тенденций обозначенного периода, определивших специфику жизнедеятельности молодежи. Приведены основные отличительные характеристики жизнедеятельности студенческой молодежи. Проанализированы и интерпретированы данные, полученные по магистральным направлениям предпочтений студенческой молодежи по поводу организации и проведении свободного времени. Выявлены многочисленные ориентации российской студенческой молодежи 2020-х. На основе обобщения результатов проведенных социологических опросов уточнены связи досуга с другими сферами общественной жизни, главным образом с экономикой. Отмечено усугубление стратификации в данной группе. В заключение подводятся итоги проведенного исследования.

Ключевые слова: досуговые практики, молодежь, город, повседневность, общество, свободное время, стиль жизни, студенты.

Актуальность представленной темы связана с динамикой происходящих в российском обществе процессов и фактической включенностью всех групп населения в те или иные разновидности организации и проведения досуга, который, вне всякого сомнения, становится одной из важнейших социологических категорий современности и позволяет выявить различные социальные тренды. Сосредоточение нашего внимания на социально-демографической группе студенческой молодежи обосновывается тем, что принадлежащим к этой общности людям характерна инновационность, которая дает возможности диагностировать так называемые «маркеры идентичности». Представители этой группы охотно отождествляют себя с одними практиками, критически относясь к другим сценариям проведения свободного времени, а также одновременно выказывают свое равнодушие к третьим версиям.

За минувшие десятилетия существенно изменился образ жизни россиян, особенности досуговой деятельности молодых людей, а также их восприятие в глазах иных социально-демографических групп. В частности, если в 90-х гг. прошлого столетия большинство россиян полагали, что молодым людям следует быть более трудолюбивыми, в 2023 году на крайнюю значимость указанного качества указали лишь 39% [8]. Снижение запроса на трудолюбие в среде молодежи может объясняться двумя факторами: (1) изменениями досуговой и трудовой деятельности молодых людей, которые сегодня могут зарабатывать, не выходя из дома при помощи ИКТ; (2) повышением уровня материального благополучия родителей, которые сегодня, в отличие от 90-х гг., меньше нуждаются в помощи детей. В частности, сегодня лишь 20% россиян подчеркивают, что они хотели бы, что-

бы молодые люди были способны обеспечить себя в материальном плане. Лишь 28% респондентов полагают, что основным фактором, который затрудняет жизнь молодежи, являются материальные трудности [8]. 39% молодых людей уверены в том, что их материальное положение будет улучшаться [12]. Т.е. стремление «делать деньги» в молодежной среде не исчезло (44% для юношей, 35% для девушек) [8], но оно в некоторой степени потеряло свою значимость, большую значимость стала приобретать возможность заниматься творческой деятельностью (71% опрошенных [24]), иметь интересную работу (44% опрошенных [5]). Отмечается увеличение доли молодых людей, успешно использующих кредитные инструменты (до 47% вместо 32% в 2013 г. [9]), что позволяет сделать вывод о дальнейшем повышении уровня финансовой грамотности молодых людей.

Отмечается дальнейшее усиление привлекательности образа предпринимательства и сущностных характеристик, с ним связанных. В 2023 году в ближайшем окружении 75% молодых россиян в возрасте от 18 до 24 лет представлены успешные предприниматели, еще 73% выражают интерес к предпринимательству [15]. В целом, можно сделать вывод, что на сегодняшний день молодежь в меньшей степени, чем 30 лет назад, испытывает финансовые трудности, что находит свое отражение в любви к шопингу. 66% молодых россиян в возрасте от 18 до 24 лет признались, что в свободное время любят совершать покупки [18]. Стремление к самореализации сопровождается увеличением численности молодых россиян, вовлеченных в различные образовательные практики, т.е. посещение учебных курсов, чтение учебной литературы. В 2022 году в образовательные практики (помимо получения основного образования) были вовлечены 45% молодых людей [22].

При этом, в отличие от 1990-х гг., сегодня россияне полагают, что молодые люди должны быть более патриотичными (35% россиян) (Какой мы хотим видеть молодежь?, 2023). Патриотизм при

этом понимается как знание истории и культуры своей страны (18%), вклад в ее развитие [14]. Т.е. в условиях открытых границ, относительной доступности путешествий, повышения уровня академической и иных видов мобильности, молодые люди получают возможность сравнивать условия проживания в России и других мировых странах и, к сожалению, результаты сравнения не всегда в пользу РФ. При этом, как отражают результаты проведенных исследований, 60% молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет являются типичными «домоседами», т.е. предпочитают не выезжать на отдых не то, что за границу, но и в туристические места РФ (лишь 27% молодых людей ездили отдыхать по стране прошлым летом [10], только 17% молодых россиян проявляют интерес к посещению исторических мест [6]). Примечательно, что в 2022 году 59% молодых людей проявляли интерес к внутреннему туризму. Соответственно, критическое восприятие образа России не основывается на сравнении с условиями проживания в других странах. Следовательно, можно сделать вывод, что критическое восприятие образа страны в среде молодых людей может быть обусловлено двумя основными факторами: (1) влиянием молодых людей, которые все же выезжают на границу, критически оценивают реалии РФ; (2) критическое восприятие государства, родителей, старших в целом характерно для молодежного возраста, периода, когда осуществляется личностное, социальное, профессиональное становление молодого человека, часто – за счет противостояния «я – они». В частности, треть молодых людей отмечает, что «взгляды представителей старших поколений устарели и вряд ли могут помочь с выбором правильных решений» [24]. Иными словами, молодые люди критически воспринимают условия проживания.

Говоря об особенностях отдыха молодых россиян, необходимо отметить, что больше трети опрошенных (39%) в возрасте от 18 до 24 лет предпочитают пассивный отдых, т.е. ничего не делать, а просто расслабленно отдохнуть

[10], еще 60% предпочитают отдыхать дома на праздники [11]. При этом, 83% молодых людей подчеркивают, что полноценный отдых важен для них (Ценности молодежи, 2022). Предположительно, пассивный отдых связан у молодых россиян с усилением значимости общения в сети, иных пассивных видов проведения досуга, например, прослушивания музыки, пения, чтения. В частности, опрос 2023 года позволяет сделать вывод о повышении популярности чтения в среде молодых людей, 87% респондентов в возрасте от 18 до 24 лет сказали, что читали книги за последние три месяца [17], 26% являются постоянными посетителями библиотек, 35% ежемесячно посещают книжные магазины [21]. Примечательно, что 30% молодых людей читают научно-популярную литературу, посвященную биологии и биотехнологиям. Еще 54% молодых людей любят петь, 19% – увлекаются рисованием [3].

Если в условиях проникновения ИКТ во все аспекты жизнедеятельности, повышения доступности общения россияне других социально-демографических групп демонстрируют желание избежать коммуникации, побыть в одиночестве. Часто испытывают стремление избежать общения, остаться наедине с собой почти три четверти молодых респондентов. В целом, стремление к уединению может быть обусловлено особенностями юношеском возрасте, в котором личность открывает свой внутренний мир. Важнейшим новообразованием данного периода выступает развитие самопознания, самообразования, главной целью которого становится открытие своего Я и обретение позитивной индивидуальности. Но при этом, 47% опрошенных людей в возрасте от 18 до 24 лет демонстрируют высокое стремление к общению, считают себя экстравертами. 43% молодых россиян подчеркивают необходимость наличия друзей [5], 51% в общении с друзьями проводит свое свободное время [3]. Необходимо подчеркнуть, что молодые люди, которые, как правило, выступают активными пользователями новых коммуникативных технологий, как правило, склонны критически

оценивать информацию, размещенную в сети, критически воспринимать партнером по интернет-общению. В частности, опрос ВЦИОМ свидетельствует, что 53% молодых россиян в возрасте от 18 до 24 лет высказали мнение о низком уровне доверия между гражданами. Т.е. формируется противоречивая ситуация: с одной стороны, молодые люди активно вовлечены в систему интернет-коммуникации, с другой – это общение носит поверхностный характер, доверие между коммуникантами отсутствует. В таких условиях возрастает роль оффлайн-общения, в 2022 году 64% россиян стали больше общаться с друзьями и знакомыми [22], 79% молодых людей ежемесячно ходят в гости (А не пойти ли нам в гости?, 2022). Т.е. наблюдается обратная выявленной в 2010-х гг. тенденция «возврата» молодых людей в реальное взаимодействие, что позволяет исследователям сделать вывод, что «вопреки распространенному мнению, что технологии и цифровизация сокращают живое общение, за три десятилетия россияне не стали реже встречаться с друзьями и близкими, принимая их в гостях или нанося ответные визиты» [1]. В ситуации отсутствия идеалов, нравственных ориентиров у 37% молодых россиян формируется мотивация к посещению психолога, чтению психологической литературы [22]. Полученные результаты позволяют сделать вывод о формировании в молодежной среде запроса на профессиональную психологическую помощь.

В целом, интернет, проведение времени в сети, безусловно, выступает ведущим видом досуговой деятельности молодых людей, что сопровождается повышением уровня информационной культуры, позитивным отношением к внедрению новых технологий в различные аспекты жизнедеятельности общества: к примеру, 55% россиян в возрасте от 18 до 24 лет хорошо знают нейросети и хорошо к ним относятся [13]. Еще 75% молодых людей хорошо информированы о технологиях искусственного интеллекта и хорошо к ним относятся [7]. 96% молодых людей умеют работать на компьютере. Иными словами, мож-

но сделать вывод, что ИКТ не утратят своей значимости в будущем, они будут влиять на особенности профессиональной и досуговой деятельности молодых людей. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что критичность восприятия общения в сети, помимо прочего, указывает на высокий уровень сформированности информационной культуры молодых людей. Сами молодые россияне полагают, что «недостоверную информацию в интернете возможно отличить всегда или почти всегда» [19]. Такое мнение высказали 78% респондентов.

При этом, широкое распространение ИКТ приводит и к негативным последствиям: в частности, на сегодняшний день 56% молодых россиян играют в онлайн-игры, 38% являются заядлыми геймерами, 72% проводят в социальных сетях и мессенджерах больше 3-х часов, что влечет за собой риски формирования аддикции, стремления к уходу из реального мира в виртуальную среду [20]. Цифровизация приводит к формированию качественно новых в историческом плане вызовов и угроз, к примеру, сегодня 42% молодых людей сталкивались с треш-стримами как разновидности трансляций в прямом эфире, где организатор совершает с собой или окружающими людьми опасные для здоровья или унижительные действия, а зрители могут жертвовать некоторую сумму денег в обмен на исполнение их пожеланий, еще 8% – часто сталкивались [23].

Примечательно, что результаты опроса 2023 года позволяют сделать вывод о запросе на повышение религиозности в среде молодых людей (10% респондентов). В 1990-х гг. прошлого столетия численность россиян, которые говорили о религиозных ценностях, составляла лишь 5% [8], в 2010-х – 6% [16]. Можно говорить о поступательном увеличении численности молодых людей, на особенности жизнедеятельности которых оказывают влияние религиозные ценности. Прежде всего, ценности доброты и терпимости, на значимость которых указывают 36% молодых людей [8]. При этом 53% молодых россиян не считают обязательным соблюдать религиозные

правила [24]. Иными словами, в российском обществе отмечается постепенное усиление роли и значения религиозных ценностей, национальных личностных качеств, сформированных в России во многом под влиянием православия, прежде всего, качеств смирения, соборности, терпимости, но необходимость формирования этих качеств на поведение личности влияния не оказывает.

Отдельно хотелось бы отметить, что повышение значимости патриотизма (и связанных с ним молодежных течений), религии осуществляется на фоне повышения значимости проблемы отсутствия идеалов и атмосферы бездуховности, на что указывают 25% опрошенных [8]. Т.е. рост ценности патриотизма, религии может отражать поиски молодыми людьми нравственных ориентиров, идеалов. Стремление к формированию собственной иерархии ценностей, нравственных ориентиров сопровождаются вовлеченностью молодых людей различные молодежные движения патриотического характера, волонтерские организации и т.д. Важное место в последние годы в молодежной среде имеет экодвижение. В частности, проведенные опросы свидетельствуют о том, что 47% россиян в возрасте от 18 до 24 лет вовлечены в экологические практики. Однако практики экологического поведения у молодых россиян не сформированы, в частности, 59% молодых россиян не придают значения экологичности упаковки при приобретении товаров и/или услуг. Как правило, молодые россияне активно участвуют в волонтерских движениях, результаты проведенных исследований позволяют сделать вывод, что каждый пятый молодой человек (21%) не реже одного раза в неделю занимается волонтерской деятельностью в организации или самостоятельно, 14% – принимают участие в благотворительных акциях [4].

В качестве видов отдыха инициативных, активных молодых россиян следует назвать (1) поездки на природы (64% опрошенных); (2) посещение достопримечательностей (22%); (3) автотуризм (18%); (4) гастрономический

туризм (12%) [10]. 38% молодых людей посещают музеи. Среди зимних видов спорта следует назвать катание на коньках (30%) и на лыжах (27%) (Зима идет, вставай на лыжи!, 2023). 92% молодых людей в качестве любимого вида организации досуга называют прогулки на свежем воздухе. В целом, можно сделать вывод, что «за 30 лет досуг россиян стал разнообразнее, число активных и продуктивных видов досуга увеличилось в разы» [18]. К негативным тенденциям, которые влияют на особенности реализации жизнедеятельности молодых людей, следует назвать снижение ценности здоровья, стремления к ведению ЗОЖ, значимости физкультуры и спорта (на высокую значимость указали лишь 18% респондентов [8]). Во многом, полученные результаты могут объясняться влиянием ИКТ, обладающих высоким инклюзивным потенциалом, обеспечивающих возможность коммуникации, взаимодействия, осуществления профессиональной деятельности вне зависимости от физического состояния личности. Т.е. сегодня для молодых людей высокую значимость приобретают иные качества, не физическое здоровье. В то же время, как было выявлено ранее, в молодежной среде сегодня формируется запрос на психологическое здоровье. При этом 79% молодых россиян оценивают условия для занятий спортом положительно, еще 44% в 2022 году, после пандемии, стали уделять спорту больше внимания [22].

При этом, несмотря на отсутствие восприятия физической культуры и спорта как ценности, численность курильщиков среди россиян в возрасте от 18 до 24 лет составляет 23%, что существенно ниже, чем десять лет назад, еще 58% никогда не пробовали курить, что позволяет исследователям сделать следующий вывод: «В целом это частично подтверждает гипотезу о приверженности миллениалов здоровому образу жизни и более внимательному отношению к себе в сравнении с другими поколениями» [2]. 65% молодых россиян подчеркивают, что внимательно относятся к своему здоровью [24]. Иными сло-

вами, возникает противоречивая ситуация: с одной стороны, ЗОЖ, физкультура и спорт утрачивают свою значимость как ценность, с другой – снижается численность молодых людей с вредными привычками, формируется более бережное отношение к своему здоровью. Полученные результаты могут объясняться серьезной эволюцией российского общества на протяжении исследуемого периода: начиная с 90-х, когда асоциальный образ жизни был возведен в своеобразный культ, вредные привычки рассматривались как неотъемлемая составляющая привлекательного образа, постепенно в обществе сформировалось неприятие вредных привычек. Т.е. даже не воспринимая физкультуру и спорт как ценность, молодые люди стараются избегать привычек, которые могут навредить здоровью. Недостаточное понимание, восприятие спорта, физкультуры как ценности может объясняться недостаточным вниманием к пропаганде со стороны государства, системы образования. Хотелось бы подчеркнуть, что в 1990-х и 2000-х гг., когда сохранялась созданная в советское время система пропаганды физкультуры, большинство молодых людей отмечали высокую значимость спорта в их жизни, но, к сожалению, не имели возможности заниматься спортом. Сегодня, к счастью, нет таких материальных трудностей, с которыми сталкивалась молодежь 90-х гг., есть условия для занятия спортом, но нет восприятия его как ценности.

К негативным изменениям образа жизни молодежи следует также отнести увеличение численности россиян, посещающих заведения быстрого питания. Если в 2010 подобные учреждения посещали лишь 19% россиян, сегодня их численность достигает 38% [18;21], разумеется, целевой аудиторией точек питания является молодежь. Для молодых россиян посещение точек быстрого питания становится одной из форм проведения досуга, времяпровождения с друзьями (50%), что еще раз отражает повышение значимости оффлайн-общения сегодня. При этом основными темами разговорной повестки молодых людей выступа-

ют книги, фильмы, события культурной жизни (54%), обсуждение последних событий в городе, районе (36%), взаимоотношения с противоположным полом (34%) [1].

Обращение к обсуждению книг и фильмов позволяет сделать вывод о преобладании пассивных форм отдыха, просмотре фильмов, чтении книг, повышении популярности чтения, о чем говорилось выше. Кроме того, в отличие от молодых людей 2000-х гг., современная молодежь в большей степени интересуется культурой, культурными мероприятиями, фильмами. В целом, можно сделать вывод, что сегодня молодые люди в большей степени склонны к творчеству (техническому, художественной самодеятельности), к монетизации хобби, собственного творчества. Обсуждение проблем, связанных с отношениями с противоположным полом, обусловлено особенностями юношеского возраста, периода, когда молодые люди вступают в семейные отношения.

Подводя итоги работы, можно сделать следующие выводы.

1. На сегодняшний день особенности жизнедеятельности формируется, в первую очередь, под влиянием глобализации и цифровизации, обеспечивающих высокую мобильность молодых людей, свободу передвижения по миру, негативными последствиями чего выступает «утечка мозгов», а также критичность восприятия отечественного ландшафта. При этом, наряду с усилением критичности восприятия условий проживания стране растет запрос на повышение патриотичности, что находит свое отражение в формировании просоциальных молодежных течений, например, в развитии волонтерства.
2. Времяпровождение в сети является одной из ведущих форм досуговой деятельности молодых людей, однако в условиях повышения критичности осмысления информации, представленной в сети, отсутствия доверия в онлайн-коммуникации возрастает роль и значение общения оффлайн.

3. Стремление «делать деньги» в молодежной среде не исчезает, однако сегодня привлекают молодого человека не только деньги, но и возможности самореализации в интересной или творческой деятельности, которая, к тому же, должна хорошо оплачиваться. Сформировавшийся в 1990-е гг. мотив «делать деньги любой ценой» сменяется стремлением заниматься творческой деятельностью, которая будет приносить высокий доход. Отмечается постоянное повышение финансовой грамотности молодых людей, которые активно используют инструменты кредитования, занимаются инвестициями, криптовалютами и пр., т.е. теми видами деятельности, которые требуют высокого уровня сформированности финансовой и информационной грамотности. Отмечается дальнейшее усиление привлекательности предпринимательства, инициативности, активности и самостоятельности молодых людей, стремящихся заниматься любимым делом, производить товары, услуги, самореализовываться в выбранной сфере профессиональной деятельности.
4. Все большее влияние на деятельность молодых людей оказывает стремление к саморазвитию, самореализации, что находит свое отражение как в активных, так и пассивных видах досуговой деятельности, в выборе профессиональной деятельности и проявлениях социальной активности. Например, цели самореализации в профессиональной деятельности выступает рост интереса к предпринимательству, вовлеченности в образовательные практики, в досуговой – рост интереса к чтению, расширению кругозора. Можно сделать вывод, что современная молодежь в большей степени тяготеет к творчеству, монетизации своих хобби, увлечений, чем молодые люди 1990-х и 2000-х гг., досуг которых был связан с необходимостью заработка денег. В целом, отмечается рост интереса к самопознанию, что формулирует

- запрос на профессиональную психологическую помощь, поддержку.
5. В сознании молодых людей постепенно все большую значимость приобретают религиозные ценности, личностные качества терпимости и доброты, что позволяет сделать вывод, что российское общество постепенно возвращается к своим традиционным, «досоветским» ценностям. В частности, о том же может свидетельствовать рост предпринимательства, развитого в Российской империи. Обращение к религии, создание многочисленных патриотических движений отражает поиски молодыми людьми ценностей, аксиологом в условиях отсутствия идеалов. В целом, хотелось бы отметить, что сегодня, в отличие от 90-х гг. прошлого столетия, молодежь остро чувствует отсутствие доверия в обществе, недостаток терпимости, доброты. Можно сделать вывод, что за прошедшие 30 лет российская молодежь стала более гуманной, толерантной, демократичной, что сопровождается формированием волонтерских движений, созданием организации взаимопомощи людям, помощи животным и т.д. В целом, можно сделать вывод о существенной эволюции российского общества за исследуемый период.
 6. Сложно однозначно охарактеризовать молодежь как активную, инициативную или, наоборот, пассивную социально-демографическую группы. С одной стороны, почти треть молодых людей предпочитают пассивный отдых, не стремятся к участию в различных движениях, главным для них становится проведение времени в сети, поверхностного общения, которое, к тому же, не отличается доверительностью. С другой – те молодые люди, которые отличаются активностью и инициативностью принимают участие в различного рода движениях, новых видах досуговой деятельности, в частности – в автотуризме, гастрономическом туризме и т.д. Все вышесказанное позволяет сделать вывод о неоднородности молодежи как

социально-демографической группы, высокой зависимости характера жизнедеятельности от региона проживания, материального состояния семьи, социокультурного окружения.

Литература

1. А не пойти ли нам в гости? // ВЦИОМ [Электронный ресурс] – 2022. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/a-ne-poiti-li-nam-v-gosti> (Дата обращения: 28.12.2023).
2. Анти табачный закон в России: десять лет без сигарет? // ВЦИОМ [Электронный ресурс] – 2023. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/antitabachnyi-zakon-v-rossii-desjat-let-bez-sigaret> (Дата обращения: 28.12.2023).
3. Делу – время, а хобби? // ВЦИОМ [Электронный ресурс] – 2022. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/delu-vremja-a-khobbi> (Дата обращения: 28.12.2023).
4. День молодежи // ВЦИОМ [Электронный ресурс] – 2022. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-molodezhi> (Дата обращения: 28.12.2023).
5. Жить полной жизнью: как и с кем? // ВЦИОМ [Электронный ресурс] – 2022. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhit-polnoi-zhiznju-kak-i-s-kem> (Дата обращения: 28.12.2023).
6. Идеальный зимний отдых россиян // ВЦИОМ [Электронный ресурс] – 2022. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/idealnyi-zimnii-otdykh-rossijan-2022> (Дата обращения 28.12.2023).
7. Искусственный интеллект: угроза или светлое будущее? // ВЦИОМ [Электронный ресурс] – 2022. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennyi-intellekt-ugroza-ili-svetloe-budushchee> (Дата обращения: 28.12.2023).
8. Какой мы хотим видеть молодежь? // ВЦИОМ [Электронный ресурс] – 2023. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/>

- obraz-rossiiskoi-molodezhi-monitoring (Дата обращения: 28.12.2023).
9. Кредитная активность россиян: мониторинг // ВЦИОМ [Электронный ресурс] – 2023. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kreditnaja-aktivnost-rossijan-monitoring> (Дата обращения: 28.12.2023).
 10. Летние планы россиян – 2023: запросы, ожидания, направления // ВЦИОМ [Электронный ресурс] – 2023. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/letnie-plany-rossijan-2023-zaprosy-ozhidaniya-napravleniya> (Дата обращения: 28.12.2023).
 11. Майские планы россиян – 2023 // ВЦИОМ [Электронный ресурс] – 2023. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/maiskie-plany-rossijan-2023> (Дата обращения: 28.12.2023).
 12. Материальное положение – и как его улучшить? // ВЦИОМ [Электронный ресурс] – 2023. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/materialnoe-polozhenie-i-kak-ego-uluchshit> (Дата обращения: 28.12.2023).
 13. Нейросети и человек: начало пути // ВЦИОМ [Электронный ресурс] – 2023. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/neiroseti-i-chelovek-nachalo-puti> (Дата обращения: 28.12.2023).
 14. Патриотизм: мониторинг // ВЦИОМ [Электронный ресурс] – 2023. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-monitoring> (Дата обращения: 28.12.2023).
 15. Предпринимательство в России: мониторинг // ВЦИОМ [Электронный ресурс] – 2023. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/predprinimatelstvo-v-rossii-monitoring> (Дата обращения: 28.12.2023).
 16. Савченко И.А., Устинкин С.В. Религия в восприятии современной молодежи: цифры и комментарии // Современные исследования социальных проблем. – 2016. – № 7 (63). – С. 232–263.
 17. Самая читающая страна: мониторинг // ВЦИОМ [Электронный ресурс] – 2023. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/samaja-chitajushchaja-strana-monitoring> (Дата обращения: 28.12.2023).
 18. Свободное время и как мы его проводим // ВЦИОМ [Электронный ресурс] – 2022. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/svobodnoe-vremja-i-kak-my-ego-provodim> (Дата обращения: 28.12.2023).
 19. Социальные сети и цензура: за и против // ВЦИОМ [Электронный ресурс] – 2021. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-cenzura-za-i-protiv> (Дата обращения: 28.12.2023).
 20. Стоп игра? Проблемы российского онлайн-гейминга // ВЦИОМ [Электронный ресурс] – 2022. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/stop-igra-problemy-rossiiskogo-onlain-geiminga> (Дата обращения: 28.12.2023).
 21. Тренды культурного досуга: 1992–2022 // ВЦИОМ [Электронный ресурс] – 2022. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trendy-kulturnogo-dosuga-1992-2022> (Дата обращения: 28.12.2023).
 22. Тренды-2022: больше общения, больше поддержки, больше здоровья! // ВЦИОМ [Электронный ресурс] – 2022. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trendy-2022-bolshe-obshchenija-bolshe-podderzhki-bolshe-zdorovja> (Дата обращения: 28.12.2023).
 23. «Треш-стримы» в интернете и как с ними бороться // ВЦИОМ [Электронный ресурс] – 2023. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tresh-strimy-v-internete-i-kak-s-nimi-borotsja> (Дата обращения: 28.12.2023).
 24. Ценности молодежи // ВЦИОМ [Электронный ресурс] – 2022. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> (Дата обращения: 28.12.2023).

FEATURES OF LEISURE ACTIVITIES OF STUDENT YOUTH IN THE 2020 (BASED ON SOCIOLOGICAL RESEARCH)

Ravochkin N.N.

Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Kuzbass state agricultural university named after V.N. Poletskov

Within the framework of this article, on the basis of previously conducted sociological research, the features of leisure activities of Russian students in the 2020s are examined and generalized. The specificity of the social group urban youth as a conductor of innovation in the field of leisure practices is described. The influence of key trends of the designated period, which determined the specifics of youth life, is demonstrated. The main distinctive characteristics of the life activity of student youth are given. The data obtained on the main directions of preferences of student youth regarding the organization and spending of free time were analyzed and interpreted. Numerous orientations of Russian student youth in the 2020s have been identified. Based on a generalization of the results of sociological surveys, the connections between leisure and other spheres of public life, mainly with the economy, were clarified. A worsening of stratification in this group was noted. In conclusion, the results of the study are summarized.

Keywords: leisure practices, youth, city, everyday life, society, free time, lifestyle, students.

References

- Shouldn't we go visit? // VTsIOM [Electronic resource] – 2022.
- Anti-tobacco law in Russia: ten years without cigarettes? // VTsIOM [Electronic resource] – 2023.
- Business takes time, but what about hobbies? // VTsIOM [Electronic resource] – 2022.
- Youth Day // VTsIOM [Electronic resource] – 2022.
- Live life to the fullest: how and with whom? // VTsIOM [Electronic resource] – 2022.
- Ideal winter holiday for Russians // VTsIOM [Electronic resource] – 2022.
- Artificial intelligence: threat or bright future? // VTsIOM [Electronic resource] – 2022.
- What kind of youth do we want to see? // VTsIOM [Electronic resource] – 2023.
- Credit activity of Russians: monitoring // VTsIOM [Electronic resource] – 2023.
- Summer plans of Russians – 2023: requests, expectations, directions // VTsIOM [Electronic resource] – 2023.
- May plans of Russians – 2023 // VTsIOM [Electronic resource] – 2023.
- Financial situation – and how to improve it? // VTsIOM [Electronic resource] – 2023.
- Neural networks and humans: the beginning of the journey // VTsIOM [Electronic resource] – 2023.
- Patriotism: monitoring // VTsIOM [Electronic resource] – 2023.
- Entrepreneurship in Russia: monitoring // VTsIOM [Electronic resource] – 2023.
- Savchenko I.A., Ustinkin S.V. Religion in the perception of modern youth: figures and comments // Modern studies of social problems. – 2016. – No. 7 (63). – pp. 232–263.
- The most reading country: monitoring // VTsIOM [Electronic resource] – 2023.
- Free time and how we spend it // VTsIOM [Electronic resource] – 2022.
- Social networks and censorship: pros and cons // VTsIOM [Electronic resource] – 2021.
- Stop the game? Problems of Russian online gaming // VTsIOM [Electronic resource] – 2022.
- Trends in cultural leisure: 1992–2022 // VTsIOM [Electronic resource] – 2022.
- Trends 2022: more communication, more support, more health! // VTsIOM [Electronic resource]
- “Trash streams” on the Internet and how to deal with them // VTsIOM [Electronic resource] – 2023.
- Youth values // VTsIOM [Electronic resource] – 2022.

Жизненный путь рабочей молодежи Белоруссии в 1920-е годы: опыт ретроспективной социологической реконструкции

Бразевич Святослав Станиславович,

д.с.н., проф., проф. кафедры международных отношений и политологии Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Бразевич Дмитрий Святославович,

к.с.н., доцент кафедры коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Сафронова Жанна Сергеевна,

к.п.н., доцент, доцент кафедры экономики и управления Санкт-Петербургского государственного химико-фармацевтического университета

В изучении жизненного пути рабочей молодежи в 1920-е годы важную роль играет историческая социология, которая связана с обращением к социальному материалу прошлого, к соответствующим документам, источникам и методам при сохранении качественной специфики социологического знания. В статье представлены результаты ретроспективного анализа численности, национального, возрастного, полового и профессионального состава рабочей молодежи Советской Белоруссии. 1920-е годы представляют особый интерес, потому что сам по себе это один из наиболее сложных и противоречивых периодов нашей истории. Он связан с глубокими социальными, политическими, экономическими и культурными преобразованиями в обществе.

Ключевые слова: историческая социология, социологическая реконструкция, жизненный путь, рабочая молодежь.

Введение

В условиях общественных преобразований молодежь играет огромную роль. Однако для наиболее эффективного использования ее созидательного потенциала необходимо учитывать некоторые специфические черты этой социально-демографической группы. Они проявляются в мышлении, оценках, поведении молодых людей, а также связаны с решением таких важных для них возрастных задач, как выбор профессии, ценностный, идеологический выбор, создание семьи. Молодежь отличает особая чувствительность ко всему происходящему, восприимчивость к новым идеям, высокая социальная активность. Вместе с тем ей присущи нехватка социального опыта, политическая наивность, а социальная активность может проявляться в различных направлениях и формах [1, с. 4–5]. В любом случае достоверная картина жизненного мира молодых людей 1920-х годов без идеализации и стереотипов позволяет по-новому увидеть и лучше понять то время и тех людей с их переживаниями, надеждами, исканиями, разочарованиями, трудностями и противоречиями. В конечном итоге эта картина помогает проанализировать молодежь как социально-демографическую группу в условиях динамичных социальных перемен современного общества [1, с. 118].

Методология источники

В 1923, 1924 и 1925 гг. проводились массовые медико-санитарные обследования молодежи Беларуси [2; 3; 4; 5]. В их задачи входило: а) исследование состояния здоровья, условий труда и быта рабочей молодежи, б) определение наиболее важных «участков, куда нужно бросить все силы на борьбу за здоровое подрастающее поколение и в) принятие практических мер к оздоровлению труда и быта молодежи» [1, с. 80]. Этими вопросами

должны были заниматься органы здравоохранения, партийные, профессиональные и советские организации, ибо подготовка кадров здоровых людей представлялась задачей, «связанной с общей задачей социалистического строительства». В последующие годы на предприятиях также проводились подобные обследования. Правда, они касались в основном рабочей молодежи [6]. Молодежь составляла значительную часть белорусского общества. Этим определялся ее достаточно большой потенциал в общественных преобразованиях 1920-х гг. Это была разнообразная по своему составу социальная группа. Проявились довольно интенсивные процессы социальной мобильности в этой среде. При этом в качестве наиболее значимых социальных характеристик (факторов) наряду с местом жительства, национальностью, занятостью или родом деятельности становились такие, как уровень грамотности (образованности), членство в организации (партии, комсомоле, профсоюзе), отношение к религии [1, с. 116].

Авторский материал, включающий вопросы численности, национального, возрастного, полового и профессионального состава рабочей молодежи, базируется на основе вторичного анализа результатов обследований рабочей молодежи Белоруссии в 1924–1925 гг., проводившихся по заказу Народного комиссариата здравоохранения БССР и Центрального комитета ЛКСМБ. Исследования с использованием метода анкетного опроса проводили сотрудники Института социальной гигиены С.Р. Дихтяр, Б.Я. Смулевич и Д.Л. Эйгорн. Исследование, проведенное в 1924 г., выявило 3911 человек рабочей молодежи [7]. В 1925 г. оно охватило уже 8648 чел. и распространялось на всю работающую молодежь до 20-летнего возраста, включая также молодежь, обучающуюся в профшколах и школах ФЗУ. Безработные, учащиеся техникумов и студенты ВУЗов в это исследование не вошли. Также вне исследования осталось батрачество во всей своей массе, вследствие трудности проведения такого обследования [6].

Результаты исследования

Численность и территориальное распределение рабочей молодежи

Исследование 1925 г. показало, что наибольшее число рабочей молодежи на территории Белоруссии сконцентрировано в Минском округе, где проживает 22,1% всей обследованной рабочей молодежи; затем идут округа: Витебский – 14,7%, Бобруйский – 12,4%, Могилевский – 12,4%, Борисовский – 9,4%, Мозырский – 8,3%, Оршанский – 6,8%, Слуцкий – 5,1%, Полоцкий – 4,4% и Калининский (г. Климовичи) – 4,4%. Большинство рабочей молодежи проживает в городах и поселениях городского типа.

Цифры распределения рабочей молодежи по округам довольно близко совпадают с относительными цифрами лиц, работающих по найму, по каждому округу, выявленные переписью жителей городов и поселений городского типа 1923 г. (табл. 1) [6, с. 5].

О положении рабочей молодежи в Белоруссии в сравнении с СССР в целом, можно судить по Всесоюзной переписи населения городов в 1923 г. Согласно этой переписи молодежь, работающая по найму, составляла – 16% среди 15-летних, 21% среди 16-летних и 31% среди 17-летних. По материалам обследования рабочей молодежи Белоруссии 1925 г., работающие по найму составляли: среди 15-летних – 2,5%, среди 16-летних – 8%, среди 17-летних – 12,6% всего населения соответствующего возраста. Надо еще отметить, что процент работающих среди женской молодежи значительно ниже, нежели среди мужской. Так, среди женской молодежи занято наемным трудом только 3% – 16-летних, 5,9% – 17-летних, 7,8% – 18-летних и 8,7% – 19-летних.

Интересно отметить, что процент работающей молодежи к общему числу населения данного возраста резко варьирует в отдельных округах. Наиболее благополучная ситуация в Борисовском и Мозырском округах. В Мозырском округе среди 15-летних занято – 3,8%; среди 16-летних – 10,0%; среди 17-лет-

них – 23,2%; среди 18-летних – 18,3%. В Борисовском округе соответствующие цифры: 3,2%, 11,3%, 16,9%, 27,5%. Бо-

рисовский округ выделяется также большим процентом занятых женщин среди молодежи 15–19 лет.

Таблица 1. Распределение рабочей молодежи по округам

ОКРУГА	Рабочая молодежь (абсолютные цифры)	В % к итогу по Белоруссии	
		рабочая молодежь (обследование 1925 г.)	лица, работающие по найму по переписи 1923 г.
Бобруйский	1074	12,4	11,0
Борисовский	802	9,4	6,1
Витебский	1274	14,7	23,3
Калининский	377	4,4	4,1
Минский	1916	22,1	26,0
Могилевский	1075	12,4	9,3
Мозырский	705	8,3	4,5
Оршанский	592	6,8	7,1
Полоцкий	387	4,4	5,1
Слуцкий	446	5,1	3,5
Всего	8648	100	100

Вторым, важным компонентом при оценке численности рабочей молодежи является их процентное участие в производственной жизни страны, т.е. вопрос о том, какую часть из общего количества рабочих, занятых производственным трудом, составляют подростки. По данным Центрального Совета Профессиональных Союзов Белоруссии (ЦСПСБ) подростки составляли в 1925 г. в Белоруссии 4,2% всего количества рабочих. На 1 мая 1924 г. число подростков в укрупненной Белоруссии составляло 4,1% общего числа рабочих, в то время

как в 1923 г. число их составляло 5,2%. Число подростков, занятых в фабрично-заводской промышленности в СССР, числилось на 1 января 1924 г. – 5,8%, а на 1 января 1923 г. – 6,5%.

Профессиональный состав рабочей молодежи

Сопоставление числа подростков, занятых в производствах, наиболее распространенных в Белоруссии, с числом занятых в них взрослых рабочих, приводит к результату, представленному в табл. 2 [6, с. 11].

Таблица 2. Число подростков в некоторых производствах Белоруссии

Профессии	Взрослые рабочие на 1-е октября 1925 г. (данные ЦСПСБ)	Подростки до 18 лет включительно (обследование 1925 г.)	В относительных цифрах	
			взрослых рабочих	подростки до 18 лет включительно
Металлисты	2492	1170	100	46,9
Бумажники	1226	74	100	6,0
Деревообделочники	3471	713	100	20,5
Кожевники+сапожники	3885	1166	100	30,0
Печатники+наборщики	1418	112	100	7,8
Пищевики+табачники	3872	158	100	4,0

Профессии	Взрослые рабочие на 1-е октября 1925 г. (данные ЦСПСБ)	Подростки до 18 лет включительно (обследование 1925 г.)	В относительных цифрах	
			взрослых рабочих	подростки до 18 лет включительно
Химики-стекольщики	2881	260	100	9,0
Швейники	1540	643	100	41,7

Так, среди металлистов (металлообрабатывающее производство) имеется на каждые 100 взрослых рабочих 46,9 подростков в возрасте до 18 лет (включительно). Среди швейников – 41,7%; среди кожевников (сюда же входят и сапожники – 30; среди деревообделочников – 20,5 подростков. С другой стороны, среди химиков, куда входят и стекольщики, имеется всего 9, а среди пищевиков только 4 подростка на каждые 100 взрослых рабочих.

По количеству занятых рабочих эти производства распределяются в следующем порядке: на первом месте стоит кожевенное и пищевое дело, которые занимают каждый по 7,2% всех взрослых рабочих Белоруссии. Затем идет деревообделочное производство, охватывающее 6,4% всех рабочих, химическое производство (спичечное и стекольное) 5,3%, металлообрабатывающее производство 4,6%, швейное дело 2,8%, печатное 2,6% и, наконец, бумажное дело, которое занимает 2,3% всех рабочих Белоруссии.

Таким образом, мы видим, что в производствах, наиболее типичных для Белоруссии, как кожевенное дело, пищевое и химическое (стекольное и спичечное), в которых занято наибольшее число взрослых рабочих, число рабочих подростков низкое, особенно в пищевом и химическом производствах. Наибольшее

количество подростков имеется в производствах ремесленного типа (обработка металла, дерева, производство одежды, обуви), где усилилось за последнее время индивидуальное ученичество. Эти производства кустарного характера требуют большей квалификации, а также и более длительной подготовки к ней. Поэтому здесь подростки в меньшей степени подвергаются вытеснению со стороны безработных старших возрастов и крестьянства.

Национальный состав рабочей молодежи

В исследовании выделены в отдельные национальные группы белорусы, русские, евреи и поляки. Национальный состав населения БССР и рабочей молодежи представлен в табл. 3 [6, с. 14]. Среди рабочей молодежи, обследованной весной 1925 г., было: 24,2% белорусов; 6,3% – русских; 58,5% евреев; 3,2% поляков; 7,8% других, в том числе и не указавших своей национальности. Сопоставление этих цифр с данными о национальном составе городского населения БССР выявляет относительное участие каждой национальности в производстве. Для сравнения взяты данные о населении городов и поселений городского типа по БССР, так как обследование рабочей молодежи включало, главным образом, жителей городов и местечек.

Таблица 3. Национальный состав населения БССР и рабочей молодежи

	Население Белоруссии на 1 января 1925 г.				Работающая молодежь по обследованию 1925 г.		Рабочие БССР на 1 октября 1925 г.	
	всей БССР		население городов и поселений городского типа					
	абс. цифры	%	абс. цифры	%	абс. цифры	%	абс. цифры	%
Всего населения	4204459	100	610084	100	8648	100	130296	100
Белорусы	2976106	70,79	248637	40,74	2087	24,2	72156	55,4

	Население Белоруссии на 1 января 1925 г.				Работающая молодежь по обследованию 1925 г.		Рабочие БССР на 1 октября 1925 г.	
	всей БССР		население городов и поселений городского типа					
	абс. цифры	%	абс. цифры	%	абс. цифры	%	абс. цифры	%
Русские	648113	15,41	64899	10,65	548	6,3	11940	9,2
Поляки	88466	2,1	15013	2,46	271	3,2	5059	3,9
Евреи	457337	10,88	269292	44,17	5064	58,5	36527	28,0
Прочие	34437	0,82	12243	2,01	648	7,8	4188	3,2

Из таблицы видно, что население городов и поселений городского типа состоит из 51,39% белорусов и русских, 44,17% евреев, 2,46% поляков и 2,01% других национальностей. Среди рабочей молодежи имеется 30,5% белорусов и русских, 58,5% евреев, 3,2% поляков и 7,8% других национальностей. Получается относительно большее количество евреев и поляков и относительно меньший процент белорусов и русских среди рабочей молодежи.

Национальный состав рабочей массы БССР в целом следующий: белорусов – 55,4%, в то время как из всего городского населения падает на белорусов 40,7%; русских – 9,2% при 10,6% русских всего городского населения; евреев рабочих имеется 28,0%, а среди всего городского населения они составляют 44,17%; поляков имеется – 3,9% всех рабочих и 2,46% городского населения.

Наибольший процент белорусов среди населения в Калининском и Могилевском

округах (54,6 и 53,7%); затем идут Борисовский округ – 42,7%; Минский – 42,3%; Мозырский и Оршанский – по 41%. Среди рабочей молодежи наибольший процент белорусов в Оршанском округе – 39,0%; затем идут Борисовский – 33,3% и Калининский – 32,3% округа.

Наибольший процент евреев среди городского населения Белоруссии в Бобруйском и Слуцком округах – 51,9%. Следующие по относительному числу евреев – Мозырский – 46,8%, Витебский – 45,8% и Полоцкий – 45,2% округа. Наибольший процент еврейской рабочей молодежи обследование выявило в Мозырском – 74,9%, Бобруйском – 66,3% и Слуцком – 62,9% округах.

Русские дают более или менее значительный процент только в Витебском – 15,2% и Полоцком – 14,2% округах.

Распределение рабочей молодежи разных национальностей по округам представлено в табл. 4 [6, с. 18].

Таблица 4. Распределение рабочей молодежи по округам

Название округа	В % к итогу по каждой национальности				
	всех национальностей	Белорусы	Русские	Евреи	Поляки
Бобруйский	12,4	7,4	8,2	14,1	28,4
Борисовский	9,4	12,8	7,7	7,6	26,6
Витебский	14,7	7,0	35,4	14,8	13,2
Калининский	4,4	5,8	1,7	4,3	–
Минский	22,1	28,2	12,0	21,0	12,5
Могилевский	12,4	12,1	14,0	12,6	7,8
Мозырский	8,3	4,9	3,8	10,4	3,3
Оршанский	6,8	11,1	5,5	5,6	4,1
Полоцкий	4,4	4,9	10,0	4,2	4,1

Название округа	В % к итогу по каждой национальности				
	всех национальностей	Белорусы	Русские	Евреи	Поляки
Слуцкий	5,1	5,8	1,7	5,5	–
По всей Белоруссии	100	100	100	100	100

Возрастной состав рабочей молодежи

Возрастной состав обследованной рабочей молодежи выглядит следующим образом: до 15 лет – 1,4%; 15-летние – 4,8%; 16-летние – 15,3%; 17-летние – 22,1%; 18-летние – 19,6%; выше 19 лет – 12,4%. На возраст до 15 лет включительно падает всего 6,2% всех обследованных подростков. Наибольшее число работающей молодежи имеет возраст 17 и 18 лет (22,1 и 24,4%). При рассмотрении возрастного состава обследованной молодежи по полу необходимо отметить, что у девушек участие младших возрастов – 14,15 и 16-летних – в производстве

меньше, чем у мальчиков. Разница одинаково проявляется как у белорусской, так и у еврейской молодежи. Это показывает, что и среди молодежи конкуренция продолжает вытеснять женщин больше, чем мужчин. Среди женской молодежи процент подростков до 15 лет включительно – 4%, 16-летних – 12,3%. У мужчин соответственно цифры 7% и 16,5%. Мужчин 17-летних имеется 22,1%, женщин – 22,2%; мужчин 18-летних – 24,4%, женщин – 25,5%; мужчин 19-летних – 19,6%, женщин – 24,1%.

Возрастной состав рабочей молодежи по профессиям приведен в табл. 5 [6, с. 26].

Таблица 5. Профессионально-возрастной состав рабочей молодежи (в % к итогу по каждой профессии)

	Всего	До 15 лет	15 лет	16 лет	17 лет	18 лет	19 лет	Старше 19 лет
Сельскохозяйственных рабочих	100	5,6	0,8	14,4	16,0	28,0	20,0	15,2
Металлисты	100	1,0	5,7	18,4	23,5	25,9	15,5	10,0
Деревообделочники	100	1,4	7,3	19,5	24,4	22,4	17,4	7,6
Бумажники	100	–	3,3	14,6	17,9	24,4	29,3	10,5
Печатники	100	0,4	3,0	18,0	18,0	28,8	23,0	8,8
Текстильщики	100	0,3	2,0	10,7	16,0	30,5	31,1	9,4
Швейники	100	1,4	5,9	17,8	27,2	21,4	16,2	10,1
Кожевники	100	2,0	5,2	13,7	22,2	23,3	16,6	17,0
Сапожники	100	3,2	6,7	18,5	27,4	22,0	14,3	7,9
Щетинщики	100	–	–	10,6	15,6	19,0	26,3	28,5
Пищевики	100	0,5	0,9	15,7	24,5	28,0	18,2	12,2
Стекольщики	100	3,7	10,0	18,5	16,4	25,2	17,3	9,1
Строители	100	–	6,2	19,5	27,0	22,0	15,8	9,5

Половой состав рабочей молодежи

Среди обследованной молодежи имеется 73,9% мужчин и 26,1% женщин. Обследование рабочей молодежи, проведенное в 1924 г. выявило 25,0% женщин.

Из общего числа рабочих Белоруссии числилось на 1 октября 1925 г. 22,5% женщин. Среди белорусов процент женщин – 21,9; среди русских – 36,0; среди евреев – 25,0; среди поляков – 42,8.

Относительно большее число женщин среди поляков и русских объясняется, по-видимому, большей степенью пролетаризации этих национальных групп по сравнению с белорусами и евреями и их более высоким культурным уровнем.

Отмечается различный процент женщин среди рабочей молодежи и в отдельных округах. Так, Борисовский округ имеет 36,3% женщин; Витебский – 36,0%; Минский – 27,7%; Полоцкий – 27,1%; Бобруйский – 25,0%; Мозырский – 24,3%; Слуцкий – 19,3%; Оршанский – 17,9%; Могилевский – 17,1%; Калининский – 15,4%.

Мужская рабочая молодежь работает, главным образом, как металлисты – 23,9% всех обследованных; 13,5% составляют деревообделочники; 14,4% – сапожники; 8,9% – кожевники и только 11,2 составляют служащие. Среди женской обследованной молодежи наибольшее число составляют служащие – 36,6%; в швейной промышленности – 24,1%; в текстильной – 11,3%; на стекольных заводах – 7,1%.

Социальное происхождение рабочей молодежи

Социальное происхождение рабочей молодежи приведено в табл. 6 [6, с. 28].

Таблица 6. Социальное происхождение рабочей молодежи

	Социальное положение родителей (%)							
	рабочие	крестьяне	кустары	служащие	свободные профессии	нетрудовые элементы	не указаны	всего
Мужчин	48,8	13,7	14,2	10,6	0,6	2,8	9,3	100
Женщин	50,5	12,3	14,0	9,6	0,7	2,4	10,5	100
Обоего пола	49,2	13,3	14,1	10,3	0,6	2,6	9,9	100

Обследование показало, что рабочей молодежи, происходящей из рабочей семьи – 49,2%, крестьянских детей – 13,3%, детей, чьи родители – ремесленники – 14,1%, служащие – 10,3%, представители свободных профессий – 0,6%, нетрудового элемента – 2,6%.

Рабочее происхождение преобладает почти во всех производствах. Происхождение из рабочих семей менее 50% отмечено только среди сапожников, швейников, кожевников и металлистов, где значительное число молодежи вербуются из семейств кустарей, т.к. эти производства развиваются из ремесленных областей труда. Швейники состояются на 46,8% из рабочих семей, на 24,8% – из семей кустарей, 6,8% – крестьян, 5,6% – служащих и 8,4% – из нетрудового элемента. Кожевники дают следующий состав социального происхождения: 49,1% – рабочих, 22,8% – кустарей, 6,5% – крестьян, 7,1% – служащих, 4,7% – нетрудового элемента.

Изучение состава рабочей молодежи по социальному происхождению в отдель-

ных округах показывает, что в слабо развитых промышленных округах, как Калининский, Оршанский и Слуцкий, значительно повышается процент крестьянских детей и понижается процент детей рабочих. Так, в Калининском округе всего 16,4% работающих подростков происходят из семей рабочих; 38,8% – из крестьянских семей; соответствующие цифры для Оршанского округа – 28,4 и 22,3%, для Слуцкого – 30,7 и 23,1%.

Таким образом, обозначенная в целом проблема исследования жизненного пути рабочей молодежи Белоруссии, представляет значительный научный интерес и требует дальнейшего исследования. В этом процессе важную роль играет историческая социология, которая связана с обращением к социальному материалу прошлого, к соответствующим документам, источникам и методам при сохранении качественной специфики социологического знания. Историческая социология рассматривает динамическое взаимодействие между человеческой деятельностью, социальной структурой

не как абстрактную проблему, а как эмпирический вопрос всемирной истории. В этом смысле вся социология может называться исторической, поскольку она неизбежно обращается к изменениям, процессам и развитию [8, с. 175].

Литература

1. Мусина Н.Е. Государственная молодежная политика в БССР в 1920-е годы: монография. – Витебск: ВГМУ, 2015. – 147 с.
2. Блинов Н.М. Социологические исследования труда и воспитания советской молодежи 20-х годов // Социологические исследования. 1975. № 1. С. 145–154.
3. Статистический ежегодник / БССР / Центр. стат. управление. – Минск: ЦСУ БССР, 1925. – 423 с.
4. Статистический ежегодник / БССР / Центр. стат. управление. – Минск: ЦСУ БССР, 1928. – 527 с.
5. Осмоловский В.П. Индустриализация республики: некоторые аспекты истории // Страницы истории Компартии Белоруссии: суждения, аргументы, факты / сост. Ю.П. Смирнов, Н.С. Сташкевич; под ред. Р.П. Платонова. – Минск: Университетское, 1990. – С. 101–122.
6. Рабочая молодежь Белоруссии: численность, состав, быт, условия труда и физическое состояние (по материалам медико-санитарного обследования 1925 г.) / С.Р. Дихтыр, Б.Я. Смуглевич, Д.Л. Эйгорн. – Минск: Бел. мед. думка, 1926. – 156 с.
7. Дихтыр С.Р., Эйгорн Д.Л. Рабочая молодежь Белоруссии // Белорусская медицинская мысль. 1924. № 9.
8. Аберкромби Н. Социологический словарь: пер. с англ. / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер; под ред. С.А. Ерофеева. – 2-е изд. – М.: Экономика, 2004. – 620 с.

THE LIFE PATH OF WORKING YOUTH OF BELARUS IN THE 1920S: THE EXPERIENCE OF RETROSPECTIVE SOCIOLOGICAL RECONSTRUCTION

Brazevich S.S., Brazevich D.S., Safronova Z.S.

St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University

In studying the life path of working youth in the 1920s, historical sociology plays an important role, which is associated with an appeal to the social material of the past, to relevant documents, sources and methods while maintaining the qualitative specificity of sociological knowledge. The article presents the results of a retrospective analysis of the number, national, age, gender and professional composition of the working youth of Soviet Belarus. The 1920s are of particular interest because it is itself one of the most complex and controversial periods in our history. It is associated with profound social, political, economic and cultural changes in society.

Keywords: historical sociology, sociological reconstruction, life path, working youth.

References

1. Musina N.E. State youth policy in the BSSR in the 1920s: monograph. – Vitebsk: VSMU, 2015. – 147 p.
2. Blinov N.M. Sociological studies of labor and education of Soviet youth of the 20s // Sociological studies. 1975. No. 1. P. 145–154.
3. Statistical Yearbook / BSSR / Center. stat. control. – Minsk: Central Statistical Office of the BSSR, 1925. – 423 p.
4. Statistical Yearbook / BSSR / Center. stat. control. – Minsk: Central Statistical Office of the BSSR, 1928. – 527 p.
5. Osmolovsky V.P. Industrialization of the republic: some aspects of history // Pages of the history of the Communist Party of Belarus: judgments, arguments, facts / comp. Yu.P. Smirnov, N.S. Stashkevich; edited by R.P. Platonov. – Minsk: Universitetskoe, 1990. – P. 101–122.
6. Working youth of Belarus: number, composition, life, working conditions and physical condition (based on materials from a medical and sanitary examination of 1925) / S.R. Dikhtyar, B. Ya. Smulevich, D.L. Einhorn. – Minsk: Bel. honey. Dumka, 1926. – 156 p.
7. Dikhtyar S.R., Eigorn D.L. Working youth of Belarus // Belarusian medical thought. 1924. No. 9.
8. Abercrombie N. Sociological Dictionary: trans. from English / N. Abercrombie, S. Hill, B.S. Turner; edited by S.A. Erofeeva. – 2nd ed. – M.: Economy, 2004. – 620 p.

Развитие созидательной творческой деятельности в цифровом социально-культурном пространстве: социологический аспект

Павлова Мария Павловна,

к.э.н., доцент кафедры журналистики и социологии
Тольяттинского государственного университета
E-mail: levinamp@mail.ru

В статье автор рассматривает особенности развития созидательной творческой деятельности в условиях цифровизации повседневных процессов. При этом автор определяет структурные характеристики цифрового социально – культурного пространства, в котором организовываются процессы творческой деятельности человека. Автор выделяет интеллектуальный фактор как триггер активации творческой созидательной деятельности. Кроме того, автор раскрывает двойственную природу влияния процесса цифровизации на активизацию творческую деятельность, где с одной стороны этот процесс предоставляет через неограниченный доступ к информационным ресурсам, запуская процессы обогащения образовательной среды, с другой стороны в границах алгоритмизации, платформизации, сетевизации творческого человека невозможно рассматривать созидательным началом новой реальности. Автор акцентирует внимание на творческую личность, которая осознает и оценивает новизну и значение своего труда в новых условиях.

Ключевые слова: созидательная творческая деятельность; цифровое социально-культурное пространство; творческая личность; саморазвитие; интеллект.

В конце прошлого века цивилизация вступило в эпоху информационного развития и глобальные цифровые трансформации вторглись в повседневные процессы общества, создавая новую социальную реальность с новыми атрибутами и образами, продуктами с иной полезностью и иными функциональными характеристиками. Такой лавинообразный процесс актуальности цифровизации во всех сферах жизнедеятельности социума сильнейшим образом оказывает влияние как на его перспективное развитие, так и активизирует стагнирующие процессы развития человека и общества.

В результате глубокого взаимодействия процессов инновационной экономики и цифровых технологий усложняются повседневные практики индивида, в результате чего изменяются условия активизации факторов стимулирования созидательной творческой деятельности.

В работах Л.С. Выготский отмечал, что «Всякий изобретатель, даже гений, является всегда растением своего времени и своей среды», поэтому необходимо рассмотреть особенности цифрового социально – культурного пространства, где повседневные реалии, преломляясь через призму «цифры», оказывают влияние на сложную творческую работу человека [6].

Следуя логики определения структурных характеристик социокультурного пространства, представленной в научных трудах известных социологов (П. Сорокин, А. Тойнби, М. Вебер, Л. Гумилев, О. Шпенглер) рассмотрим структурные характеристики цифрового социально – культурного пространства [5, 7, 14, 15, 18].

Во-первых, субъектом такого пространства является цифровой человек / цифровая личность. В цифровом дискурсе такая личность обезличена

и идентифицирует себя как уникаль- ный системный номер с определенным набором описательных характеристик, сконструированных для своей самопре- зентации в сетевом обществе. Взаимо- действия и взаимоотношения в цифро- вом пространстве лишены перцептивной характеристики, при этом цифровых ка- налов взаимодействия неопределенное множество [10].

Во-вторых, цифровая реальность си- нонимична «виртуальной реальности» и по мнению ученого Д. Тэплина медийно избыточна. Она конструируемая и управ- ляемая, таит в себе угрозы манипуляции субъектов через доступ во внутренний их мир, трансформирует пространство повседневности и время [11].

В-третьих, цифровое общество раз- вивается в условиях алгоритмизации, платформизации, сетевизации. Это об- щество функционирует с помощью циф- ровых технологий, которые обеспечи- вают мобильность и связанность цифро- вого повседневного пространства. В циф- ровом формате преодолевая территори- альные границы, рассматривается уже глобальное общество во всемирном про- странстве повседневности. Знаниевый потенциал такого общества формируется с помощью технологии больших дан- ных. Цифровые социально-культурные процессы определяют цифровыми ак- торами через выполнения социальных ролей и функций с учетом виртуально- го миропорядка в рамках виртуальных культурных норм и традиций. Многомер- ность этих процессов обеспечивается ка- чественным и количественным усложне- нием акторов в пространстве цифровой повседневности [8].

В своих научных трудах ученые (Л.С. Выготский, Т. Рибо, В. Эфроим- сон, М. Чиксентмихайи) неоднократно подчеркивали важность интеллектуаль- ной составляющей в процессе активи- зации творческой созидательной дея- тельности индивида. Резюмируя выше сказанное, проведем исследование ин- теллектуального фактора через «прин- цип цифровой крепости», когда, с одной стороны, «цифровая крепость» выступа- ет комфортным социально – культурным

пространством для созидательной твор- ческой деятельности, а с другой сторо- ны «цифровая крепость» блокирует по- знавательную потребность, то что непо- средственно участвует в его творческом процессе, определяя его механическим потребителем цифровой информации [6, 13, 17, 19].

Первое исследование

«Цифровая крепость» как комфортное социально-культурное пространство для созидательной творческой деятельности

Как отмечают психологи (В.Н. Дружинин, В.Д. Шадриков, М.А. Холодная) уровень интеллекта напрямую зависит от соци- ального пространства индивида (куль- турные ценности, воспитание в семье, образование, социально-экономический статус в обществе), но в большей мере своей определяется генетически [12].

В своих трудах Б. Блум в 1964 г., (от- раженные в работах известного россий- ского ученого В. Эфроимсона) опреде- ляет влияние раннего образовательного процесса на интеллектуальное разви- тие человека, например: от рождения до 4 – х лет – образовательный процесс повышает уровень интеллекта на 10 ед.; от 4–8 лет на 6 ед.; от 8–12 лет на 4 ед. Как отмечает ученый, именно в детском возрасте развивается «исследователь- ский инстинкт», основанный на обуча- емости, любопытстве, любознательно- сти, впечатляемости и именно обогащен- ный образовательный процесс позволя- ют формировать и развивать личность, способную реализовывать свою созид- ательную творческую деятельность. Ис- следования российского ученого В. Эф- роимсона подтверждают влияние интел- лектуального фактора на благоприят- ное развития творческого человека. Вот некоторые примеры: «В детстве М. Фа- радей подрабатывал в книжной лавке и в свободное время очень много читал. Случайно в лавку заглянул Г. Дэви и был удивлен начитанностью и знаниями юно- го физика. Он забрал Фарадея к себе в лабораторию...». Еще пример «Пол- ководец А. Брусилов воспитывался у гу- вернера с блестящим университетским

образованием, который и привил ему интерес к учебе и знаниям» [19].

Это цифровое пространство конструирует цифровую обогащенную образовательную среду, которая обеспечивает трансфер знаний для формирования знаниевого потенциала общества через:

- использование современных информационных технологий и ресурсов в образовательном процессе, которые значительно повышают качество образования, а наглядность и моделирования исследуемых процессов в образовании увеличивают уровень понимания изучаемого материала у студентов/учеников (слушателей). Изменения в технологии учебного процесса отражаются на организованном педагогическом влиянии на формирования личности и проявления ее индивидуальных и творческих способностей [1];
- цифровую трансформацию информационного ресурса, которая влияет на характер и динамику формирования структуры знаниевого потенциала общества, расширяя границы интеллектуального поведения членов этого общества (предоставляется информация пользователям с ориентацией не только на удовлетворения их интеллектуальных потребностей, но и удовлетворяется их потребность в скорости ответа). Великая фраза Н. Ротшильда «кто владеет информацией, тот владеет всем миром» актуальна и сегодня. Оперативное получение информации обеспечивает выход за границы нормативной профессиональной деятельности, давая возможность для личного развития и повышения своей статусности в обществе.

Например, масштаб объема информации в цифровом пространстве, которые определяют образы, символы и объекты повседневности, можно определить используя данные Российской государственной библиотеки (далее РГБ) по оцифровке библиотечных фондов для Электронной Библиотеки РГБ. По данным с официального сайта библиотеки (www.rsl.ru) в электронный формат

переведено 1,7 млн единиц информации и свободно для доступа, при общем библиотечном фонде 48,1 млн единиц хранения. При том, что в мире насчитывается 569,6 тыс. Здесь же следует отметить, что информационный ресурс представлен и Интернет-пространством как виртуальным мега-сборником познавательной, научной, деловой информации. В таком цифровом информационном пространстве исчезает языковой барьер, эту функцию выполняет виртуальный переводчик [9].

Второе исследование

«Цифровая крепость» блокирует развитие созидательной творческой деятельности

Цифровое образование, как отмечает Йоханн Г. Виссем, представляет собой «подрывную инновацию», которая неизбежно ведет к трансформации образовательной системы территории, во-первых, за счет изоляции образовательных учреждений, не способных включиться в процесс цифровизации, во-вторых, использования в цифровом образовательном процессе цифровых копий (прообразов) образовательных продуктов, имитирующие очный образовательный процесс, их тиражирования (клонирование) и массовая доступность в цифровом пространстве способствует развитию примитивизации компетенций членов общества, атрофируются способность человека к моделированию собственной картины мира. Как следствие, образовательная система вынуждена трансформироваться для своего потребителя с компетенциями, сформированными в цифровом формате [3].

Цифровое информационное пространство заполняется феноменом «недоверия к информации», когда информация приобретает характер «сплетен». Развивающиеся информационные технологии значительно опережают человеческое мышление и восприятия информации, в растущем потоке информации человек должен быть готов ее анализировать, систематизировать, но в конечном итоге, по мнению Т. Черниговской, человек в большей степени склонен

не верить информации, представленной в цифровом формате.

Продолжая исследования, можно отметить, что использование информационных ресурсов в цифровом пространстве основано на принципе быстрого переключение с одного фрагмента информации на другой в режиме гипертекста. Первые исследования того, как мозг воспринимает электронный текст, стали появляться ещё в 80-х годах XX века. До 1992 года исследования показывали, что люди читают с экрана на 20–30% медленнее, чем с бумажного носителя, и хуже понимают прочитанное. Но в 2006 году обнаружилось, что способ чтения с экрана резко изменился. Если в 1987 году люди читали линейно, то есть одно слово за другим, то теперь они стали пользоваться так называемым нелинейным чтением или «F-паттерном» [2]. В ходе этого процесса происходит прочитывания заголовка или первой строки заголовка, а дальше происходит сканирование левой стороны текста, додумывающая содержание правой части. Это увеличивает скорость чтения, но ухудшает понимание текста. Доминирование такого способа чтения приводит к «цифровому слабоумию», формируя у человека навык быстрого необдуманного чтения без понимания сути и смысла текста, анализа прочитанного текста [16]. Ученые в области медицины и психологии отмечают, что цифровизация процессов провоцирует развитие многозадачности деятельности человека, что тоже снижает уровень понимания прочитанного текста, тогда как информация оказывает непосредственное влияние на формирование модели поведения человека в социуме [4].

Представленные результаты исследований, проводимых кафедрой гигиены ФГБОУ ВО «ПИМУ» Минздрава России, доказывают, что угнетение когнитивных способностей (мышление, внимание, понимание, память человека) возникает тогда, когда человек находится 10 часов в информационном цифровом потоке [3].

Цифровая реальность меняет тип мышления цифрового актора от понятийного к клиповому мышлению. В реальном мире человек моделирует свое

повседневное пространство, опираясь на совокупность отдельных образов, смыслов, понятий, концентрирует внимание на отдельных вещах, необходимость которых обеспечивает его комфортную жизнедеятельность. Такое мышление позволяет не только «видеть целостность мира», но и создавать эту целостность из отдельных ее частей, определяя их характеристики. Такая сложная умственная работа развивает речь человека, обогащает словарный запас, речь более эмоциональная, богатая сравнениями и описаниями. Эта речь как основное средство коммуникации в социуме, позволяет осуществлять правильный трансфер знаний без потери смысла и значения информации.

При клиповом мышлении утрачивается критический анализ к воспринимаемому объекту, человек видит один конкретный элемент, который и преобладает в его восприятии. В результате чего он и не может абстрагироваться, перейти к обобщению, произвести обобщённый анализ, нарушаются причинно-следственные связи в повседневном пространстве.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что активизация творческой деятельности в разрезе интеллектуального фактора в условиях глобального процесса цифровизации перспективна. Увеличение скорости социального бытия человека позволяет увеличивать скорость «наполнения себя» информацией. Цифровой человек, осуществляя творческую деятельность, владеет информацией «сейчас». В тоже время, цифровые процессы повседневности не позволяют определять творческого человека как созидательным началом новой реальности.

Литература

1. Ахмедов И.Р. традиционное обучение и новые педагогические технологии как основа современной педагогической системы // Современное образование. Педагогические технологии, 2014 № 6 – С. 31–36.
2. Барабанщиков В.А. Теоретические реконструкции перцептивного про-

- цесса // Вестник РУДН. 2006 № 1 (3) – С. 36–51.
3. Богомолова Е.С., Лангуев К.С. Влияние факторов цифровой среды на мышление и умственную работоспособность учащихся // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (ДНТЕ 2021): сб. статей II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 11–12 ноября 2021 г. / Под ред. В.В. Рубцова, М.Г. Сороковой, Н.П. Радчиковой. – М.: Издательство ФГБОУ ВО МГППУ, 2021. – 36–48 с.
 4. Васильева Н.Н. Рожкова Г.И. Восприятие виртуальных стереообъектов: особенности взаимодействия зрительных механизмов и пространственные перцептивные эффекты // Экспериментальная психология. 2021. Том 14. № 3. С. 79–90.
 5. Вебер М. Избранное. Образ общества. – 3-е изд., испр. и доп. / Сост. С.Я. Левит. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 767 с.
 6. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте. – СПб.: Перспектива, 2020. – 125 с.
 7. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли Л.: Гидрометеиздат, 1990. – 528 с.
 8. Добринская Д.Е. Что такое цифровое общество? // Sociologi of science and technology. 2021. Volume 12. № 2. С. 112–129.
 9. Иоселиани А.Д. Особенности повседневной жизни человека в цифровом мире // Грамота. 2020. Том 13. Выпуск 4. С. 115–119.
 10. Попова Д.А. Цифровая личность как центральный элемент межперсонального интернет дискурса. // Вестник Бурятского государственного университета. 2019. – С. 87–91.
 11. Пржиленский В.И. Понятие цифровой реальности: значение и смысл // Философия науки и техники. 2021. Т. 26. № 2. С. 68–80.
 12. Психология интеллекта и творчества: Традиции и инновации: Материалы научной конференции, посвященной памяти Я.А. Пономарева и В.Н. Дружинина, ИП РАН, 7–8 октября 2010. – М.: Институт психологии РАН, 2010. – 368 с.
 13. Рибо Т.А. Творческое воображение: Пер с фр. Изд. 2-е. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 328 с.
 14. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост.и предисл. А.Ю. Союмонов: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
 15. Тойнби А. Дж. Постигание истории: Сборник. Составитель А.П. Огурцов. – Москва: Прогресс, 1990. – 730 с.
 16. Хохлова Е.А., Павлова И.С. Анализ 3D реальности как подхода к дистанционному обучению: [Электронный ресурс] // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. № 60–1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-3dvirtualnoy-realnostikak-podhoda-k-distantcionnomu-obucheniyu> (дата обращения: 12.10.2023).
 17. Чиксентмихайи М. Креативность. Поток и психология открытий и изобретений. – М.: Карьера Пресс, 2015. – 528 с.
 18. Шпенглер О. Закат Европы: [Пер. с нем.] / Освальд Шпенглер. – Москва: Искусство, 1993. – 298 с.
 19. Эфроимсон В.П. Генетика гениальности. – Москва: АСТ, 2019. – 480 с. – (Наука, идеи, ученые).

DEVELOPMENT OF CREATIVE CREATIVE ACTIVITY IN THE DIGITAL SOCIO-CULTURAL SPACE: SOCIOLOGICAL ASPECT

Pavlova M.P.
Tolyatti State University

In the article, the author examines the features of the development of creative activity in the context of digitalization of everyday processes. At the same time, the author defines the structural characteristics of the digital socio-cultural space, in which the processes of human creative activity are organized. The author singles out the intellectual factor as a trigger for the activation of creative activity. In addition, the author reveals the dual nature of the influence of the process digitalization to intensify creative activity, where, on the one hand,

this process provides through unlimited access to information resources, launching the processes of enriching the educational environment, on the other hand, within the boundaries of algorithmization, platformization, networkization of a creative person, it is impossible to consider the creative beginning of a new reality. The author focuses on a creative person who realizes and appreciates the novelty and significance of his work in new conditions.

Keywords: creative activity; digital socio-cultural space; creative person; self-development; intelligence.

References

1. Akhmedov I.R. traditional teaching and new pedagogical technologies as the basis of the modern pedagogical system //Modern education. Pedagogical technologies, 2014 No. 6 – pp. 31–36.
2. V.A. Barabanshchikov. Theoretical reconstructions of the perceptual process // Bulletin of RUDN University. 2006 No. 1 (3) – P. 36–51.
3. Bogomolova E.S., Languiev K.S. The influence of digital environment factors on the thinking and mental performance of students // Digital Humanities and Technologies in Education (DHTE 2021): collection. articles of the II All-Russian scientific and practical conference with international participation. November 11–12, 2021 / Ed. V.V. Rubtsova, M.G. Sorokova, N.P. Radchikova. – M.: Publishing house of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education MGPPU, 2021. – 36–48 p.
4. Vasilyeva N.N. Rozhkova G.I. Perception of virtual stereo objects: features of the interaction of visual mechanisms and spatial perceptual effects // Experimental psychology. 2021. Vol. 14. No. 3. pp. 79–90.
5. Weber M. Favorites. The image of society. – 3rd ed., revised. and additional / Comp. S. Ya. Leviticus. – St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2017. – 767 p.
6. Vygotzky L.S. Imagination and creativity in childhood. – St. Petersburg: Perspective, 2020. – 125 p.
7. Gumilyov L.N. Entogenesis and biosphere of the Earth L.: Gidrometeoizdat, 1990. – 528 p.
8. Dobrinskaya D.E. What is a digital society? // Sociologists of science and technology. 2021. Volume 12. No. 2. pp. 112–129.
9. loseliani A.D. Features of human everyday life in the digital world // Gramota. 2020. Volume 13. Issue 4. pp. 115–119.
10. Popova D.A. Digital personality as a central element of interpersonal Internet discourse. // Bulletin of the Buryat State University. 2019. – pp. 87–91.
11. Przhilensky V.I. The concept of digital reality: meaning and meaning // Philosophy of science and technology. 2021. T.26. No. 2. pp. 68–80.
12. Psychology of intelligence and creativity: Traditions and innovations: Proceedings of a scientific conference dedicated to the memory of Ya.A. Ponomarev and V.N. Druzhinina, IP RAS, October 7–8, 2010. – M.: Institute of Psychology RAS, 2010. – 368 p.
13. Ribot T.A. Creative imagination: Translated from French. Ed. 2nd. – M.: LENAND, 2019. – 328 p.
14. Sorokin P. Man. Civilization. Society / General ed., compilation and preface. A. Yu. Soyumonov: Per. from English – M.: Politizdat, 1992. – 543 p.
15. Toynbee A.J. Comprehension of history: Collection. Compiled by A.P. Ogurtsov. – Moscow: Progress, 1990. – 730 p.
16. Khokhlova E.A., Pavlova I.S. Analysis of 3D reality as an approach to distance learning: [Electronic resource] // Problems of modern pedagogical education. – 2018. No. 60 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-3dvirtualnoy-realnosti-kak-podhodak-distantsionnomu-obucheniyu> (date of access: 10/12/2023).
17. Csikszentmihalyi M. Creativity. Flow and the psychology of discovery and invention. – M.: Career Press, 2015. – 528 p.
18. Spengler O. Decline of Europe: [Trans. from German] / Oswald Spengler. – Moscow: Art, 1993. – 298 p.
19. Efroimson V.P. Genetics of genius. – Moscow: AST, 2019. – 480 p. – (Science, ideas, scientists).

Совершенствование системы управления внутренней социальной политикой бизнес-организаций: возможности стратегического подхода

Семиколеннова Юлия Александровна,

аспирант, кафедра социологии, общей и юридической психологии, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: semikolennova96@yandex.ru

В статье представлен анализ основных этапов стратегии совершенствования системы управления внутренней социальной политикой волгоградских бизнес-организаций: анализ внутренней и внешней среды бизнес-организации; разработка социального паспорта бизнес-организации; определение ключевых социально-культурных характеристик сотрудников и их учет в формировании целевых установок внутренней социальной политики; выявление категорий внутренних стейкхолдеров и построение организационной структуры управления внутренней социальной политикой; выбор приоритетных направлений внутренней социальной политики; выбор методов управления и инструментов внутренней социальной политики; создание системы информирования внутренних стейкхолдеров о реализуемых мероприятиях внутренней социальной политики; презентация разработанной программы внутренней социальной политики и её оценка сотрудниками; реализация доработанной программы внутренней социальной политики и подготовка социального (нефинансового) отчета по результатам социально ориентированной деятельности. В конце статьи отмечена универсальность использования разработанной стратегии совершенствования системы управления внутренней социальной политикой волгоградскими бизнес-организациями.

Ключевые слова: внутренняя социальная политика; бизнес-организация; система управления; сотрудники; этап.

Реализация стратегии совершенствования системы управления внутренней социальной политикой волгоградских бизнес-организаций предполагает последовательную смену девяти функциональных этапов, связанных с выполнением конкретных социально ориентированных действий в отношении персонала с учетом масштаба бизнеса, реализация которых будет способствовать решению социальных проблем, имеющихся в организации.

Этап 1. Анализ внутренней и внешней среды бизнес-организации

Для современных компаний важное значение имеет внешняя среда, поскольку она оказывает влияние на их функционирование вне зависимости от сферы деятельности и масштаба бизнеса (конъюнктура рынка, ситуация на рынке труда, активность конкурентов, политическая обстановка, эпидемиологическая ситуация, тенденции в социально ориентированной деятельности бизнеса). Наиболее распространенными инструментами для анализа внешней среды являются SWOT-анализ, PEST(+LEEG)-анализ и «Метод 5x5» А. Мескона. Помимо анализа внешней среды в рамках построения системы управления внутренней социальной политикой волгоградским бизнес-организациям необходимо комплексно диагностировать внутреннюю среду, используя такие социологические методы исследования, как интервью и анкетный опрос сотрудников. К основным параметрам оценки состояния внешней и внутренней среды можно отнести следующее.

1. *Элементы внешней среды бизнес-организации.*

1.1. Основные стейкхолдеры (поставщики ресурсов, потребители, конкуренты, профсоюзы, государственные органы).

1.2. Социально-экономические, политические и культурные факторы (инфляция, занятость, производительность труда; структура и движение населения; уровень образования населения, культурные нормы, религиозные традиции).

2. Элементы внутренней среды бизнес-организации.

2.1. Производство (содержание производственного функционала сотрудников; сложность, качество и объем выполняемых работ; обеспеченность ресурсами).

2.2. Организация системы управления (организационная структура, функции и методы управления, стиль управления, интересы топ-менеджмента, престиж и имидж бизнес-организации).

2.3. Ресурсная база (природные, материальные, финансовые, трудовые, технические, информационные, организационные (административные)).

2.4. Персонал (структура персонала и их квалификация, текучесть кадров, производительность труда, лояльность и вовлеченность, система мотивации персонала; потребности и интересы работников; уровень авторитета руководителя).

2.5. Организационная культура (нормы, принципы и ценности бизнес-организации, культура труда, соблюдение корпоративных правил, система внутрикорпоративных коммуникаций, социально-психологический климат, кодекс корпоративной этики).

2.6. Маркетинг (ассортимент товаров и услуг, доля рынка, каналы распределения и сбыта товаров и услуг, ценообразование, реклама и стимулирование продаж, привлечение работников высокой квалификации).

Вышеперечисленные параметры позволяют детально проанализировать реальную ситуацию в бизнес-организации и сформировать основу для проведения комплексной работы по разработке и реализации мероприятий внутренней социальной политики.

Этап 2. Разработка социального паспорта бизнес-организации

На данном этапе осуществляется сбор и систематизация различных данных,

отражающих фактическое состояние бизнес-организации, на основе которых разрабатываются дальнейшие мероприятия по социальному развитию компании. Ниже представлена характеристика показателей социального паспорта (по специализированным блокам), которые позволяют оценить реальное положение дел в компании и разработать план по развитию внутренней социальной политики в волгоградских бизнес-организациях.

Блок А. Внутренняя социальная среда организации: А1) структура персонала; А2) динамика персонала (текучесть кадров); А3) система внутриорганизационных коммуникаций; А4) социально-психологический климат.

Блок Б. Организация труда и социальная инфраструктура: Б1) условия труда; Б2) трудовая дисциплина; Б3) аттестация рабочих мест; Б4) культурно-бытовые условия и программы обслуживания персонала; Б5) объекты корпоративной социальной инфраструктуры.

Блок В. Управление трудовыми ресурсами организации: В1) обучение и развитие персонала (повышение профессионально-квалификационного уровня); В2) система мотивации персонала; В3) оценка (аттестация) персонала; В4) кадровый резерв; В5) отдых и оздоровление сотрудников.

Блок Г. Система социальной защиты персонала: Г1) социальный (компенсационный) пакет; Г2) корпоративное медицинское социальное страхование; Г3) корпоративное пенсионное социальное страхование; Г4) оказание материальной помощи отдельным категориям сотрудников; Г5) социальные выплаты и льготы.

Блок Д. Характеристики персонала бизнес-организации: Д1) производительность труда; Д2) уровень удовлетворенности; Д3) уровень лояльности / вовлеченности; Д4) степень информированности о социально ориентированных мероприятиях; Д5) уровень доверия к социально ориентированным мероприятиям.

Предложенная форма социального паспорта представляет собой примерный оценочный макет, на основе которо-

го любая компания может создать свой собственный паспорт, добавив, например, информацию про размер заработной платы или отразить данные о затратах на предупреждение несчастных случаев, в котором будут раскрываться специфика деятельности компании и отражаться наиболее значимые социальные показатели бизнеса.

Этап 3. Определение ключевых социально-культурных характеристик сотрудников и их учет в формировании целевых установок внутренней социальной политики

Осуществление данного этапа подразумевает выявление и учет ценностей, потребностей, позиций и интересов сотрудников при разработке мероприятий внутренней социальной политики, что играет важную роль в обеспечении успешности функционирования компаний. Для решения этих задач необходимо провести анкетный опрос сотрудников, который позволит выявить социально-культурные характеристики коллектива организации. Работа с собранной информацией не должна представлять собой ознакомительную процедуру: необходимо использовать полученные эмпирические данные при планировании и разработке мероприятий внутренней социальной политики, так как достижение целей бизнес-организации во многом зависит от учета ценностей, потребностей и интересов сотрудников.

Этап 4. Выявление категорий внутренних стейкхолдеров и построение организационной структуры управления внутренней социальной политикой

Реализация мероприятий внутренней социальной политики может осуществляться для разных категорий внутренних стейкхолдеров в зависимости от сформулированной цели и характера решаемых задач: 1) полноценный формат (одинаковый объем услуг для всех категорий сотрудников); 2) дифференцированный формат (предоставление разным категориям персонала социаль-

ных льгот в зависимости от занимаемой должности или выполнения производственных задач); 3) точечная реализация (предоставление социально ориентированных мер лишь отдельным категориям работников); 4) минимальный формат (предоставление услуг всем категориям сотрудников в минимальном объеме). После определения категорий внутренних стейкхолдеров, используя такие методы сбора социологической информации, как анкетный опрос (письменная или электронная форма) или интервью, необходимо определить актуальные потребности и ожидания сотрудников, а также выявить проблемные зоны, которые необходимо разрешить, используя инструменты внутренней социальной политики.

Формирование системы управления внутренней социальной политикой напрямую связано с построением организационной структуры, которая является основой для разработки и реализации управленческих решений, предполагающих осуществление социально ориентированных программ в бизнес-организациях разного уровня. В процессе разработки подобных мероприятий помимо руководителей разного уровня необходимо привлекать активных и заинтересованных сотрудников, что позволит повысить степень удовлетворенности, лояльности и доверия со стороны персонала.

Этап 5. Выбор приоритетных направлений внутренней социальной политики

Предполагает осуществление процедуры соотнесения запросов и потребностей персонала и ресурсных возможностей бизнес-организации, благодаря чему выявляются наиболее значимые направления внутренней социальной политики. В рамках этого этапа предполагается: 1) планирование части бюджета на реализацию внутренней социальной политики (предварительная подготовка); 2) перераспределение имеющихся ресурсов, которое предполагает детализированный анализ существующих запасов и определение доли средств, выделяемых на осуществление приори-

тетных мероприятий в области внутренней социальной политики (ранжирование по факту); 3) расширение существующей ресурсной базы, используя процесс адаптации сотрудников, формирования внутренней системы обучения персонала, развития системы социальной защиты.

По результатам проведенного анкетного опроса сотрудников волгоградских бизнес-организаций было установлено, что повышение профессионально-квалификационного уровня персонала является наиболее популярным направлением внутренней социальной политики, поскольку оно является важным инструментом формирования человеческого капитала и удовлетворения актуальных потребностей, связанных с профессиональной самореализацией, что способствует росту производительности труда. Направление внутренней социальной политики по охране труда и обеспечению условий, отвечающих современным требованиям безопасности и эргономики, а также экологическим стандартам, фактически реализуется в волгоградских компаниях, однако чаще всего это обусловлено не личной инициативой руководства, а соблюдением требований действующего законодательства. Полагаем, что изменение позиции руководства в отношении положительного превышения пределов законодательно установленных нормативов будет способствовать более эффективному развитию данного направления.

Отдельный интерес представляет собой направление внутренней социальной политики по развитию организационной (корпоративной) культуры, которое является проблемной зоной в волгоградских бизнес-организациях. Результаты, полученные в ходе анкетного опроса сотрудников и глубинных интервью с руководителями, свидетельствуют о несогласованности позиций работников и менеджмента: руководителями была отмечена практическая реализация этого направления, однако ответы сотрудников свидетельствуют о низком уровне его реализации. Сложившаяся ситуация может быть обусловлена недостаточным вниманием со стороны руководства к ор-

ганизации различного рода корпоративных мероприятий в организации. Стратегический подход к управлению внутренней социальной политикой должен предполагать более активное участие руководителя в реализации данного направления, которое подразумевает учет не только ресурсной обеспеченности организации, но и комплексный анализ интересов и позиций сотрудников.

Согласно проведенному анкетному опросу, в рамках реализации направления по обеспечению социальной защиты сотрудникам волгоградских бизнес-организаций чаще всего предоставляется возможность пользоваться социальными льготами, гарантиями и компенсациями, а также предлагается корпоративное медицинское страхование. С целью развития данного направления в крупных бизнес-организациях целесообразно внедрять или развивать корпоративное пенсионное страхование. Половина опрошенных сотрудников изъявили согласие на участие в пенсионной корпоративной программе, которая, согласно их представлениям, должна стать частью социального пакета в любой организации, что будет способствовать эффективному развитию внутренней социальной политики организации. На данный момент программы корпоративного пенсионного страхования не в полном объеме реализуются в волгоградских бизнес-организациях: лишь каждый десятый сотрудник указал на наличие предложения о корпоративном пенсионном страховании. Стоит отметить, что реализация корпоративной пенсионной программы позволит крупным бизнес-организациям не только удерживать сотрудников на более долгосрочную перспективу, но и привлечь новых высококвалифицированных специалистов благодаря укреплению имиджа организации как социально ориентированного и надежного работодателя.

Этап 6. Выбор методов управления и инструментов внутренней социальной политики

В зависимости от выбранных категорий внутренних стейкхолдеров (их потреб-

ностей и установок), от определения наиболее востребованных направлений внутренней социальной политики и уровня фактической ресурсообеспеченности, волгоградские бизнес-организации могут использовать следующие методы управления: 1) организационно-административные методы, которые предусматривают разработку нормативно-правовых положений или целевых социальных программ, регламентирующих осуществление социально ориентированной деятельности в компании; 2) экономические методы, предполагающие использование финансовой составляющей в рамках реализации внутренней социальной политики, которые реализуются с помощью методов экономического поощрения (заработная плата и премирование) и методов экономического наказания (санкции и штрафы); 3) социально-психологические методы, которые направлены на изменение социальной среды бизнес-организации посредством регулирования межличностных отношений и установления взаимоотношений между разными категориями сотрудников в коллективе, основываются на получении социолого-управленческой информации при проведении опроса, бесед, интервью и анкетирования, а также реализуются с помощью методов активного обучения и развития (деловые игры и дискуссионные методы).

Использование инструментов внутренней социальной политики может привести к положительным результатам только в том случае, если применение инструментов способно удовлетворять наиболее важные потребности персонала. Согласно результатам анкетного опроса сотрудников волгоградских бизнес-организаций, наиболее востребованными инструментами внутренней социальной политики выступают мотивационные схемы оплаты труда и поощрения персонала, социальные (компенсационные) пакеты и корпоративное социальное страхование. Полученные результаты отражают необходимость внедрения и использования этих инструментов в системе управления внутренней социальной политикой волгоград-

ских компаний, учитывая следующие положительные аспекты. Во-первых, в условиях рыночной экономики и жесткой конкуренции на рынке волгоградским организациям разного масштаба бизнеса целесообразно создавать предельно понятные и прозрачные схемы оплаты труда, когда сотрудникам предоставляется возможность самостоятельно влиять на размер собственного заработка, соизмеряя объем выполненной работы с соответствующим вознаграждением. Во-вторых, рекомендации по внедрению социального (компенсационного) пакета для бизнес-организаций различного масштаба подразумевают построение «субъективно-ориентированной» модели: бонусную систему (структуру социального пакета) целесообразнее формировать в зависимости от занимаемой должности, профессиональных достижений или опыта работы сотрудника в компании. Эта система позволяет тратить накопленные бонусы на определенные мероприятия или услуги самостоятельно, учитывая актуальные потребности отдельного сотрудника, а не предлагая персоналу усредненную программу, подходящую для массового использования. В-третьих, в отношении внедрения и развития системы корпоративного социального страхования крупным и средним бизнес-организациям предлагаются следующие действия: 1) в отношении корпоративного медицинского страхования определить конкретную сумму медицинской страховки, которой может распоряжаться сотрудник самостоятельно в зависимости от занимаемой должности или опыта работы в компании (по аналогии с механизмом предоставления социального (компенсационного) пакета); 2) в рамках пенсионного страхования (для организаций крупного бизнеса) необходимо создать структуру корпоративной пенсионной программы, которая имеет добровольный характер, предусматривает свободу выбора в установлении типа пенсионных схем, уровня страховых взносов, размера выплат; финансируется на принципах капитализации средств с элементами перераспределения [1, с. 18]. Исполь-

зование систем корпоративного пенсионного страхования позволит повысить производительность труда сотрудников и стабилизировать ситуацию в отношении персонала, так как использование корпоративных пенсионных программ влияет на результаты труда и определяет продолжительность занятости работников в бизнес-организациях.

Внедрение периодического мониторинга о степени удовлетворенности предлагаемыми социальными мероприятиями и предпочтениями позволит выявить мнение работников и на основе полученных результатов разработать соответствующую стратегию, учитывая размер и фактические возможности бизнес-организации, что подтверждается исследованиями А.Е. Чириковой в контексте анализа использования инструментов социальной политики в зависимости от масштаба бизнеса [3, с. 10].

Этап 7. Создание системы информирования внутренних стейкхолдеров о реализуемых мероприятиях внутренней социальной политики

Согласно результатам анкетного опроса сотрудников волгоградских бизнес-организаций, степень информированности персонала о предлагаемых социально ориентированных мерах оказывает наибольшее влияние на уровень доверия персонала к мероприятиям внутренней социальной политики. Наиболее целесообразными каналами передачи информации, согласно представлениям сотрудников, является проведение общих собраний коллектива (планерки) и межличностное общение между руководителем и подчиненными, что отражает важность и результативность очного взаимодействия с сотрудниками. Использование чатов в современных мессенджерах считается целесообразным каналом в компаниях разного масштаба бизнеса, поскольку позволяет оперативно доносить информацию до получателя, однако эффективность его использования (качество усвоения информации и получение адекватной обратной свя-

зи) зависит от формата (актуальность, краткость и доступность информации для привлечения внимания) и времени передачи информации (необходимо избегать транслирования важной информации перед окончанием рабочего дня, в обеденные перерывы или в выходные дни). Организациям малого и среднего бизнеса рекомендуется размещать важные новости и корпоративные нововведения на информационных стендах, для крупных компаний целесообразно внедрить или продолжить использование корпоративных чатов на официальном портале, а также более активно использовать корпоративные газеты.

Этап 8. Презентация разработанной программы внутренней социальной политики и её оценка сотрудниками

В результате проведенного социологического исследования было установлено, что многие волгоградские компании не столь активно используют организационно-правовые документы, позволяющие регламентировать и контролировать осуществление социально ориентированной деятельности. Автором предлагается разработать программу внутренней социальной политики, которая будет дополняться и корректироваться с течением времени, учитывая актуальные тенденции развития компании, интересы и потребности всех заинтересованных сторон.

Получение обратной связи является важным процессом, поскольку представляет собой процедуру оценки сотрудниками реализации разработанной программы внутренней социальной политики. Каждый показатель, предполагающий осуществление специализированного мероприятия в рамках одного из направлений внутренней социальной политики, оценивается по пятибалльной шкале, где «0» – отражает отсутствие данного показателя, «1» – его неприемлемое состояние, «2» – удовлетворительное, «3» – хорошее, «4» – отличное, «5» – превосходное, которое означает полноценную реализацию показателя, отсутствие негативных оценок и про-

блемных зон. Оценить уровень разработанной социально ориентированной программы предлагается по следующим показателям, реализуемым в рамках отдельных направлений внутренней социальной политики современных бизнес-организаций:

Направление 1. Создание благоприятных условий труда для поддержания здоровья сотрудников: 1) систематический мониторинг заболеваемости сотрудников; 2) выявление и анализ факторов риска по общим и профессиональным заболеваниям; 3) система профилактических мероприятий для персонала; 4) организация оздоровления и отдыха персонала; 5) обеспечение доступной и качественной медицинской помощи; 6) содействие формированию здорового образа жизни, социально-ответственного отношения и поведения сотрудников.

Направление 2. Охрана труда и обеспечение безопасных и благоприятных условий труда: 1) аттестация рабочих мест; 2) мониторинг динамики травматизма, заболеваемости профессиональными болезнями и гибели в результате несчастных случаев на производстве, анализ причин; 3) обучение сотрудников нормам и правилам безопасного труда; 4) формирование ответственного отношения к требованиям безопасности труда.

Направление 3. Обучение и развитие сотрудников (формирование человеческого капитала): 1) привлечение, адаптация и удержание молодых специалистов, целевая подготовка новичков; 2) создание условий для развития общих и профессиональных компетенций (навыков), повышение профессиональной квалификации; 3) обеспечение возможности для карьерного продвижения; 4) осуществление процедур оценки деятельности персонала; 5) формирование конкурентоспособной и мотивационной схемы оплаты труда; 6) предоставление условий для реализации индивидуальных способностей и потенциала персонала.

Направление 4. Организационная (корпоративная) культура: 1) форми-

рование единых внутрикорпоративных ценностей, норм и принципов; 2) привлечение коллектива к определению и решению внутрикорпоративных задач; 3) внутриорганизационные коммуникации; 4) мониторинг степени удовлетворенности персонала условиями работы в компании, реализуемыми социальными программами; 5) вовлечение работников в корпоративную социальную деятельность.

Направление 5. Система социальной защиты персонала: 1) предоставление социальных гарантий, льгот и компенсаций (социальный / компенсационный пакет); 2) корпоративное пенсионное страхование; 3) корпоративное медицинское страхование; 4) социальная помощь отдельным категориям сотрудников.

Использование предложенной модели получения обратной связи позволит изменить ситуацию в области управления внутренней социальной политикой в волгоградских бизнес-организациях.

Этап 9. Реализация доработанной программы внутренней социальной политики и подготовка социального (нефинансового) отчета по результатам социально ориентированной деятельности

На данном этапе происходит реализация доработанной с учетом рекомендаций сотрудников программы внутренней социальной политики, которая ориентирована на достижение установленной цели и решение поставленных задач. Результативность осуществления социально ориентированных мероприятий рекомендуется фиксировать в социальном (нефинансовом) отчете. Несмотря на тот факт, что в волгоградских компаниях данная практика не распространена, автором рекомендуется готовить аналитическую информацию по результатам проведенных социально ориентированных мероприятий один раз в год (период составления отчета определяется конкретной бизнес-организацией).

Наличие социального отчета фиксирует выполнение определенных социально ориентированных обязательств,

что свидетельствует о социальной ответственности компании по отношению к собственному персоналу. Формирование и публикация социального (нефинансового) отчета позволит волгоградским бизнес-организациям получить следующие преимущества: 1) взаимодействие с внешними стейкхолдерами: привлечение инвесторов и их инвестиционных средств; 2) взаимодействие с внутренними стейкхолдерами: развитие информационной системы в компании (публикация нефинансовых отчетов способствует повышению осведомленности персонала о реализуемых социальных программах и результатах их осуществления); 3) аналитическая помощь менеджерам (результаты нефинансовых отчетов могут быть использованы при разработке управленческих стратегий) [2, с. 320].

Необходимо отметить, что девятый этап не всегда является завершающим, поскольку существует целесообразность возвращения на предыдущие этапы для реконструирования системы управления внутренней социальной политикой с учетом изменений во внешней среде, имеющихся ресурсов и интересов всех заинтересованных сторон. Разработанная стратегия позволит сформировать эффективную систему управления внутренней социальной политикой в волгоградских бизнес-организациях, где каждый из этапов поможет руководителям выстроить пошаговые действия, избегая трудностей при принятии управленческих решений. Стоит отметить, что данная стратегия может быть использована различными организациями (вне зависимости от профиля деятельности или масштаба бизнеса), которые заинтересованы в повышении социальной ответственности, в создании благоприятных условий для своего персонала, являющего основным ресурсом для достижения организационных целей.

Литература

1. Анисеева Л.В. Корпоративное пенсионное страхование как элемент управления персоналом // Управле-

ние в сфере экономики: проблемы и перспективы. – 2017. – № 3(17). – С. 17–20.

2. Углова И.А., Николенко А.С., Королева Е.Э. Нефинансовая отчетность как коммуникационный инструмент корпоративной социальной политики организации // Естественно-гуманитарные исследования. – 2019. – № 26 (4). – С. 316–321.
3. Чирикова А.Е. Социальная ответственность бизнеса: должник, благодетель, партнер // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2016. – № 4 (71). – С. 8–12.

IMPROVING THE MANAGEMENT SYSTEM OF THE INTERNAL SOCIAL POLICY OF BUSINESS ORGANIZATIONS: THE POSSIBILITIES OF A STRATEGIC APPROACH

Semikolenova Yu.A.

Volgograd Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article presents an analysis of the main stages of the strategy for improving the management system of internal social policy of Volgograd business organizations: analysis of the internal and external environment of a business organization; development of a social passport of a business organization; identification of key socio-cultural characteristics of employees and their consideration in the formation of targets of internal social policy; identification of categories of internal stakeholders and building an organizational structure management of internal social policy; selection of priority directions of internal social policy; the choice of management methods and tools of internal social policy; creation of a system for informing internal stakeholders about the ongoing activities of internal social policy; presentation of the developed program of internal social policy and its evaluation by employees; implementation of a revised program of internal social policy and preparation of a social (non-financial) report on the results of socially oriented activities. At the end of the article, the universality of the use of the developed strategy for improving the management system of internal social policy by Volgograd business organizations is noted.

Keywords: internal social policy; business organization; management system; employees; stage.

References

1. Anikeeva L.V. Corporate pension insurance as an element of personnel management // Management in the field of economics: problems and prospects. – 2017. – № 3(17). – pp. 17–20.
2. Uglova I.A., Nikolenko A.S., Koroleva E.E. Non-financial reporting as a communication tool of corporate social policy of the organization // Natural sciences and humanities research. – 2019. – № 26 (4). – pp. 316–321.
3. Chirikova A.E. Social responsibility of business: debtor, benefactor, partner // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. – 2016. – № 4 (71). – pp. 8–12.

Факторный анализ процесса активизации творческой деятельности в условиях цифровизации

Павлова Мария Павловна,

к.э.н., доцент кафедры журналистики и социологии
Тольяттинского государственного университета
E-mail: levinamp@mail.ru

В статье автор рассматривает активизацию творческой деятельности человека при цифровизации процессов жизнедеятельности через факторный анализ. Для определения этих факторов автор исследует психофизиологические особенности творческого человека, когда творчество является жизненной позицией для создания личностного комфортного смыслового пространства. Установление таких особенностей для творческого человека являются результатом исследования ученых в области в области нейропсихологии и психологии творчества. При этом автор подчеркивает бинарные противоположные эффекты от влияния факторов на стимулирование процесса творческой деятельности в условиях цифровизации. Автор акцентирует внимание на то, что при динамичных условиях активизации творческой деятельности в цифровом пространстве, результаты этой деятельности при создании личного комфортного пространства могут быть несовместимы с реальностью.

Ключевые слова: созидательная творческая деятельность; цифровизация; творческая личность; саморазвитие; эмоции; воображения.

Глобальный процесс цифровизации повседневности кардинально изменяет привычные процессы жизнедеятельности человека, разрывая его пространство бытия на виртуальную реальность и действительность. В результате чего, трансформируются приоритеты жизнедеятельности индивида, раскрывающее мотивы его поведения и восприятия бытия, которые оказывают непосредственное влияние на развитие науки, техники, искусства.

В тоже время, необходимо отметить, что такие изменения происходят в период прогрессивного развития социально – экономической системы по инновационному сценарию. Приоритизация инноваций во всех сферах жизнедеятельности человека определяет важность инновационного вектора его деятельности. Инновационная деятельность, рассматривается нами как результат слаженной работы инновационной инфраструктуры, обеспечивающий формирования и развития этой деятельности. При этом «началом» инновационной деятельности, мы рассматриваем творческую созидательную деятельность, которая является результатом желания изменить окружающий мир под воздействием личных эмоций, воображения, разнообразия жизненного опыта. И активизация именно созидательной творческой деятельности выступает триггером перспективного развития инновационной деятельности.

Исследование научных трудов ученых позволили нам выделить факторы активизации творческой созидательной деятельности: эмоциональный, фактор опыта творца [3, 9, 14, 15]. При этом, следует отметить, что творческая личность, по своей сути, несет в себе способность к свободе: она свободна в выборе своих действий, свободна от шаблонов, эталонов, стереотипов, присущих обществу, свободна в принятии определенной мировоззренческой позиции и следование ей. Свобода первична в творче-

стве и неотрывна от него. Как утверждает Н. Бердяев «...свободная личность творит» [6]. Поэтому к перечисленным факторам активизации созидательной творческой деятельности добавим дополнительно *фактор свободы*.

Исследовательская работа автора по определению влияния процессов цифровизации на активизацию творческой деятельности представлена в двух направлениях: первое – цифровизация обеспечивает перспективные условия развития созидательной творческой деятельности, второе – цифровые процессы тормозят и угнетают факторы стимулирования творческой деятельности.

Первое исследование **Эмоциональный фактор**

В своих работах Л.С. Выготский и Т. Рибо определили, что в основе созидательной творческой деятельности, лежит психологический механизм воображения, который комбинируя известные образы действительности, создает новые образы, удовлетворяя потребность творца в конструировании своего повседневного пространства. При этом триггером этого механизма выступают эмоции [3].

Цифровое пространство расширяет диапазон эмоций и это очевидно, потому что виртуальное пространство физически больше действительного пространства повседневности. Скорость изменения эмоционального фона цифрового человека достаточна велика, так как, во-первых, увеличена скорость коммуникативных связей и сформирована их многоканальность [10]. Во-вторых, доступ к огромному количеству оцифрованных образов, символов и объектов, представляющие собой копии оригиналов действительности стимулируют ассоциативные и аффективные основания в творческой деятельности.

Согласно коммуникативному подходу к природе творчества, цифровое пространство, лишенное перцептивной характеристики, полностью сконструировала средства выражения эмоций через символы («эмотиконы», «смайлики»). Эмоции в мировом виртуальном пространстве можно выразить через

3,8 млрд «смайликов», где радостных смайликов больше, чем грустных. При этом вид эмотикона зависит от социальной сети, технического средства, через которое осуществлен вход в виртуальную коммуникационную сеть. Иногда в качестве эмотиконов цифровые акторы в общении используют символы из текста в виде скобок, точек, тире, косой черты.

Здесь следует отметить, что исследователи М. Кастельс, Д.В. Ушаков рассматривали индивидуальную творческую деятельность как совместный продукт группы единомышленников, когда, активизируя знаниевый потенциал группы, решается проблема с использованием новых идей от участников группы, о существовании которой они даже не догадывались. Ученые Д. Симонтон, Р. Берг утверждали, что индивидуальная созидательная творческая деятельность активизируется тогда, когда в коммуникативной структуре появляются креативные участники [11].

Популярные мессенджеры сегодня: WhatsApp, Viber, Telegram. Наиболее популярная сейчас социальная сеть ВКонтакте. При этом следует отметить, что группа в WhatsApp может включать в себя 512 человек, в Viber – 240 человек, в Telegram – неограниченное число пользователей. В ВКонтакте – 10 000 человек. Аудитория каждой из коммуникационных сетей насчитывает более 2 млрд человек. Ежедневно только через WhatsApp передаются 55 млрд сообщений наполненные эмоциями.

Обобщая информацию по этому фактору, можно отметить, что цифровой человек в виртуальном пространстве не лишен эмоций, это позволяет ориентироваться в нем, определять критерии и мотивы своей деятельности. Цифровые эмоции моделируют чувственные характеристики объектов как виртуального мира, так и цифровых копий действительной реальности, давая возможность активизировать созидательную творческую деятельность. Многоканальные коммуникативные сети обеспечивают организацию трансфера знаний, влияющего на повышения знаниевого

и культурного потенциала населения, при этом усложняя механизмы трансфера знаний, улучшается абсорбционные возможности реального повседневного пространства.

Фактор опыта творца

В своих исследованиях ученый М. Чиксентмихайи доказывает, что на активизацию творческого процесса оказывает влияние соответствие задач, требующих творческого подхода в решении, навыкам творца. Интерес и грандиозность задачи оценивается творцом через точно сформулированную цель. Ученый рассматривает творческий процесс как поток эмоций удовольствий, который испытывает творец, при решении таких задач. Вхождение в этот поток осуществляется путем преодоления барьеров «энтропии» через повседневную работу, которая формирует определенные навыки у творца. И, как отмечает исследователь, именно этот процесс накопления навыков при решении задачи творческим путем, является источником вознаграждения творца за свою деятельность [14].

Вот, например, известный изобретатель лампочки накаливания Т. Эдисон в своем популярном высказывании отметил, что «Я не терпел поражений. Я просто нашёл 10 000 способов, которые не работают» Ученый физик М. Фарадей провел 30 000 экспериментов по исследованию электричества. Русский исследователь М. Ломоносов провел 4 000 опытов по технологии изготовления цветных прозрачных и непрозрачных (смальт) стёкол. В своем интервью разработчик цифровой сети М. Цукерберг отметил, что «тестирование – ключевой элемент нашего успеха, и я им очень горжусь». В своем исследовании Д. Симонтон по результатам изучения жизни самых успешных людей определил положительную корреляционную зависимость от количества экспериментов и творческим успехом.

В условиях цифровизации процесс накопления навыков возможен через цифровое моделирование (конструирования), когда аналоговые качественные и количественные характеристики ис-

следуемого объекта переводятся в дискретную форму, пригодную для использования в ИТ-технологиях. Таким образом, в условиях цифровизации процесс накопления навыков рассматривается как бесконечный процесс цифрового моделирования (конструирования) исследуемой модели – копии объекта через изменения его качественных и количественных параметров в определяемых условиях. Именно цифровое моделирование (конструирования) дает возможность творцу создавать модель – копии при минимальных его трудозатратах. Следует отметить, что в цифровом пространстве производительность ИТ-технологий определяется величиной – терафлопс, где 1 терафлопс = 1 триллион операций в секунду = 1000 миллиардов операций в секунду. А как отмечает известный ученый по когнитивной науке Т. Черниговская «Скорость обработки информации в компьютере в миллион раз больше, чем в мозгу».

Таким образом, в условиях цифровизации создать новый продукт представляется возможным, привлекая в созидательный творческий процесс ИТ – технологии, нивелируя финансовые и временные затраты, увеличивая скорость экспериментов, их качественные и количественные характеристики.

Фактор свободы

Начинать рассуждения об этом факторе в цифровом пространстве повседневности уместно тогда, когда определены сущность творческого человека и есть понимание индивидуальной свободы как самопричинности уникальной человеческой жизни.

В работах известных ученых (Я.А. Пономарев, Д.В. Ушаков, В.Н. Дружинин, В.Д. Шадриков, М.А. Холодная) творческая личность – сама себя творящая личность – прежде чем новаторски изменить объективный мир, она должна соответствующим образом поменять свой индивидуальный мир. Созидательная творческая деятельность – это жизненная позиция этой личности, которая позволяет формировать вокруг себя определенное смысловое пространство для

комфортного пребывания внутри общества [8]. Субъективно оценивая свою деятельность, творческая личность осознает и оценивает новизну и значение своего труда. Способность творческой личности воспринимать/перерабатывать общественную информацию (в быстром темпе, разными способами, с помощью фокусирования внимания на символическом уровне), при которой, отклоняясь от стереотипов восприятия мира, принятых в данной обществе, создавать совершенно новые, отличающиеся оригинальностью объекты/идеи.

Известные мыслители Б. Спиноза и Г. Гегель рассматривают свободу как познанная необходимость. Английский философ Т. Гоббс определяет свободу как отсутствие препятствий к действию. Философские размышления Протагора, Аристотеля, Стагирита, Платона сводятся к выводу, что свобода представляет собой все случаи сознательного выбора жизни. Интересно и близко автору точка зрения в этом вопросе ученого В.М. Маслова, который в свое работе определяет свободу как жизнь счастливого человека, реализующего свои, уникальные высшие ценности и смыслы жизни, осуществляющего свое предназначение или самореализующегося, без каких-либо внутренних сомнений, телесных ограничений и внешних препятствий [5].

Множественность интерпретаций свободы сводятся, по сути, к одному, что свобода – это возможность человека свободного выбора без ограничений, когда свою свободу человек выбирает сам. Отсюда прослеживаются условия реализации свободы: во-первых, нужна полная уверенность человека, что его действие является непререкаемым моментом его самореализации; во-вторых, безразличие к ограниченности ресурсов свободы; в-третьих, абсолютное содействие общества к индивидуальной свободе.

Архитектоника виртуальности в полной мере предоставляет человеку возможность выбора своей свободы. Цифровое пространство обеспечивает безграничные, потенциально бесконечные ресурсы для реализации попыток само-

реализации себя, невелируя барьеры, нарушающие реальные привычные процессы жизнедеятельности.

В цифровом обществе превалирует приоритетность индивидуальной свободы, которая становится феноменом автономного виртуального мира человека, как итог, трансформируется его деятельность, наполняясь новыми смыслами и мотивами. В цифровом пространстве в условиях равенства реального и потенциального бытия доминирования принципа «здесь и сейчас» добавляет динамизма процессам приближающих будущее, где нет ничего невозможного [7].

Второе исследование

Эмоциональный фактор

С точки зрения физиологии, эмоция рассматривается как результат нейрофизиологических процессов организма, которые вызваны как внутренними, так и внешними факторами. Множество смысловых образов, символов, которые наполняют социальное пространство активизируют перцептивные процессы человека, удовлетворяя его потребность в чувственном познании действительности. Эмоции, обеспечивая связь внутреннего и внешнего мира человека, наполняют его информацией, это позволяет быть причастным к действительности, ориентироваться в ней и сохранять свою целостность. Исследованием конструирования чувственной картины мира начал заниматься ученый – физиолог В. Вундт в 1880 г. В своих работах он отмечал, что информация об образе складывается из двух источников: сенсорный (информация, полученная от органов чувств); интеллектуальный (знание о мире, основанное на опыте человека). При этом, как отмечали его последователи (Ананьев, Ломов, Рубинштейн), сам процесс восприятия обнаруживает основания для динамики в познавательных процессах человека: мышлении, восприятии, внимании, представлении [1].

Для развития созидательной творческой деятельности эмоции необходимы, так как именно они определяют связующим звеном между деятельностью воображения и реальностью, как уже от-

мечалось выше. В цифровом пространстве, когда искусственные процессы поглощают естественные, активизировать эти эмоции, достаточно проблематично.

Во-первых, при коммуникации. Известно, что невербальные сигналы играют важнейшую роль в социальном взаимодействии и по сути своей призваны показать, какую эмоцию человек испытывает в ответ на получаемую извне информацию. Эти сигналы транслируются окружающим через движения мышц, мимику, жесты, позу и т.д. за счёт связи лимбической системы с базальными ганглиями и другими подкорковыми структурами мозга, отвечающими за двигательную активность. Виртуальная реальность не осязаема, действия цифрового пространства воздействует на сенсорную систему человека через симуляторы (шлемы, перчатки виртуальной реальности, устройство имитации запахов, звуковую многоканальную систему), имитируя «как бы» реальные сенсорные ощущения цифрового актора. Здесь можно отметить, что эмоции в цифровом формате обладают ограниченным диапазоном ощущений, который напрямую зависит от уровня технического развития цифрового пространства (например: на диапазон тактильных ощущений влияет сила и характер касания. Гаджет, имитирующий тактильное ощущение, передает их только через вибрацию и движение). Скорость эмоциональной оценки снижена, за счет использования дополнительных устройств в процессе коммуникации. При этом следует отметить, что использование их длительное время провоцирует негативное психическое воздействие на организм человека (эмоциональная оценка же явления или события в реальности мгновенна и не требует никаких усилий) [13].

Во-вторых, при визуализации оцифрованных образов. Интересны исследования ученых Васильевой Н.Н. и Рожковой Г.И. (Институт проблем передачи информации имени А.А. Харкевича РАН), которые получили доказательные выводы, что на восприятия виртуальных стереобъектов влияет сложная зрительная система человека, совместная работа

целого комплекса зрительных механизмов, которые активизирует *индивидуальный* психофизиологический процесс восприятия объекта, провоцируя развития как положительного, так и негативного эмоционального фона. В цифровом пространстве между человеком и оцифрованным объектом, находиться трансляторы (компьютерные устройства, цифровые гаджеты и т.д.), технические возможности которых несут ответственность за качественную передачу оцифрованной информации, а также за ее емкость. Очевидно, что искажения оцифрованных образов здесь не избежать. Любые искажения на уровне формы, текстуры, те, которые делаются для того, чтобы оцифрованный образ в цифровом пространстве мог использоваться, воспринимается как иллюзия действительности. Фотореалистичность таких стереобразов создают иллюзию присутствия, иллюзию фотографии [2].

Визуальное восприятие образа через фотографию передает эмоции ее творца в данной точке наблюдения. Невозможно рассматривать оцифрованные образы как имитацию оригинала так как с помощью фотографий невозможно воссоздать реальность, такая информация неисчерпаема. В цифровом пространстве большая часть информации об окружающем мире потеряна, так как созданные его инварианты (фотографии) получены из наблюдения творца с меняющихся перспектив видимого мира [12].

Подводя итог, можно отметить, что эмоции в цифровом пространстве повседневности отличны от эмоций в реальном мире, их источником являются иллюзии и искаженные цифровые копии.

Фактор опыта творца. Фактор свободы

Цифровизация создала условия для формирования искусственной социально-экономической среды цифрового общества, где значимую роль играют алгоритмические системы, платформы и технологии больших данных [4].

Деятельность в таком пространстве реализуется на базе алгоритмов и на основе больших массивов данных, где чет-

ко прослеживается ее этапность и последовательность.

Алгоритмизация процессов виртуального пространства стала основным источником искажения результатов виртуального моделирования, так необходимого для реализации созидательной творческой деятельности при рассмотрении фактора опыта творца. В тоже время, именно алгоритмизация участвует в моделировании цифрового пространства, которая определяет правила участия цифровых акторов в этом пространстве, затрагивая в конечном счете фактор свободы «...то, без чего творчество невозможно».

Известно, что цифровое пространство наполняемое, любой человек, участвуя в формировании этого пространства, действует по определенным алгоритмам, иначе он не «в системе». Исследователи определяют это состояние как цифровой разрыв, когда ограничивается возможность участия в цифровой жизни общества [4].

Структурная основа алгоритма раскрывается через описания явлений и процессов объективного мира, вычислительные сети, в которых они функционируют и развиваются, пользователей этих алгоритмов и людей, которые их проектируют. Этот важный компонент структуры – «люди, которые их проектируют» ответственный за искажения реальной действительности при неправильном кодировании, при погрешности программирования, установления правил, норм поведения и информативность цифрового пространства, прозрачность процессов искусственного мира [17]. При этом, ответственность за ошибки алгоритмов могут нести и пользователи алгоритмов, так как алгоритмы цифрового пространства могут изменяться под действием запросов пользователей в виртуальную среду [16].

Резюмируя выше сказанное, можно отметить, что процессы цифровизации стимулирует созидательную деятельность индивида через навязанные тенденции цифрового пространства, которая может разрушиться при столкновении с объективной реальностью.

Литература

1. Барабанщиков В.А. Теоретические реконструкции перцептивного процесса // Вестник РУДН, 2006 № 1 (3) С. 36–51.
2. Васильева Н.Н. Рожкова Г.И. Восприятие виртуальных стереообъектов: особенности взаимодействия зрительных механизмов и пространственные перцептивные эффекты // Экспериментальная психология. 2021. Том 14. № 3. С. 79–90.
3. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте. – СПб.: Перспектива, 2020–125 с.
4. Мартыненко Т. С., Добринская Д.Е. Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 171–192.
5. Маслов В.М. Свобода, свободы, виртуальная реальность / Вестник Челябинского государственного университета. № 5 (439). Т. 56. 2020. С. 50–58.
6. Павлова М.П. Авангардизм творчества – стратегический ресурс инновационной экономики. // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал –2022 – № 2 (91) – С. 96–104.
7. Петев Н.И. Цифровое пространство как стимул формирования индивидуализации и самоопределения // Векторы благополучия: экономика и социум. 2021. № 1 (40) С. 79–96.
8. Психология интеллекта и творчества: Традиции и инновации: Материалы научной конференции, посвященной памяти Я.А. Пономарева и В.Н. Дружинина, ИП РАН, 7–8 октября 2010 г. – М.: Институт психологии РАН, 2010–368 с.
9. Рибо Т.А. Творческое воображение: Пер с фр. Изд. 2-е. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 328 с.
10. Смирнова Т.В. Эмоциональность в цифровом пространстве // Вестник Удмурского университета, 2020 Том. 4 Выпуск 3. – С. 259–264.

11. Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам/ Под ред. Д.В. Ушакова. – М.: Институт психологии РАН, 2011. – 736 с.
12. Хорошилов А.А. Фотография и визуальное восприятие // Вестник АГУ. – 2015. 1(156). – С. 33–40.
13. Хохлова Е.А., Павлова И.С. Анализ 3D виртуальной реальности как подхода к дистанционному обучению. Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 60–1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-3d-virtualnoy-realnosti-kak-podhoda-k-distantsionnomu-obucheniyu> (дата обращения: 12.10.2023).
14. Чиксентмихайи М. Креативность. Поток и психология открытий и изобретений. – М.: Карьера Пресс, 2015. – 528 с.
15. Эфроимсон В.П. Генетика гениальности / Москва: АСТ, 2019. – 480 с. – (Наука, идеи, ученые).
16. Gillespie T. (2014b) The Relevance of Algorithms. In: Gillespie T., Boczkowski P.J., Foot K.A. (eds.) *Media Technologies: Essays on Communication, Materiality, and Society*. – Cambridge, MA: MIT Press, 2014. – P. 167–194.
17. Willson M. (2017) Algorithms (and the) Everyday. *Information, Communication and Society*. Vol. 20. No. 1. P. 137–150.

FACTOR ANALYSIS OF THE PROCESS OF INTENSIFYING CREATIVE ACTIVITY IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Pavlova M.P.

Tolyatti State University

In the article, the author examines the intensification of human creativity in the digitalization of life processes through factor analysis. To determine these factors, the author examines the psychophysiological characteristics of a creative person, when creativity is a life position for creating a personal comfortable semantic space. The establishment of such features for a creative person is the result of research by scientists in the field of neuropsychology and psychology of creativity. At the same time, the au-

thor emphasizes the binary opposite effects of the influence of factors on the stimulation of the creative process in the context of digitalization. The author focuses on the fact that under the dynamic conditions of intensification of creative activity in the digital space, the results of this activity in the creation of a personal comfortable space may be incompatible with reality.

Keywords: creative creative activity; digital socio-cultural space; creative person; self-development; emotions; imagination.

References

1. Barabanshchikov, V.A. (2006) "Theoretical reconstructions of the perceptual process," *Vestnik RUDN University*, 2006, no. 1 (3), pp. 36–51.
2. Vasilyeva N.N., Rozhkova G.I. Perception of Virtual Stereo Objects: Features of Interaction of Visual Mechanisms and Spatial Perceptual Effects // *Experimental Psychology*. 2021. Volume 14. № 3. С. 79–90.
3. Vygotskiy L.S. *Imagination and Creativity in Childhood*. – St. Petersburg: Perspektiva Publishing House, 2020. – 125 p.
4. Martynenko T. S., Dobrinskaya D.E. Social Inequality in the Era of Artificial Intelligence: From Digital to Algorithmic Gap // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2021. № 1. Pp. 171–192.
5. Maslov V.M. Svoboda, svoboda, virtual reality / *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 5 (439). Т. 56. 2020. S. 50–58.
6. Pavlova M.P. Avant-garde of Creativity – Strategic Resource of Innovative Economy. *Social Science. Art. Sociology. Culture: Scientific and Socio-Cultural Journal*. – 2022. – No 2 (91). – P. 96–104.
7. Petev N.I. Digital Space as a Stimulus for the Formation of Individualization and Self-Determination // *Vectors of Well-Being: Economics and Society*. 2021. No 1 (40) S. 79–96.
8. *Psychology of Intellect and Creativity: Traditions and Innovations: Proceedings of a Scientific Conference Dedicated to the Memory of Y.A. Ponomarev and V.N. Druzhinin*, IP RAS, October 7–8, 2010 – Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2010–368 p.
9. Ribot T.A. *Tvorcheskoe imaginatsii: Per s fr*. Ed. 2nd. – Moscow, LENAND Publ., 2019. – 328 p. (in Russian).
10. Smirnova T.V. Emotionality in Digital Space // *Bulletin of the Udmur University*, 2020 Tom. 4 Issue 3. P. 259–264.

11. Creativity: From Biological Foundations to Social and Cultural Phenomena / Ed. by D.V. Ushakov. – Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2011. – 736 p. (in Russian).
12. Khoroshilov A.A. Photography and Visual Perception // Vestnik ASU. – 2015. 1(156). P. 33–40.
13. Khokhlova E.A., Pavlova I.S. Analysis of 3D Virtual Reality as an Approach to Distance Learning. Problems of Modern Pedagogical Education. 2018. № 60–1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-3d-virtualnoy-realnosti-kak-podhoda-k-distantsionnomu-obucheniyu> (accessed: 12.10.2023).
14. Csikszentmihalyi M. Creativity. Flow and Psychology of Discoveries and Inventions – Moscow: Career Press, 2015. – 528 p. (in Russian).
15. Efroimson V.P. Genetics of Genius. – Moscow: AST Publishing House, 2019–480 p. – (Science, Ideas, Scientists).
16. Gillespie T. (2014b) The Relevance of Algorithms. In: Gillespie T., Boczkowski P.J., Foot K.A. (eds.) Media Technologies: Essays on Communication, Materiality, and Society. – Cambridge, MA: MIT Press. – P. 167–194.
17. Willson M. (2017) Algorithms (and the) Everyday. Information, Communication and Society. Vol. 20. No. 1. P. 137–150.

Основные этапы формирования традиционной китайской культуры

Мяо Цзин,

аспирант кафедры социальных технологий
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
E-mail: 782074147@qq.com

В статье рассматриваются основные этапы формирования традиционной культуры Китая. Дается релевантное теме исследования определение понятия «традиционная культура», описываются ключевые особенности китайской цивилизации, повлиявшие и на формирование ее культуры. Последовательно рассматриваются периоды Древнего Китая, «Золотого века» китайской философии, раннеимперского Китая, китайского средневековья. При анализе каждого из данных периодов выделяются особенности доминирующих религиозных и философских традиций, уделяется внимание главным изобретениям эпох, становлению и развитию ремесел и искусств. По результатам исследования сформирован краткий обзор истории формирования традиционной китайской культуры, сделан вывод о таких ее уникальных чертах, как самобытность, устойчивость и преемственность.

Ключевые слова: культура, традиционная культура, философия, религия, общество, конфуцианство, даосизм, буддизм, Древний Китай, Китай.

Приступая к рассмотрению основных этапов формирования традиционной культуры Китая, необходимо дать определение понятию «традиционная культура». Существует множество трактовок данного понятия. С одной стороны, традиционная культура – культура традиционного общества, характеризующегося устойчивой сословной социальной иерархией, регулирующей ролью обычаев и традиций в формировании и поддержании общественного уклада. Следует отметить, что распад традиционного общества в Китае произошел со значительной задержкой – если ученые датируют начало модернизации в отдельных сферах жизни европейских обществ XVIII в. или даже XVII в., то распад традиционного общества и модернизацию в Китае связывают с периодом середины XIX – начала XX столетия [1, с. 5]. Этот феномен объясняется множественными периодами феодальной раздробленности, гражданских войн, иностранных интервенций и фактических захватов соседними государствами, пережитых Китаем. Более широкая трактовка традиционной культуры, как типа культуры с главенствующей ролью традиции и преемственности, позволяет утверждать, что традиционная культура Китая смогла сохраниться, эволюционировав и органично вписавшись в коммунистическую идеологию «с китайской спецификой» [6, с. 145].

Исследователи выделяют ряд отличительных черт древнекитайской цивилизации, отразившихся на особенностях ее культуры. Во-первых, это относительно неблагоприятные климатические условия, вследствие которых цивилизация как таковая на территории Китая возникла позднее, чем, например, шумерская или египетская. Появление первых земледельческих общин в данной местности датируется 5 тысячелетием до нашей эры. Ирригационное земледелие также появилось здесь достаточно поздно –

в середине первого тысячелетия до нашей эры. Во-вторых, китайская цивилизация развивалась фактически автономно от иных (вплоть до 2 в.н.э.). Контакт с европейской цивилизацией также был установлен значительно позднее ввиду географической отдаленности и политики изоляционизма [8, с. 60]. В целом китайская цивилизация считается большинством ученых автохтонной, однако существуют предположения насчет ряда рецепций, например, мотивов живописи у алтайско-скифской и колесниц у индоевропейской культур. В-третьих, несмотря на то, что в истории Китая наблюдается множество периодов, когда государство было фактически захвачено представителями соседствующих цивилизаций (полностью или частично), Китаю удавалось сохранить собственную традиционную культуру [7, с. 319]. Отчасти этот феномен объясняется тем, что захватчики в большинстве своем были представителями кочевых или менее развитых цивилизаций. В-четвертых, отмечается сильный контроль государства над социокультурным полем. Например, в Китае жречество не существовало как автономный социальный институт – его функции выполняли представители экономических и политических элит. Наконец, одной из ключевых характеристик традиционной китайской культуры является ритуализм. Особое значение для китайцев имеет культ предков, социальное поведение и продвижение по иерархическим структурам общества также ритуализированы.

Культура Древнего Китая

На территории современного Китая в далекие времена существовало государство Шань-Инь. Доподлинно зафиксировано существование на территории этого раннего царства письменности, лунного календаря, ремесел. Уже на тот момент цивилизация значительно превосходила окружающие народы в военном отношении – профессиональное войско имело на вооружении бронзовые копья и мечи, луки, а также колесницы. Были распространены религиозные культы, практиковались человеческие жертво-

приношения. Так, согласно исследованиям, на рубеже III–II вв. до н.э. в Шань-Инь появляется письменность. Изначально местные жители писали на панцирях черепах и костях животных. Первые подобные артефакты, найденные археологами, связывают с древними ритуалами гадания, широко распространенными на данной территории. Впоследствии для письма стали использоваться бронзовые пластины, бамбук и дерево, и уже к началу нашей эры в Китае появляется бумага [13, с. 68].

Мифология древнего Китая пронизывала все сферы общественной жизни – от истории образования государства и его устройства до философии, познания окружающего мира и повседневных взаимодействий между людьми [16, с. 194]. Одной из отличительных черт древнекитайской мифологии является эвгемеризация. Мифологические персоналии со временем начинают восприниматься как реальные исторические деятели глубокой древности. Одним из подобных образов является Пань-Гу, тело которого послужило началом космическим объектам, Земле и человечеству. Юй Великий – еще одна ключевая фигура древнекитайской мифологии. Согласно мифам, данный правитель смог вернуть затопившие китайские земли воды в их прежние берега (что по сути является классическим примером мифа о потопе, характерного для множества цивилизаций, порой не контактировавших друг с другом) [15, с. 62]. Также считается, что именно им было осуществлено деление Китая на 9 провинций. Интересен также цикл мифов о Нюй-ва, считавшейся, наряду с Пань-Гу, прародительницей человечества. Ее образ – наполовину женщины, наполовину змеи или дракона – отсылает нас к тотемным животным. В данный период формируется основной набор тотемистических образов, среди которых особым статусом пользуется образ дракона. Как известно, дракон становится впоследствии символом правителя Китая и государства в целом. Особую роль в традиционной китайской культуре играют так называемые мифы о хаосе. Мир представ-

ляется древним китайцам как упорядоченный хаос, возникают ключевые для китайской философии понятия «инь» и «ян», отражающие дихотомию космических сил, баланс вещей. Данный раздел китайской мифологии найдет свое отражение в большинстве религиозно-философских учений и практик государственного управления [10, с. 67–72]. Одним из наиболее протяженных периодов истории Китая является период правления династии Чжоу. В это время происходит усиление роли родоплеменной знати в процессе управления государством (во многом ввиду продолжительных междоусобиц). Формируется уникальное для Китая явление – землепользование по так называемой «колодезной» системе. Свое название система получает ввиду сходства с китайским иероглифом, используемым в том числе для обозначения слова «колодец». Суть такой системы заключается в том, что территория общины делится на 9 наделов, 8 из которых обрабатываются семьями по отдельности, а девятое является собственностью общины – здесь трудятся все земледельцы, собранный урожай уходит на общие нужды. Среди важнейших нововведений данного периода выделяются изготовление железного оружия и орудий труда, ирригационных систем и тягловых животных в земледелии, использование различных видов топлива для освещения и обогрева помещений.

Золотой век китайской философии

Ключевым для китайской традиционной культуры считается период Чжаньго – с VI по II век до нашей эры. Именно на этом временном промежутке оформляются такие неотъемлемые составляющие китайской культуры как конфуцианство и даосизм [2, с. 177]. В это же время Китай вступает в железный век, получают широкое распространение железные орудия труда, оружие и доспехи, ирригационные системы, расширяются обрабатываемые сельскохозяйственные площади.

Конфуцианство представляет из себя полноценную философскую и этическую систему, которая была разработана

на основе учений Конфуция (Кунцзы), китайского философа и ученого, жившего в VI–V веках до н.э. [9, с. 72]. Конфуцианство оказало огромное влияние на культуру, общество и мораль в Китае и других восточноазиатских странах и остается актуальным и влиятельным философским направлением [17; 18; 19; 20]. Центральное понятие конфуцианства – «Рен» – обозначает доброту, человечность, моральную добродетель и сострадание. Конфуцианство уделяет большое внимание семейным отношениям и их роли в обществе. Семья рассматривается как фундаментальная единица общества, и уважение к родителям и старшим членам семьи считается важным аспектом моральности. Утверждается общественная иерархия, основанная на возрасте, статусе и роли. Каждый член общества имеет свои обязанности и ответственности в зависимости от своего положения. Конфуцианство подчеркивает важность уважения к культурным традициям и обрядам, а также к обучению и образованию. Образование считается средством развития личности и общества. Еще одним ключевым концептом конфуцианства, «Дао», означает путь или путь к моральному совершенству. Конфуцианство призывает людей следовать пути моральной добродетели и добиваться совершенства как личного, так и общественного. Среди иных философских школ Китая конфуцианство выделяется своим уклоном в этику, мораль и общественные нормы [4, с. 48]. Появление конфуцианства было связано с необходимостью восстановления и укрепления моральных ценностей и общественной структуры в Китае после периода беспорядков и раздробленности. В китайской истории конфуцианство играло важную роль в формировании культуры, образа жизни и правовой системы. Многие китайские правители придерживались конфуцианских принципов и использовали их для укрепления своей власти. Конфуцианство было официальной философией и идеологией долгое время, и оно влияло на управление и образование в Китае. Однако в некоторых периодах китайской исто-

рии конфуцианство подвергалось критике и преследованиям, особенно в периодах династий, которые придерживались других идеологий, таких как легализм или даосизм. Например, в период Цин (III в. до н.э.) конфуцианские тексты были подвергнуты запрету, а конфуцианские ученые страдали от репрессий. После прихода к власти в стране, коммунистические силы подвергали критике традиционные китайские ценности как ревизионистские. Во времена культурной революции (1966–1976), конфуцианство подверглось жестким репрессиям, и множество древних статуй и священных мест были разрушены. Однако с начала 80-х гг. XX в., с развитием экономических реформ в Китае, интерес к конфуцианству начал восстанавливаться, и оно стало снова популярным в китайском обществе. Современные китайские власти не официально поддерживают конфуцианство, но оно все еще остается важной частью культуры и морали в Китае, и его учения в различной степени влияют на общество и образование в стране.

Даосизм, также известный как Таоизм, это философская и религиозная система, которая сформировалась в Китае в Золотой век философии. Она основана на учениях о «дао», что можно перевести как «Путь» или «Путь к гармонии» в природе и жизни. Даосизм был сформирован как реакция на социальные, политические и религиозные трансформации, происходившие в Китае в период Восточной Чжоу (V–VI в. до н.э.) [3, с. 22]. Представителями даосизма являются такие выдающиеся китайские мыслители, как Лаоцзы (Лао-цзы) и Чжуанцзы (Чжуан-цзы). Для даосистов духовное совершенство заключается в согласии с естественным порядком вещей, который они называют «дао». Дао – это трансцендентное и неопределенное начало, которое пронизывает всю реальность. Цель человека – следовать духовному пути дао и достичь гармонии с миром. Даосизм также включает в себя учение о достижении вечной жизни или бессмертия. Это часто связывается с практиками внутреннего алхимического улучшения, медитации и физически-

ми упражнениями для укрепления жизненной силы и продления жизни. Даосизм призывает к действиям, которые происходят естественно, без излишнего усилия и противоречий. Последователи даосизма верят, что слишком много усилий и контроля могут привести к дисгармонии. Даосизм учит оценивать простые радости жизни, скромность и отрешение от мирских желаний. Это связано с идеей того, что человек должен находить счастье в том, что уже имеет. Даосизм также включает в себя концепцию дуальности в природе, известную как «ян» и «инь». Ян представляет собой активную, яркую и мужскую сторону, в то время как инь – пассивную, темную и женскую сторону. Гармония достигается путем баланса между этими противоположностями. Даосизм оказал влияние на множество аспектов китайской культуры, включая медицину, искусство, философию и религию. Он также оказал влияние на другие азиатские религиозные и философские традиции, такие как буддизм и японский шинтоизм. Даосизм включает в себя как философские аспекты, так и религиозные обряды и практики, и существует несколько направлений внутри данной традиции, включая философский даосизм и религиозный даосизм, включающий в себя культы и обряды, связанные с долголетием и бессмертием. Появление даосизма обусловлено рядом факторов и идей, которые были актуальными в Древнем Китае. В период Восточной Чжоу (V–VI в. до н.э.), Китай переживал период беспорядков и военных конфликтов. Это содействовало размышлениям о том, как достичь гармонии и стабильности в обществе. Даосизм выразил недовольство существующими социальными иерархиями и давлением со стороны правящего класса. Он призывал к простоте, скромности и равенству. Китайские правители в разные периоды и по-разному относились к даосизму. Некоторые династии и императоры поддерживали или внедряли концепции даосизма, в то время как другие игнорировали или подвергали его критике. Постепенно с начала 1980-х гг. интерес в обществе к даосиз-

му и другим традиционным китайским течениям начал расти. В современных условиях правительство Китая официально поддерживает традиционные китайские культурные ценности, включая даосизм, в рамках концепции «социалистической гармонии». Оно финансирует реставрацию даосистских храмов и поддерживает культурные мероприятия, связанные с китайской традицией.

Китайский легизм – это философская и политическая система, которая сформировалась в Древнем Китае в период Восточной Чжоу (V–VI в. до н.э.). Она была разработана в ответ на социальные и политические беспорядки и раздробленность в Китае в это время. Является самой радикальной реакцией, более всего заточенной под управление. Легализм призывал к усилению центральной власти и созданию сильного и централизованного государства. Он считал, что правитель должен иметь абсолютную власть и использовать силу и законы, чтобы обеспечить порядок и подчинение. Легализм разрабатывал системы законов и наказаний, которые были четко определены и строго применялись. Он подчеркивал необходимость наказания нарушителей законов для поддержания порядка. Легализм уделял большое внимание армии и военной мощи, считая их важными средствами для обеспечения безопасности и могущества государства. В отличие от конфуцианства и даосизма, легализм не придавал особого значения этике, морали или религиозным учениям. Он сконцентрирован на достижении прагматических политических целей. Многие княжества применяли его принципы в своем управлении. Однако, в долгосрочной перспективе, легализм не стал доминирующей философией и идеологией в Китае.

Раннеимперский Китай

История Китая как империи начинается с правления Цинь Шихуаньди (221 г. до н.э.). Ему удалось объединить враждующие древнекитайские царства под своим началом. В управлении государством Цинь Шихуаньди опирался на принципы легизма – первые «реформы» ознамено-

вали собой изъятие оружия у населения, переселение знатных семейств в столицу государства, ужесточение наказаний за проступки и преступления. Также проводились преследования последователей альтернативных философских течений – конфуцианства и даосизма. Бесспорным достижением данной эпохи является возведение Великой китайской стены – оборонительного сооружения невиданных масштабов, явно демонстрирующего мобилизационный ресурс империи Цинь. Однако короткий период правления и усилившийся гнет над населением привели к тому, что Китай был объединен скорее формально – со смертью Цинь Шихуаньди империя распалась, начался новый период междоусобиц и народных волнений. Легизм дискредитировал себя как философско-политическое учение, и следующий правитель основывал свою политику на принципах восстановленного и реформированного конфуцианства. Империя Хань считается конфуцианской империей. Тем не менее, это не мешало ее правителям проводить захватнические войны в рамках продолжающихся попыток объединения Китая и расширения его территорий (например, за счет вьетского государства Намвьет). В это время появляются первые устойчивые контакты между Китаем и цивилизациями Средней Азии. Китайские путешественники посещают Бактрию, Парфию и иные государства, а по результатам их путешествий появляется «Великий шелковый путь» – один из самых масштабных торговых путей того времени.

В это же время в Китай из Индии проникает буддизм. Буддизм пришел в Китай из Индии и был одной из важнейших религиозных и философских традиций, которые сформировали китайскую культуру и общество. Появление буддизма в Китае можно проследить на протяжении нескольких столетий, начиная с I века н.э. Влияние буддизма на социокультурное пространство Китая было глубоким и многогранным: Буддизм принес в Китай новые философские и религиозные идеи, включая концепции кармы, реинкарнации и освобождения от страданий (нирваны). Эти

идеи дополнили и обогатили китайскую религиозную и философскую традицию. Буддизм сильно повлиял на китайское искусство и архитектуру. Он вдохновил создание буддийских храмов, ступ и скульптур, включая известные фигуры Будды и бодхисаттв. Эти произведения искусства стали значительными элементами китайской культуры. Буддизм способствовал распространению литературных и философских текстов, включая буддийские сутры и комментарии. Буддийская литература стала важной частью китайской образовательной традиции. Буддизм способствовал созданию монастырей и общинных центров, где проводились религиозные и образовательные мероприятия. Эти организации играли важную роль в социальной службе и благотворительности. В Китае буддизм соседствовал с традиционными китайскими религиозными системами, такими как конфуцианство и даосизм. Он оказал влияние на эти традиции, способствуя внесению некоторых буддийских элементов в их учения. Буддизм в разные периоды китайской истории имел сложные отношения с властью. Некоторые императоры и правители поддерживали буддизм и финансировали строительство буддийских храмов, в то время как другие критиковали его влияние и практики. С течением времени буддизм стал неотъемлемой частью китайской культуры и религиозной мозаики, и он остается важным элементом китайской общественной жизни и религиозной практики до сегодняшнего дня.

Ученые сходятся во мнении, что именно в период империи Хань (206 год до н.э. – 220 г.н.э.) окончательно формируются основные особенности китайской традиционной культуры, а именно язык и письменность. С распадом империи начинается период под названием «Традиционный Китай», происходит оформление «Трех учений» – органичного синкретизма даосизма, буддизма и конфуцианства. Сосуществование этих трех философских учений позволило Китаю совершить значительный прорыв в ряде сфер научного знания, а частности, в астрономии, медицине, математике

и химии. К этому же времени относятся массовые находки литературных источников с установленным авторством, существующих с анонимным народным творчеством.

Средневековье в Китае

«Средневековьем» в Китае принято считать период с III в. по начало XVI в. Главные изменения в традиционной культуре в данный период времени касаются изобретения новых видов искусства, а также обогащения уже привычных новыми материалами, методами. Именно в период средневековья принимают свою окончательную форму каноны множества форм декоративно-прикладных искусств. Так, например, первые китайские керамические изделия были созданы в период Неолита (первая половина II тысячелетия до н.э.). По различным данным, начало производства фарфора в Китае связывают с VI–VII вв.н.э. Одной из характерных особенностей китайской керамики является использование глазури, уникальной методики огневой обжиги и характерных орнаментов, таких как «голубое и белое» и «фамильная роза». Техники, появившиеся в период средневековья, со временем получили широкое распространение, и достигли своего пика к XVI–II в. – так называемому «Золотому веку китайского фарфора» [12, с. 52]. Китайская живопись, как искусство изображения, обладает уникальными традициями и увлекательной историей. По легенде, зарождение китайской живописи уходит в далекий период «Сражающихся царств» (Чжан Го), но настоящие каноны и характерные черты были сформированы в V–VIII вв. В этот период появились различные направления живописи, включая жанр портретов и природных пейзажей. Художники использовали тушь и акварель на растительной основе для создания своих произведений. Часто картины создавались на шелке или особых свитках из особой бумаги, которые могли быть как вертикальными (для украшения стен), так и горизонтальными. Основой китайской живописи является линейный рисунок, и эта особенность связана с традиционной китайской каллиграфией

ей. Китайские философские учения также оказали влияние на изобразительное искусство. Например, изображения воды символизируют различные вариации божественного промысла, а камни представляют мир духов. Особое внимание уделяется изображению растений и деревьев, а бамбук особенно почитается и ассоциируется с конфуцианской и даосской философией. Китайская живопись очень символична, где каждый элемент несет в себе определенный смысл, вложенный в него автором. Все картины стремятся к гармонии разума и чувств, а также к объединению человека и природы. В настоящее время национальная живопись (гохуа) выходит за пределы традиционных тем. Сюжеты становятся разнообразнее, включая лирические и жанровые композиции, отражающие современность. Современные картины, выполненные в стиле гохуа, приобретают новые значения и отражают дух современной эпохи. Средневековые также ознаменовало собой формирование китайской литературной традиции. В данный период времени появляются разнообразные литературные жанры, литература постепенно распространяется среди населения благодаря изобретению книгопечатания. Так, период династии Чжоу (1045–255 до н.э.) был знаменит религиозными и философскими текстами, которые оказали важное влияние на культуру и философию Китая. Этот период породил такие классические тексты, как «Дао дэ цзин» (книга Дао дэ цзин) и «Цзюньцзы» (Аналекты), которые сформировали основы китайской философии. Переходя к династии Цинь (221–206 г.г. до н.э.), мы видим появление легизма, текстов, имевших важное политическое значение и определивших структуру правительства. Эти тексты внесли существенный вклад в организацию государства. Следующей династией была Хань (206 до н.э. – 220 г.н.э.), именно в это время поэты сделали весомый вклад в области поэзии и создания исторических и научных произведений, такие как «Шицзюань» (Сообщения от Шицзюань) и «История Хань». В династии Тан (618–907), поэты считались лучшими в истории Китая.

Их поэзия была изысканной и страстной, а литературные произведения часто сопровождались гравюрным оформлением. Эпоха династии Сун (960–1279) принесла более живой и литературный стиль. Путешественники начали создавать литературные очерки о своих путешествиях, а поэты разработали новые стили в поэзии. Здесь также закрепились нео-конфуцианские классики и проводились важные научные исследования. Во времена династии Юань (1279–1368) были сотворены великие драматические произведения и классические романы на родном языке. Такие произведения, как «Путешествия в Запад» и «Роман о Трех королевствах», стали важной частью китайской литературной культуры. Средневековая китайская литература представляет собой множество жанров и стилей, которые оказали огромное влияние на культуру Китая и мировую литературу и философию. Этот период обогатил литературное наследие Китая и продолжает вдохновлять поколения художников и мыслителей.

Таким образом, в формировании традиционной культуры Китая можно выделить четыре ключевых периода: архаику (вплоть до VI века до нашей эры), «Золотой век» китайской философии (VI–II вв. до н.э.), раннеимперский (II век до н.э. – начало III века н.э.) и средневековый (III – начало XVI в.н.э.). В архаичный период происходит становление китайской цивилизации. Для него характерны переход к оседлости и земледелию. Уже в эту эпоху китайцы пользуются лунным календарем, имеют письменность, пользуются бронзовым оружием и орудиями труда, превосходя по уровню развития культуры соседние народы. В этом же периоде закладывается основа религиозно-философских учений Китая. Уже прослеживается ряд мотивов, которые получают свое развитие в конфуцианстве и даосизме, в частности, мифы о хаосе и порядке, пути и так далее. Основа духовной и идеологической составляющих китайской традиционной культуры закладывается в так называемый «Золотой век» китайской философии. В это время свет увидели такие

учения, как конфуцианство, даосизм, китайский легизм. Данные учения являются как ответ на продолжительные периоды междоусобиц, борьбы за престол между царствами и разорений, духовного упадка. Конфуцианство и даосизм отличаются своей преемственностью по отношению к древним религиозным учениям и практикам, обеспечивая непрерывность развития китайской культуры даже перед лицом внешних захватчиков. Особенностью данных учений также является их всеобъемлющий характер – их нельзя назвать в строгом смысле сугубо религиозными, политическими или этическими – они охватывают все сферы жизнедеятельности китайского общества [14, с. 195]. В это же время Китай входит в железный век, совершенствуются система земледелия, расширяются обрабатываемые площади. Во II веке до нашей эры Китай становится империей. Закрепляются такие отличительные черты китайской культуры, как мифологизация картины мира, ритуализация общественных отношений, почитание священных текстов и роль личности императора [5, с. 35]. Господствующей идеологией становится легизм, что означает начало преследований последователей конфуцианства и даосизма. Жестокое правление императора Цинь Шихуаньди подарило миру Великую китайскую стену – визитную карточку Китая вплоть до современности. В это же время ведутся войны с соседними цивилизациями, устанавливаются контакты с государствами Средней Азии, из Индии в Китай проникает буддизм. В период империи Хань окончательно формируется основа традиционной культуры Китая – письменность и язык, а также учение «Трех учений» (конфуцианства, даосизма и буддизма соответственно). Частичная схожесть принципов данных учений, а также преемственность конфуцианства и даосизма по отношению к культуре Древнего Китая обуславливают такую уникальную черту китайской культуры, как синкретизм. Наконец, в период средневековья окончательно закрепляется общегосударственное признание «Трех уче-

ний», формируются каноны большинства форм декоративно-прикладных искусств, закладывается начало книгопечатания, получает широкое развитие китайская литература и живопись. Ключевой особенностью китайской традиционной культуры является ее уникальная преемственность по отношению к культуре древнего Китая [11, с. 27]. Также необходимо отметить ее самобытный характер (несмотря на периоды зависимости от других цивилизаций) и способность к рецепциям из иных национальных культур без ущерба собственной.

Литература

1. Асыл М.Б. Основные этапы модернизации Китайской Народной Республики // Вестник КазН У. Серия востоковедения. 2012. № 4 (61). – С. 4–7.
2. Ахмадуллина И.В. Влияние традиционной философской мысли Китая на язык и культуру // Региональные проблемы. 2005. № 6–7. – С. 177–179.
3. Варова Е.И. Даосизм и его влияние на культуру Китая // Вестник Алтайской государственной педагогической академии. 2011. № 8. – С. 21–25.
4. Дармилова Э.Н. Конфуцианская цивилизация Китая // Казачество. – 2019. № 40 (4). – С. 46–50.
5. Дегтярников А.В. Архетипические компоненты традиционной культуры Китая // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Stadia Historica Jenium. 2013. № 1 (9). – С. 31–35.
6. Каретина Г.С. Традиционная культура и процесс модернизации в Китае // Россия и АТР. 2009. № 4 (66). – С. 141–149.
7. Кучера С.Р. История, культура и право древнего Китая: собрание трудов / Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения; [отв. ред. А.Р. Вяткин]. – М.: Наталис: Ин-т востоковедения РАН, 2012. – 414 с.
8. Лапшина Е.А. Китай, китайская цивилизация и мир: история, современ-

- ность, перспективы // Азия и Африка сегодня. 2019. № 4. – С. 57–63.
9. Любимов А.П. Конфуцианство как этико-социально-политическое учение и его место в современном государственном и международном праве // Философские науки. 2015. № 3. – С. 71–77.
 10. Любимов А.П. Философия права: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2023. – 257 с.
 11. Миньянь Ци, Абрамова Н.А. Традиционная китайская культура и формирование социокультурного пространства Китая // Вестник ЗабГ У. 2010. № 8. – С. 26–32.
 12. Муравьева В. Цзиндэчжэнь – столица китайского фарфора // Институт Конфуция. 2015. № 5. – С. 48–57.
 13. Таотао Чжу. История китайской письменности // Китай. 2015. № 2. – С. 68–69.
 14. Цзяли Юань Традиционная культура Китая: генезис и особенности формирования // Культура и цивилизация. 2021. Т. 11. № 6 А. – С. 194–201.
 15. Шисыр И.С. Великий потоп, древнекитайская мифология и подвиг Гуня // Научные исследования в Кыргызской Республике. 2017. № 4. – С. 59–65.
 16. Saviuk A. V., Academic Advisor Viracheva V.A. Mythology of China as a reflection of people's mentality // Dialogue of cultures: Материалы XVI Международной научно-практической конференции на англ. яз. В 3-х ч. Санкт-Петербург, 17–19 мая 2023 г. / сост. Е.Н. Лашина, М.С. Липатов; под общ. ред. В.В. Кирилловой. Ч. II. – СПб.: ВШТЭ СПбГУПТД, 2023. – С. 193–198.
 17. Wang Yuan-kang. Harmony and War: Confucian Culture and Chinese Power Politics. – N.Y.: Columbia University Press, 2011. – 352 p.
 18. Cui Xinjian Cultural identity and its roots // Journal of Beijing Normal University: Social Sciences. 2004. № 4. – С. 102–107.
 19. Dong Qiang Confucius's view of ethnicity and the construction of harmonious ethnic relations // Manchu Studies. 2011. № 102. – С. 110–116.
 20. Meng Hongling analyzes the roots of the “great unification” thought in ancient my country // Journal of Jilin Provincial Institute of Education. 2013. Т. 29. № 6. – С. 132–135.

THE MAIN STAGES OF THE FORMATION OF TRADITIONAL CHINESE CULTURE

Miao Jing

Lomonosov Moscow State University

The article examines the main stages of the formation of traditional Chinese culture. A definition of the concept of “traditional culture” relevant to the topic of research is given, and the key features of Chinese civilization that influenced the formation of its culture are described. The periods of Ancient China, the “Golden Age” of Chinese philosophy, early imperial China, and the Chinese Middle Ages are sequentially considered. When analyzing each of these periods, the features of the dominant religious and philosophical traditions are highlighted, attention is paid to the main inventions of the eras, the formation and development of crafts and arts. Based on the results of the study, a brief overview of the history of the formation of traditional Chinese culture was formed, and a conclusion was made about its unique features such as originality, stability and continuity.

Keywords: China, culture, traditional culture, civilization, Ancient China, philosophy, religion, society, history, Confucianism, Taoism, Buddhism, craft, art.

References

1. Asyl M.B. The main stages of modernization of the People's Republic of China // Vestnik KazN U. Oriental Studies Series. 2012. No. 4 (61). – P. 4–7.
2. Akhmadullina I.V. The influence of traditional Chinese philosophical thought on language and culture // Regional problems. 2005. No. 6–7. – pp. 177–179.
3. Varova E.I. Taoism and its influence on Chinese culture // Bulletin of the Altai State Pedagogical Academy. 2011. No. 8. – P. 21–25.
4. Darmilova E.N. Confucian civilization of China // Cossacks. – 2019. No. 40 (4). – P. 46–50.
5. Degtyarnikov A.V. Archetypal components of traditional Chinese culture // Bulletin of the scientific association of students and graduate students of the Faculty of History of the

- Perm State Humanitarian-Pedagogical University. Series: Stadia Historica Jenium. 2013. No. 1 (9). – pp. 31–35.
6. Karetina G.S. Traditional culture and the process of modernization in China // Russia and the Asia-Pacific region. 2009. No. 4 (66). – pp. 141–149.
 7. Kuchera S.R. History, culture and law of ancient China: collection of works / Ros. acad. Sciences, Institute of Oriental Studies; [rep. ed. A.R. Vyatkin]. – M.: Natalis: Institute of Oriental Studies RAS, 2012. – 414 p.
 8. Lapshina E.A. China, Chinese civilization and the world: history, modernity, prospects // Asia and Africa today. 2019. No. 4. – P. 57–63.
 9. Lyubimov A.P. Confucianism as an ethical, socio-political doctrine and its place in modern state and international law // Philosophical Sciences. 2015. No. 3. – P. 71–77.
 10. Lyubimov A.P. Philosophy of law: textbook for universities. – M.: Yurayt, 2023. – 257 p.
 11. Minyan Qi, Abramova N.A. Traditional Chinese culture and the formation of the socio-cultural space of China // Bulletin of ZabG U. 2010. No. 8. – P. 26–32.
 12. Muravyova V. Jingdezhen – the capital of Chinese porcelain // Confucius Institute. 2015. No. 5. – P. 48–57.
 13. Taotao Zhu. History of Chinese writing // China. 2015. No. 2. – P. 68–69.
 14. Jiali Yuan Traditional culture of China: genesis and features of formation // Culture and civilization. 2021. T. 11. No. 6 A. – P. 194–201.
 15. Shisy I.S. The Great Flood, ancient Chinese mythology and the feat of Gunya // Scientific research in the Kyrgyz Republic. 2017. No. 4. – P. 59–65.
 16. Saviuk A.V., Academic Advisor Viracheva V.A. Mythology of China as a reflection of people's mentality // Dialogue of cultures: Materials of the XVI International Scientific and Practical Conference in English. language At 3 o'clock. St. Petersburg, May 17–19, 2023 / comp. E.N. Lashina, M.S. Lipatov; under general ed. V.V. Kirillova. Part II. – St. Petersburg: VShTE SPb-GUPTD, 2023. – P. 193–198.
 17. Wang Yuan-kang. Harmony and War: Confucian Culture and Chinese Power Politics. – N.Y.: Columbia University Press, 2011. – 352 p.
 18. Cui Xinjian Cultural identity and its roots // Journal of Beijing Normal University: Social Sciences. 2004. № 4. – C. 102–107.
 19. Dong Qiang Confucius's view of ethnicity and the construction of harmonious ethnic relations // Manchu Studies. 2011. № 102. – C. 110–116.
 20. Meng Hongling analyzes the roots of the “great unification” thought in ancient my country // Journal of Jilin Provincial Institute of Education. 2013. T. 29. № . 6. – C. 132–135.

Сущностное переосмысление историографии «Повести временных лет»: русские летописи в художественных произведениях Н.К. Рериха

Мельников Владимир Леонидович,

кандидат культурологии, Санкт-Петербургский
государственный университет
E-mail: msssm9@yandex.ru

Русские летописи определили развитие русской культуры, послужив источником вдохновения для разных деятелей искусства. Статья посвящена изучению влияния русских летописей на содержание художественных произведений Н.К. Рериха. Описаны его художественные серии, включая «Начало Руси. Славяне». Выделена тема Руси, раскрытая в его художественном творчестве; переосмысление событий русской истории послужило основой для формирования историософии Рериха. Обрисован образ Ярослава Мудрого преимущественно на таких полотнах, как «Варяжское море», «Радовашеся Ярослав граду Киеву». С опорой на русские летописи охарактеризована религиозная живопись Н.К. Рериха, расцвет которой пришёлся на 1906–1916 гг. Н.К. Рерих стилизировал в художественных произведениях древнерусскую мысль при раскрытии поворотных событий русской истории.

Ключевые слова: русская культура, русское самосознание, историософия, памятники письменности, «Повесть временных лет», художественное творчество, религиозная живопись.

Введение

«Повесть временных лет» как самая ранняя русская летопись, сохранившаяся в полном объёме, определила развитие всей русской культуры, сыграв важную роль не только в развитии областных летописей и в создании общерусских летописных сводов XV–XVI вв., но и в рождении всего русского искусства, в том числе древнерусской иконописи. «Повесть временных лет», которая включалась в состав всех последующих русских летописей [4], дала толчок духовному росту и укрепила в народе само понятие святой старины, поскольку явилась неизменной основой русского самосознания.

В литературе и искусстве XVIII–XX вв. «Повесть временных лет» служила источником вдохновения, явив миру множество художественных и поэтических образов. Например, русский драматург А.П. Сумароков, обращаясь к событиям русской национальной истории, создал трагедии «Хорев» (1747) и «Синав и Трувор» (1750), а Я.Б. Княжнин – трагедию «Вадим Новгородский» (1789). Большое место занимают образы князей Владимира, Святослава и Олега в романтических «Думах» (1825) поэта-декабриста К.Ф. Рылеева, проникнутых пафосом свободолюбивых идей.

Примечательным является рассмотрение творческого мира художника-духовидца Н.К. Рериха, чья судьба оказалась напрямую связанной с Санкт-Петербургом. Своё отношение к русским летописям, которые выступали неким мерилom значимости событий в прошлом, он неоднократно выказывал как в живописных творениях, так и в печатных и рукописных текстах, представленных в качестве художественных серий. Художник глубоко уважал надписи как древнейшие памятники письменности [6], а также изучал такой феномен русской культуры, как летопись в целом

и «Повесть временных лет» в частности. По этой причине Н.К. Рерих глубоко проникся темой Руси и образом киевского правителя Ярослава Мудрого, период правления которого считается её расцветом, а также актуализировал в живописи древнерусское религиозное искусство.

Цель исследования заключается в изучении влияния русских летописей на содержание художественных произведений Н.К. Рериха. К задачам исследования отнесены следующие: описать художественные серии Н.К. Рериха, построенные на русском летописном материале; выделить тему Руси, раскрытую в его художественном творчестве; обрисовать образ Ярослава Мудрого в его художественных произведениях; охарактеризовать религиозную живопись Н.К. Рериха с опорой на русские летописи. *Новизна исследования* представлена раскрытием значимости русского летописного материала, включая «Повесть временных лет», в художественном творчестве Н.К. Рериха, стилизирующим древнерусскую мысль при раскрытии поворотных событий русской истории.

Художественные серии

Н.К. Рерих с самых ранних лет пристально изучал летопись Нестора «Повесть временных лет», посвятив ей два школьных сочинения: «Месть Ольги за смерть Игоря» и «Черты быта русского народа по летописи Нестора». В его архиве сохранился черновой вариант второго егоopus, посвящённого начальной летописи Русского государства. Это первая в нашем Отечестве попытка представить читателям историю России в популярном изложении в литературных рассказах – так появилось издание «Откуда пошла Русская земля и как стала быть», предпринятое в 1874–1878 гг. в петербургском издательстве М.О. Вольфа. На обложке издания был русский богатырь с топором в правой руке и державным орлом – в левой. Этот же рисунок, выполненный В.С. Крюковым, был взят на обложки «Повестей из русской истории А. Разина», выходивших в Санкт-

Петербурге в 1860–1870-е гг. независимо от серии издательства М.О. Вольфа.

Летопись была связана с темами последовавших вскоре художественных произведений. В начале творческого пути создана серия картин по начальному периоду Русского государства, которые Н.К. Рерих целиком строил по летописи Нестора. Сохранилось не менее четырёх вариантов плана серии «Начало Руси. Славяне» [1], самой ранней из них. Большинство позиций в разных вариантах плана серии можно сопоставить с конкретными произведениями, созданными им в 1890–1910-х гг. [13]. Например, «Гонец. “Восста род на род”» (1897), «Заморские гости» (1901), «Иноземные гости» (1901), «Варяжский путь» (1907).

По указанной серии видно, как глубоко 22-летний студент Императорских Академии художеств и Университета погрузился в летописный материал, который он дополнил собственными археологическими находками и этнографическими сборами. Он использовал псевдоним «Р. Изгой», известный по русской периодической печати с 1897 г. Биографы художника-духовидца уверены, что он взял этот псевдоним, желая подчеркнуть «самостоятельность взглядов и независимость своего мнения» [8, с. 4], хотя, может быть, им двигала и простая любовь к русской старине, впитанная им с детства.

Художник делился своим замыслом о создании живописи «Начало Руси» в музее с заведующим общим архивом Министерства Императорского двора, историком и писателем А.В. Половцовым: «А это была бы работа, которой стоило посвятить всю жизнь, можно внести столько нового и в искусство, и в науку» [11]. Тем не менее, от реализации первоначального плана этой серии художник вскоре отказался. Но это не значит, что Н.К. Рерих был непоследователен в своём интересе к истории Древней Руси. Он был настолько переполнен новыми идеями и сюжетами, взятыми из летописей и старинных рукописей, что никакой заранее заданный план уже не мог отвечать его вдохновению. Его вела мощная интуиция к прошлому, основанная

на истовом научном поиске и не менее ярком религиозном чувстве преклонения перед деяниями давно ушедших героев. Так в конце XIX – в начале XX вв. возникли ещё несколько рериховских серий: «Иван-Царевич», «Русь», «Город строят», «Северная жизнь», «Викинг» («Песнь о викинге»).

Апофеозом серийного мышления мастера на русском летописном материале явилась поддержанная им программа художественного оформления Русского военно-исторического музея, проектируемого в начале XX в. в столице Империи. Н.К. Рерих принял участие в обсуждении «Описи предметов содержания Русского военно-исторического музея» и разработке концепции его художественного оформления, основанной на материале не только «Повести временных лет», но и других, следующих по времени летописных памятниках нашего Отечества.

Тема Руси

Теме Руси Н.К. Рерих посвятил множество произведений. Это как большие монументальные картины, так и многочисленные рисунки и наброски славянских городов и погостов. Он прямо следует многочисленным сообщениям «Повести временных лет» об их строительстве, каждый раз стремясь дать яркий собирательный образ. Наиболее мощно этот мотив представлен на картинах: «Древний город» (1900-е гг.) из собрания Государственного Эрмитажа, «Городок» (1902) из неизвестного американского собрания, «Город строят» (1902) из собрания Государственной Третьяковской галереи и в серии «Богатырский фриз» (1910) из собрания Государственного Русского музея.

Н.К. Рерих творил в контексте тем, поднятых «Повестью временных лет», среди которых главными выступают идеи независимости Родины и её равенства с другими странами, мысли о единстве Руси и необходимости союза князей, а также осуждение распрей. Первые русские города, названные Нестором, на полотнах Н.К. Рериха облечены в особый образный строй, источник которого кроется в языке русской летописи.

Осмысление значимости именно языка продолжалось всю сознательную жизнь художника.

Из смысловых лексем языка «Повести временных лет» сложены образные решения Небесных градов в творческом мире Н.К. Рериха. Именно поэтому запечатлённые им русские крепости и кремли предстают перед зрителем как явления духовного мира. Московский кремль в изображении Н.К. Рериха – это не просто земное подобие Небесного Иерусалима, провозглашённое патриархом Никоном. Метаобраз Изборской крепости на его полотне «Труды Богоматери» – это не просто непобедимый «Железный город» западных хроник, ни разу не сдавшийся врагам. Все запечатлённые Н.К. Рерихом русские твердыни – это вместилища Святого Духа, дома Господа Бога и Божией Матери. Чтобы это утвердить и передать зрителю, он целиком подчиняет свою личную волю изначальным установкам создателей древнейших русских текстов, в основе которых лежат сильнейшие религиозные переживания.

Связь событий духовной и «физической» истории, их повторяемость и общность определённых моделей развития были Н.К. Рерихом значительно переосмыслены. Сформировалась особая «историософия Рериха», которая ближе всего «традиционной средневековой русской историософии, выраженной в «Повести временных лет», «Слове о законе и благодати», «Слове о полку Игореве», в трудах Юрия Крижанича» [2, с. 213]. Так в своём творчестве Н.К. Рерих шёл по стопам вдохновивших его русских авторов XII–XVII вв., для которых было характерно понимание земной истории как отражения событий на Небесных высях и воплощения в исторической действительности Высших законов и Божественных предначертаний. И здесь художник был верен своей внутренней потребности к откровению, что стало для него подлинной реальностью и опытом самосовершенствования.

Образ Ярослава Мудрого

Тема «Ярослав с варягами» нашла своё воплощение в большой картине Н.К. Рериха.

риха «Варяжское море» (1910), эскиз к которой он выполнил годом ранее, и в целой серии небольших картин и рисунков. Как заметил известный искусствовед Е.П. Маточкин в статье об этом произведении, «во всём у Рериха просматривается верность историческим реалиям» [5, с. 36]. Для создания «исторического настроения» он использует мотивы знаменитого гобелена XI в. из Байё, в основе изображения которого подлинное историческое событие: сватовство норвежского конунга Харальда к дочери Ярослава Мудрого Елизавете.

Этот герой скандинавских саг известен не только как смелый воин, участвовавший в экспансии скандинавов на Русь, но и как автор любовных стихов, посвящённых Елизавете. О своих пылких чувствах Харальд поведал в знаменитых «Висах радости», посвящённых Елизавете поэтических строфах, сочинённых им в 1042 г. Чтобы стать её мужем, Харальд стал завоёвывать себе и богатство, и статус: он поступил на службу к византийскому императору, воевал в Болгарии, Африке, Сицилии и Палестине, получив много денег и славы. Посватавшись в первый раз в 1034 г., викинг получил от Ярослава Мудрого отказ, но через 10 лет он всё же стал зятем киевского правителя. Видя, какие огромные богатства (заработанные в походах деньги и вся завоёванная добыча) высылают Харальд, Ярослав понимал, что этого человека ждёт большое будущее, и долгие десять лет не выдавал свою дочь Елизавету замуж. Вскоре после свадьбы его дочь стала королевой Норвегии.

В 1869 г. поэт А.К. Толстой опубликовал в «Вестнике Европы» балладу по мотивам «Вис радости», и назвал её «Песня о Гаральде и Ярославне». Вероятнее всего, именно она послужила источником вдохновения для художника, когда он писал свою картину «Варяжское море». Именно поэтому художественный образ данного произведения Н.К. Рериха не сводится только к жанровому сюжету; он значительно глубже, поскольку главным в нём выступает само Варяжское море, «воспринимаемое в его вре-

менном, историческом и в планетарном, географическом масштабах» [5, с. 36].

Похвала просветительским деяниям князя Ярослава Мудрого прослеживается в других произведениях. В статье «Радость искусству» (1908) Н.К. Рерих с прежним воодушевлением воспроизвёл фрагмент из «Повести временных лет», считая его первым известием русской летописи об искусстве [12]. Повторяя его уже в английском переводе в американском журнале «Art and Archaeology» (1922), он особо отметил смешение русского со старославянским. В 1946 г. он включил тот же фрагмент в книгу «Химават».

Этот вдохновляющий момент истории художник осмысливал всю свою жизнь. В 1938 г. он посвятил ему большое полотно «Радовашеся Ярослав граду Киеву». По нижнему краю полотна Н.К. Рерих написал старославянской кириллицей заветный текст, раскрывающий глубину и мудрость «Повести временных лет». Эти слова были настолько значимы для художника, что он начертил их на лицевой стороне своей картины, представив таким образом будущим поколениям священную скрижаль Завета Русской культуры. По некоторым синтаксическим особенностям этой сокращённой цитаты летописи можно сделать вывод, что Н.К. Рерих был знаком с ней по Лаврентьевской летописи 1377 г., самой древней дошедшей до наших дней датированной русской рукописной книге. За тридцать лет до создания картины «Радовашеся Ярослав граду Киеву» художник записал слова, раскрывающие её смысл: «Восторг Ярослава при виде блистательной Софии ... восхищение культурного человека ... такому искусству можно завидовать, можно удивляться той культурной жизни, где подобное искусство было нужно» [12, с. 516].

Религиозная живопись

Работая на религиозные темы, Н.К. Рерих неустанно искал способы актуализации древнерусского религиозного искусства как в станковой, так и в монументальной живописи. Десятки храмов России, Украины, Польши, Италии, Фран-

ции, США, Китая и других стран имели и до сих пор имеют мозаики, фрески или иконы, выполненные этим мастером или под его руководством иконописной мастерской, созданной при Рисовальной школе Императорского Общества поощрения художеств.

Первые работы художника-духовидца в данном направлении датируются 1894–1895 гг.; продолжение работы в области религиозной живописи относится к 1903–1904 гг., когда Н.К. Рерих работал над серией произведений о русских монастырях и святынях. Расцвет работы религиозного живописца приходится на 1906–1916 гг., когда он оформлял целый ряд выдающихся церковных строений. То, что ему не удалось сделать в залах светских музейных учреждений по княжескому периоду Руси (862–1533), он выплеснул на стены украшенных при его участии храмов.

Далее описаны яркие работы Н.К. Рериха как религиозного живописца. Он приступил к подготовке эскизов мозаик для церкви Святых Апостолов Петра и Павла на Пороховых заводах в Шлиссельбурге в 1906 г.: «Святые Борис и Глеб», «Синяя роспись», «Святые Апостолы Пётр и Павел», «Святой Михаил Архистратиг». Затем Н.К. Рерих создал 12 эскизов для росписей и мозаик, подготовленных для церкви Покрова Пресвятой Богородицы в фамильном имении Голубевых, расположенном в селе Пархомовке Киевской губернии. С благословения митрополита Флавиана, в миру Н.Н. Городецкого, он работал над такими эскизами, как «Покров Богородицы», «Успение», «Голова Спаса», «Пантократор» и другие.

В 1907 г. Н.К. Рерих работал в женском монастыре в Перми над иконостасом церкви в честь иконы Казанской Божией Матери. Начало разработки мозаики для Троицкого собора Почаевской лавры с благословения архиепископа Антония, в миру А.П. Храповицкого, датируется 1908 г. Его образ включён в композицию южного портала «Спас Нерукотворный и князья святые».

Схожая стилистика эскизов обнаружена в оформлении церкви в Скерневи-

цах в 1909 г., принадлежащей русскому Государю, а также росписей для часовни Святой Анастасии в Пскове, подготовленных в 1913 г. Е.П. Маточкин изучал работы Н.К. Рериха для Русской Православной церкви в контексте влияния на них летописного наследия Руси и особо выделил эскизы росписей для часовни Святой Анастасии в Пскове. В наше время без обращения к Псковским летописям их просто невозможно истолковать [5]: Н.К. Рерих целиком следовал местным летописным свидетельствам об особо почитаемых на Псковщине святых благоверных князьях Всеволоде-Гаврииле и Довмонте-Тимофее. Он был хорошо знаком с вехами их героической жизни, как и с сообщением Псковской первой летописи, донёсшей до наших дней искреннее обращение князя Довмонта-Тимофея к Спасителю. Изобразив князей коленопреклонёнными, в молении к Богу, художник отталкивался от летописных характеристик.

Период расцвета религиозного живописца также ознаменован созданием в 1911 г. изображения Святого Георгия Победоносца для домового церкви Ю.С. Нечаева-Мальцова, в 1913–1914 гг. «Византийской комнаты» как серии панно для молельной виллы Л.С. Лившица в Ницце. Н.П. Писаренко одна из первых обратила внимание на прямую связь религиозного искусства Н.К. Рериха с летописями [10]. Этот вывод она сделала на основе изучения серии из 14 панно, выполненных для «Византийской комнаты», чем Н.К. Рерих утвердил начало личного молитвенного предстания пред Богом о России. Пытаясь расшифровать композиционное устройство этого многосоставного произведения, Н.П. Писаренко обнаружила мотив, почерпнутый художником из «Повести временных лет». Парные панно «Благие посетившие», расположенные точно напротив друг друга в экспозиции Горловского художественного музея, дали интересные сравнения. Князь Владимир уподобляется императору Константину Великому, княгиня Ольга – матери Константина Елене, а древо государства Российского – древу государства Византийского.

«Такое уподобление прочитывается как возвеличение Руси через уподобление её Византии – одному из могущественнейших государств средневекового мира» [10].

Созданный в 1915 г. эскиз росписи «Святая Ольга» также относится к периоду расцвета религиозной живописи художника-духовида. Летописное сообщение 947 г. об установлении княгиней Ольгой по всей Руси «мест» и «погостов» [9] отражено на эскизе росписи, символизирующей принцип любого русского поселения: святые покровители создают и утверждают его само существование, наполняют духовной силой храмы, вокруг которых люди строят крепости и твердыни, защищая не только себя, но и их.

В этом ряду непревзойдённой вершинной монументального искусства мастера в «русский» период его жизни и творчества являются его работы 1909–1914 гг., осуществлённые в смоленском имении княгини М.К. Тенишевой в Талашкино. В этот период включена и недавно восстановленная мозаика «Спас Нерукотворный с предстоящими ангелами», первоначально набранная в петербургской мозаичной мастерской выдающимся мастером В.А. Фроловым [7]. Историк А.Н. Зелинский, первый в новейшей истории написавший о работах Н.К. Рериха в талашкинской церкви Святого Духа, заметил: «По замыслу строителей, церковь должна была быть сооружена только из местных материалов» [3, с. 61–62]. Это оказалось именно так и буквально, и символически, и исторически. В период работы в этом храме Н.К. Рерих активно пользовался свидетельствами русской духовной истории, включая наследие известного смоленского святого, преподобного Авраамия Смоленского.

Заключение

Н.К. Рерих относится к тем немногим русским художникам, чьё творчество целиком основано на древнерусском литературном и художественном наследии. Творчески он проявил себя сперва как литератор, при этом общий строй его оригинального орнаментального слова

основан на стилизации древнерусской мысли. Осмысление роли «Повести временных лет» как источника самосознания русского народа составляет основное содержание большинства художественных произведений темы первых веков Отечества, созданных Н.К. Рерихом. Он восторженно относился к летописи Нестора и восхвалял деяния Ярослава Мудрого на Руси. Почти все его религиозные произведения несут печать важных, поворотных событий русской истории, вечную память о которых сохранили летописи. В новейшей истории только Н.К. Рерих был способен создавать сложные религиозные композиции, вкладывая в них глубокое многоплановое содержание, раскрывающееся людям в непрестанной молитве и в мыслях о предназначении как отдельного человека, так и всей его великой державы.

Литература

1. Автографы Н.К. Рериха. ОР ГТГ. Ф. 44 («Н.К. Рерих»). Оп. 1. Д. 49. Л. 6, 6 об., 32. Архив ИРЛИ РАН. Ф. 294 («Стасовы»). Оп. 1. Д. 443. Л. 1–2.
2. Будникова Ю.Ю. Образ Белого града в творчестве Н.К. Рериха // Рериховское наследие: Труды Междунар. науч.-практ. конф. Т. XII: Начало Руси. Славяне и варяги. Прошлое и будущее высокого Русского стиля. СПб., 2014. С. 213.
3. Зелинский А. Забытый памятник русского искусства // Искусство. 1962. № 3. С. 61–62.
4. Кусков В.В. История древнерусской литературы: Учебник для филологических специальностей вузов. 7-е изд. – М.: Высшая школа, 2003. – 336 с.
5. Маточкин Е.П. Н.К. Рерих: Варяжское море // Рериховское наследие: Труды Междунар. науч.-практ. конф. Т. XII: Начало Руси. Славяне и варяги. Прошлое и будущее высокого Русского стиля. – СПб., 2014. – С. 36–41.
6. Мельников В.Л. Не тщета, не суета. О значении старинных надписей для Русской культуры // Крылов А.К. Забытые граффити Великих Пустынь, Снятной Горы, Мелётова, Ферапонто-

- ва и Вязём; Послесловие В.Л. Мельникова. СПб.: АРС, 2020. (Архив Русской старины / Отв. ред. серии В.Л. Мельников. Вып. I). С. 191–265.
7. Мельников В.Л. Рерихи на Смоленской земле. Наблюдения культуролога // Край Смоленский. Смоленск, 2018. Декабрь. № 12. С. 25–53.
 8. Николай Рерих в русской периодике, 1891–1918. Вып. 1: 1891–1901 / Сост.: О.И. Ешалова, А.П. Соболев; Отв. ред.: А.П. Соболев. – СПб.: Фирма Коста, 2004. – 414 с.
 9. ОР РНБ. Ф. 550 («Основное собрание рукописной книги»). Инв. № 219. Шифр: Ф.п.IV.2. Л. 17.
 10. Писаренко Н.П. Каталог произведений Н.К. Рериха из собрания Горловского художественного музея. Горловка, 1990. 43 с.
 11. Рерих Н.К. Письмо А.В. Половцову. Санкт-Петербург. 27 июня 1899. Автограф. ОР РНБ. Ф. 601 («Архив Половцовых»). Ед. хр. 671. Л. 3 об. 4.
 12. Рерих Н.К. Радость искусству (1908) // Вестник Европы. 1909. Апрель. № 4. С. 516.
 13. Савкина А.А. «Славянская симфония» Н.К. Рериха // Рериховское наследие: Труды Междунар. науч.-практ. конф. Т. XII: Начало Руси. Славяне и варяги. Прошлое и будущее высокого Русского стиля. СПб., 2014. С. 45–48.

ESSENTIAL RETHINKING OF THE HISTORIOGRAPHY OF “THE TALE OF BYGONE YEARS”: RUSSIAN CHRONICLES IN THE ARTISTIC WORKS OF N.K. ROERICH

Melnikov V.L.

St. Petersburg State University

Russian chronicles shaped the Russian culture development by inspiring different artists. The article explores the impact of Russian chronicles on the content of N.K. Roerich's artwork. There are described his art series, including “The beginning of Russia. Slavs”. The artist highlights the topic of Russia revealed in his artwork; rethinking of the Russian historical events framed the development of Roerich's historiosophy. The artist depicted the image of Yaroslav the Wise mainly on such canvases as “The Varangian

Sea”, “Yaroslav rejoiced at the view of Kiev city”. Russian chronicles shaped N.K. Roerich's religious painting, which flourished in 1906–1916. N.K. Roerich stylised the Old-Russian thinking in his artwork when disclosing pivotal events in the Russian history.

Keywords: Russian culture, Russian identity, historiosophy, written monuments, “The Russian Primary Chronicle”, artistic creativity, religious painting.

References

1. N.K. Roerich's autographs. MD STG. F. 44 (“N.K. Roerich”). I. 1. F. 49. N. 6, 6 с., 32. The IRL of RAS Archives. F. 294 (“The Stasovs”). I. I. F. 443. N. 1–2.
2. Budnikova Yu.Yu. The image of Belgrad in N.K. Roerich's creativity // The Roerich heritage: Proceedings of the international scientific conference. Vol. XII: The Beginning of Russia. The Slavs and Varangians. The past and future of the high Russian style. Saint Petersburg, 2014. – P. 213.
3. Zelinskiy A. The abandoned monument of the Russian art // Art. 1962. No. 3. Pp. 61–62.
4. Kuskov V.V. The history of the Old Russian literature: Manual for philology majors. 7th ed. – M.: Higher school, 2003. – 336 pp.
5. Matochkin E.P. N.K. Roerich: The Varangian Sea // The Roerich heritage: Proceedings of the international scientific conference. Vol. XII: The Beginning of Russia. The Slavs and Varangians. The past and future of the high Russian style. – Saint Petersburg, 2014. – Pp. 36–41.
6. Melnikov V.L. No vanity, no fuss. About the meaning of ancient inscriptions for the Russian culture // Krylov A.K. Forgotten graffiti of Great Deserts, Mountain Gorge, Melyotov, Ferapontov and Vyazyom; Afterword by V.L. Melnikov. Saint Petersburg: ARS, 2020. (The Old Russian Archives / Ed. V.L. Melnikov. Issue I). Pp. 191–265.
7. Melnikov V.L. The Roerichs on Smolensk land. A culture expert's observations // Smolensk Region. Smolensk, 2018. December. No. 12. Pp. 25–53.
8. Nicholas Roerich in the Russian periodicals, 1891–1918. Vol. 1: 1891–1901 / O.I. Eschalova, A.P. Sobolev; Ed. A.P. Sobolev. – Saint Petersburg: Kosta Company, 2004. – 414 pp.
9. MD NLR. F. 550 (“The main collection of manuscript books”). No. 219. Code: F.p.IV.2. N. 17.

10. Pisarenko N.P. Catalogue of N.K. Roerich's works from the collection of Gorlovka Art Museum. Gorlovka, 1990. 43 pp.
11. Roerich N.K. Letter to A.V. Polovtsov. Saint Petersburg. 27 June 1899. Autograph. MD NLR. F. 601 ("The Polovtsov's Archives). S.U. 671. N. 3 с. 4.
12. Roerich N.K. Joy of art (1908) // Herald of Europe. 1909. April. No. 4. P. 516.
13. Savkina A.A. N.K. Roerich's "Slavic Symphony" // The Roerich heritage: Proceedings of the international scientific conference. Vol. XII: The Beginning of Russia. The Slavs and Varangians. The past and future of the high Russian style. – Saint Petersburg, 2014. – Pp. 45–48.

Модели социально-ответственного поведения в условиях новой мобильности

Шипунова Ольга Дмитриевна,

д.ф.н., проф., Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
E-mail: o_shipunova@mail.ru

Березовская Ирина Петровна,

к.ф.н., доц., Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
E-mail: ipberezovskaya@mail.ru

Лисенкова Анастасия Алексеевна,

доктор культурологии, проф., Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
E-mail: oskar46@mail.ru

В современном мире надежность и безопасность движения в условиях инфраструктуры транспортной мобильности призваны обеспечить smart технологии. Однако замещение человека в диспетчерских функциях не устраняют ответственности оператора движения, которая становится все более очевидной в экстремальных ситуациях. В этой связи представляется актуальным анализ моделей социально-ответственного поведения, которые связаны с персональными особенностями восприятия риска и характером реагирования в условиях стресса. Цель статьи – выявление структуры личностного потенциала ответственного поведения, определяющего predisposedness к определенной стратегии преодоления стресса и модели поведения в ситуации риска. Теоретическим основанием исследования выступает системный подход, в рамках которого соотносятся внешние факторы мотивации и внутренние установки личности. В эмпирическом исследовании использовались методики психологического тестирования личностных параметров, характеризующих потенциал адаптивности и стрессоустойчивости в критических ситуациях. Представлено обобщение статистических данных психологического тестирования групп студентов транспортного вуза. Выделена матрица личностного потенциала адаптации в проблемных ситуациях через показатели поведенческой регуляции, коммуникативного потенциала, моральной нормативности. Показано соотношение моделей социально-ответственного поведения и копинг-стратегии в условиях риска.

Ключевые слова: новая мобильность, личностный потенциал, ответственное поведение, безопасность движения, адаптивность, стрессоустойчивость, модели поведения, копинг-стратегия.

Введение

В современном мире проблема безопасности движения постоянно находится на переднем плане повседневной жизни человека и социума. Среди угроз и вызовов, которые несет с собой мобильность в современном обществе исследователи, практически единодушно, отмечают возрастание рисков, связанных с ростом движения людских масс, материальных и финансовых ресурсов, информационных потоков, технологий, культурных перемен. Парадигма новой мобильности подчёркивает глобальную перспективу возрастания социальной динамики, связанную с риском антропологической катастрофы [1]. В концепции новой городской мобильности центральное место отводится человеку и его потребности в комфортном и безопасном передвижении. В соответствии с этой установкой рассматриваются новые векторы развития транспортных систем умных городов [2].

Обеспечение онтологической безопасности в условиях интенсивного развития транспортной инфраструктуры связано с выявлением критических факторов, создающих риск аварий, которые наносят ущерб окружающей среде, вызывают разрушение технических устройств и гибель людей. Повышение надежности транспорта в критических ситуациях связывается с методами, которые устанавливают пороговое значение фактора риска. В решении проблем безопасности движения внимание уделяется расчету риска с учетом различных групп населения, транспортных средств, типов объектов в соотношении линейной частоты технических сбоев [3].

В последнее время проблема безопасности на транспорте включает риски, связанные с автоматизацией систем управления движением, заменой человека на умного помощника или систему ИИ в диспетчерской службе, управляющей сетью движения. Это обстоятель-

ство вводит в транспортную инфраструктуру цифровые абстрактные системы, работу которых человек не контролирует, но вынужден доверять их надежности [4]. В условиях новой мобильности вопросы безопасности усложняются из-за увеличения скорости, интенсивности движения, внедрения интерактивных систем в сферы обслуживания и повседневную жизнь [5].

Источники риска на транспорте часто связывают с неадекватным поведением человека как участника движения, включенного в сложную сеть взаимодействий. Надежность работы операторов транспортных средств, неукоснительное следование требованиям эксплуатации представляет собой значимый аспект безопасности движения. В этом контексте представляется актуальным анализ личностного потенциала, гарантирующего необходимый уровень ответственного поведения в экстремальных ситуациях на транспорте.

В задачу данной статьи входит выявление моделей ответственного поведения в соотношении с личностными характеристиками адаптивности и стрессоустойчивости человека в критических ситуациях, на основании обобщения данных психологического тестирования групп студентов транспортного вуза.

Обзор литературы

В современной литературе активно обсуждается роль восприятия человеком транспортного риска и тяжести последствий негативных событий. В связи с возросшим социальным запросом на снижение рисков на транспорте подчеркивается актуальность анализа личностных характеристик, когнитивных и эмоциональных компонентов поведения человека [6]. Типология восприятия дорожных рисков исследуется преимущественно в связи с адаптацией к профессиональным условиям вождения грузовых автомобилей [7]. Взаимосвязь между когнитивными способностями и показателями безопасности у водителей играют жизненно важную роль в обеспечении надежности эксплуатации высокоскоростных железных дорог в Китае. В исследовании M. Guo

[8], на основе применения стандартной системы показателей адаптации к вождению, обобщаются результаты тестирования когнитивных способностей 154 профессиональных машинистов скоростных железных дорог Китая.

В работе [9] акцентируется роль эмоционального восприятия железнодорожных сигналов в нормализации поведения операторов движения и машинистов. Риски, связанные с девиантным поведением на дороге вследствие изменения значения сигнала, характера взаимосвязи между сигналом и восприятием его водителем, были исследованы на эмпирической базе опроса операторов восьми пассажирских железнодорожных организаций Австралии и Новой Зеландии.

Для формирования устойчивой мотивации ответственного поведения работников железнодорожного транспорта современные авторы предлагают использовать метод *storytelling* с акцентом на вопросах безопасности и риска в ситуациях на дороге. Согласно представленным в работе [10] данным, эффективность метода *storytelling* определяется наличием четырех ключевых элементов в структуре повествования: «создание чувств», «доверие», «контент» и «личность», которые формируют определенный контекст поведения работников железнодорожной системы. Подчеркивается склонность людей изменять свое поведение, связанное с организационной безопасностью, после того, как они услышат убедительные истории об авариях, инцидентах и негативных следствиях, связанных с риском. Надлежащая структура повествования о стрессе в происшествии и поставарийных событиях обладает убедительной силой, с точки зрения извлеченных уроков.

Современные исследования показывают важность оценки уязвимости отдельных водителей к стрессу. Подчеркивается транзакционная природа стресса водителя на транспорте. Качественно различные модели реагирования на стресс, стратегии его преодоления влияют на эффективность действия оператора движения и водителя [11, 12].

Методы и материалы

Теоретическим основанием исследования потенциала ответственного поведения человека, включенного в инфраструктуру транспортной мобильности, выступает системный подход, который акцентирует соотнесение факторов мотивации (внешних и внутренних) с личностным потенциалом, обеспечивающий устойчивость к стрессу в экстремальных ситуациях на дороге.

В эмпирическом исследовании потенциала ответственного поведения в условиях риска акцентировались показатели, характеризующие уровень адаптивности и стрессоустойчивости личности в критических ситуациях. Для выявления адаптационного потенциала личности в условиях риска использовался многоуровневый опросник «Адаптивность» (МЛО-АМ) А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина [13]. Методика проведения опроса предполагала выявление и оценку 4 параметров структуры личности: 1) чрезмерной выраженности той или иной черты характера (шкала 1 – акцентуации); 2) склонности к дезадаптационным нарушениям (шкала 2); 3) склонности к моральной нормативности (шкала 3); 4) потенциала социально-психологической адаптации (шкала 4). В итоге, обобщенные результаты давали возможность характеризовать личностный потенциал адаптации в проблемных ситуациях через показатели поведенческой регуляции, коммуникативного потенциала, моральной нормативности.

Исследование параметров стрессоустойчивости проводилось с помощью опросника «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций (SACS)» С. Хобфолла [14], который позволяет выявлять индивидуальную склонность к определенной стратегии преодоления стрессовой ситуации (копинг-стратегии) и соответствующую модель поведения в ситуации риска.

Обработка экспериментальных данных осуществлялась с помощью метода первичной статистики (количественной обработки данных).

Результаты

Личностные характеристики индивида в большей степени определяют индивидуальные поведенческие реакции и психические состояния, которые влияют на характер его профессиональной деятельности. Поскольку железная дорога является транспортным объектом повышенной опасности, цена профессиональной безответственности здесь, как правило, весьма велика. Поэтому проведение опроса среди студентов Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I (ПГУПС) в возрасте 18–21 лет, обучающихся на факультете «Управление процессами перевозок», мы начали с опроса, кто видит себя в дальнейшем дежурным по станции или диспетчером железнодорожного транспорта. На этот вопрос было дано 63 положительных ответа. Среди этих 63 респондентов было проведено исследование, выявляющее их адаптивность и стрессоустойчивость, которые представляют наиболее важные качества в профессиональной деятельности оператора движения на дороге.

Адаптационный потенциал

Анализ данных, полученных в результате опроса, проведенного с помощью теста «Адаптивность» (МЛО-АМ) А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина [13] показал, что у большей части опрошенных студентов в целом сформированы самооценка и Я концепция. Хорошие адаптационные способности показали 27% опрошенных. Эти молодые люди достаточно быстро адаптируются к новым условиям деятельности, при этом в период адаптации работоспособность у них сохраняется, они адекватно ориентируются в ситуации, обладают хорошей эмоциональной устойчивостью. Только 9% респондентов обладают низким уровнем нервно-психической устойчивости, для них процесс адаптации к новым условиям протекает достаточно тяжело, и при адаптации возможны нарушения работоспособности.

Опрос студентов ПГУПС выявил наиболее важные качества ответственного

поведения оператора движения на дороге в проблемных ситуациях. Обобщенные показатели по итогам опроса репрезентативной группы представлены на диаграмме (рис. 1).

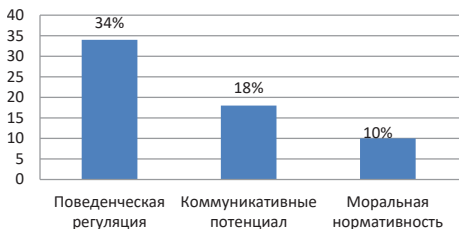

Рис. 1. Параметры личностного адапционного потенциала (обобщенные показатели по итогам опроса репрезентативной группы студентов ПГУПС)

1. Показатели *поведенческой регуляции*, которые характеризуют сочетание уровня самооценки и социального одобрения, в соответствии с которым корректируются мотивы действий оператора в профессиональной ситуации, характерны для 34% респондентов.
2. Показатели, определяющие *коммуникативный потенциал* оператора, который фиксирует способность создавать бесконфликтную среду общения, обеспечивая взаимопонимание в критических ситуациях, характерны для 18% респондентов.
3. Показатели *моральной нормативности*, которые указывают на адекватность восприятия оператором своей социальной роли, а также границ поведения, определённых общими социальными и профессиональными нормами в стандартных и экстремальных ситуациях, характерны для 10% респондентов.

Уровни стрессоустойчивости

Применение методики «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (SACS) С. Хобфолла (адаптация на русский язык Н.Е. Водопьяновой, Е.С. Старченко [15]) предоставило возможность изучить индивидуальную склонность к модели поведения, определенной той или иной копинг-стратегией. Результаты психологического тестирования репрезентатив-

ной группы студентов показаны на диаграмме, где выделены: высокий (зеленая линия), средний (красная линия) и низкий (синяя линия) уровни выраженности копинг-стратегий в структуре личностного потенциала поведения в стрессовой ситуации (рис. 2).

Анализ результатов по выявлению предпочтительной копинг-стратегии в экстремальной ситуации показывает, что высокий уровень выраженности стратегии «ассертивные действия» установлен у 17% молодых людей, средний – у 46% и низкий – у 37%. Таким образом, более чем у половины опрошенных молодых людей хороший уровень склонности к активным действиям в ситуации риска. На этом основании можно говорить о наличии у молодых людей достаточно высокого потенциала ответственного поведения.

У 22% опрошенных высокий уровень выраженности стратегии «социальный контакт» и у 49% средний уровень. Данная стратегия указывает, что молодые люди склонны объединяться с кем-либо, чтобы совместными усилиями преодолеть риски в критической ситуации. Высокий уровень выраженности стратегии «социальный контакт» (38%) указывает на то, что молодые люди стремятся в ситуации стресса поделиться своими переживаниями и, таким образом, снизить эмоциональное напряжение, которое возникает в ситуации риска. Эта стратегия эффективна, поскольку снижение эмоционального напряжения благотворно влияет на разрешение сложной ситуации.

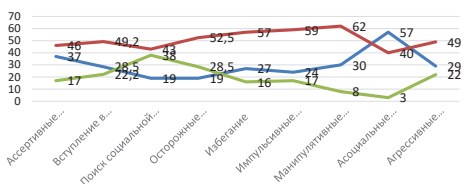

Рис. 2. Стратегии совладения со стрессом, наиболее распространенные в группе респондентов

Высокий (38,0%) и средний (58,5%) уровень выраженности стратегии «осторожные действия» свидетельствует

о том, что молодым людям свойственно стремление избегать риска.

Высокий (16%) и средний (56%) уровень выраженности стратегии «избегание» свидетельствует о том, что молодым людям свойственно стремление к пассивности в стрессовой ситуации.

Средний уровень склонности к стратегии «импульсивное действие» показали 59% молодых людей. Высокий уровень выраженности склонности к данной копинг-стратегии, который диагностирован у 17% респондентов, говорит о том, что в ситуации риска молодые люди будут действовать без предварительного осмысления поступков, поддаваясь эмоциям.

Склонность к манипуляциям в стрессовой ситуации подразумевает действия, обусловленные эгоцентризмом. То, что почти у трети молодых людей низкий уровень склонности к стратегии «манипулятивные действия» (30% опрошенных), указывает на неплохой потенциал ответственного поведения. На это указывает также низкий уровень выраженности стратегии «асоциальные действия» у 57% респондентов, что свидетельствует о способности молодых людей учитывать интересы других в критических ситуациях.

Уровень выраженности стратегии «агрессивные действия» (высокий у 22%

опрошенных и у 31% средний) характеризует склонность к непроизвольному выражению негативной эмоциональной реакции при неудачах, которая проявляется в форме гнева, раздражения, внутренней напряженности. Такое психическое состояние оказывает негативное влияние на характер поведения в ситуациях риска.

Модели ответственного поведения в экстремальной ситуации

В системе транспортного движения факторы риска, определяют тремя векторами: организацией системы движения, организацией систем социальных взаимодействий, личностной самоорганизацией, связанной с индивидуальными особенностями адаптивного потенциала оператора, его способностью принимать осознанные решения в проблемной ситуации. Высокий уровень самоконтроля, торможение паники и отрицательных эмоций, вызываемых стрессом, определяет эффективную модель социального поведения оператора движения в ситуации риска. Проведенное исследование позволяет характеризовать модели ответственного социального поведения оператора в экстремальной ситуации через склонность к реализации конкретной копинг-стратегии (табл. 1).

Таблица 1. Соотношение моделей социально-ответственного поведения и копинг-стратегии в ситуации риска

Копинг-стратегия	Эффективная модель социального поведения оператора	Неэффективная модель социального поведения оператора
Ассертивные действия	Активность в последовательной реализации своих намерений, уважение окружающих	
Социальный контакт	Интеграция усилий всех участников в снижении риска	
Поиск социальной поддержки	стремление найти понимание и поддержку своего решения проблемы	
Осторожность	Длительная подготовка к действиям в экстремальной ситуации	
Избегание		Уход от ответственности в принятии решения, избегание решительных действий
Импульсивные действия		Склонность действовать по первому побуждению, под влиянием внешних обстоятельств или эмоций

Копинг-стратегия	Эффективная модель социального поведения оператора	Неэффективная модель социального поведения оператора
Манипулятивные действия		Побуждение других к принятию решений и выполнению действий
Асоциальные действия		Удовлетворение собственных желаний, не считаясь с обстоятельствами и интересами других людей
Агрессивные действия		Обвинение других при неудачах и конфликтах, нагнетание негативных эмоций (гнева, раздражения, внутренней напряженности)

Заключение

В условиях новой мобильности повышается роль личностного потенциала устойчивого поведения человека, включённого в динамику современной дорожно-транспортной сети. В этой связи в системе профессиональной подготовки специалистов становится актуальной задача формирования личностного потенциала ответственного поведения, необходимого для принятия решений в экстремальных условиях.

По результатам психологического тестирования групп студентов транспортного вуза, поведенческая регуляция, сочетающая уровни самооценки и социального одобрения, в соответствии с которым корректируются мотивы ответственных действий оператора в ситуации риска, характерны для 34% респондентов.

Проведенное исследование показывает, что у молодых людей присутствует склонность к неэффективным моделям поведения, которые препятствуют успешному преодолению профессиональных стрессов. Поэтому важно в процессе образования обращать внимание на формирование личностного потенциала, соответствующего реализации эффективных моделей ответственного социального поведения человека в ситуациях риска.

Литература

1. Русаков В.М., Русакова О.Ф., Философия мобильности в современном мире. // Материалы VII Философского конгресса. Дискурс–Пи. 2015. С. 10–18.
2. Евсеева А.И. Новая городская мобильность: тенденции развития транспортных систем. Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 59. Декабрь 2016 г. С. 238–266.
3. Frank Gross, Exposure: A Critical Factor in Risk Analysis, Editor(s): Roger Vickerman, International Encyclopedia of Transportation, Elsevier, 2021, Pages 282–289, ISBN 9780081026724, <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-102671-7.10137-X>
4. Гидденс Э. Последствия современности / Пер. с англ. – М.: Праксис, 2011, 352 с.
5. Веселов Ю.В. Доверие в цифровом обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: Социология. 2020. Т. 13. Вып. 2. С. 129–143. DOI: 10.21638/spbu12.2020.202.
6. Trond Nordfjærn, An-Magritt Kumeneje, Mohsen F. Zavareh, Milad Mehdizadeh, Torbjørn Rundmo. Risk Perception in Transport: A Review of the State of the Art, Editor(s): Roger Vickerman, International Encyclopedia of Transportation, Elsevier, 2021, Pages 74–80, <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-102671-7.10660-8>.
7. Sergio A. Useche, Boris Cendales, Ignacio Lijarcio, Francisco J. Llamazares, Validation of the F-DBQ: A short (and accurate) risky driving behavior questionnaire for long-haul professional drivers, Transportation Research Part F: Traffic Psychology and Behaviour, Volume 82, 2021, Pages

- 190–201, ISSN 1369-8478, <https://doi.org/10.1016/j.trf.2021.08.013>.
8. Ming Guo, Lily Hu, Long Ye, Cognition and driving safety: How does the high-speed railway drivers' cognitive ability affect safety performance?, *Transportation Research Part F: Traffic Psychology and Behaviour*, Volume 65, 2019, Pages 10–22, ISSN 1369-8478, <https://doi.org/10.1016/j.trf.2019.07.006>
 9. Anjum Naweed, Sophia Rainbird, Craig Dance, Are you fit to continue? Approaching rail systems thinking at the cusp of safety and the apex of performance, *Safety Science*, Volume 76, 2015, Pages 101–110, ISSN 0925-7535, <https://doi.org/10.1016/j.ssci.2015.02.016>
 10. McHugh K., Klockner K. Learning lessons from rail safety storytelling: Telling safety like it is, *Safety Science*, Volume 122, 2020, 104524, ISSN 0925-7535, <https://doi.org/10.1016/j.ssci.2019.104524>
 11. Dorn L. Driver Stress and Driving Performance, Editor(s): Roger Vickerman, *International Encyclopedia of Transportation*, Elsevier, 2021, Pages 203–223, <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-102671-7.10791-2>
 12. Shipunova O., Berezovskaya I., Efrementko O. Transport risk factors and personal potential safe behavior of the railway operator. *Transportation Research Procedia*. 2022. T. 63. C. 1163–1170. <https://doi.org/10.1016/j.trpro.2022.06.120>
 13. Shipunova O., Berezovskaya I., Efrementko, O. Transport risk factors and personal potential safe behavior of the railway operator, *Transportation Research Procedia*, Volume 63, 2022, Pages 1163–1170, ISSN 2352-1465, <https://doi.org/10.1016/j.trpro.2022.06.120>
 14. Маклакова А.Г. и Чермянина С.В. Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО-АМ) // Практическая психодиагностика. Методики и тесты. – Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2006. – С. 549–672.
 15. Hobfoll S.E., Lerman M. Personal relationships, personal attitudes, and stress resistance: mother's reactions to the child's illness // *American Journal of Community Psychology*. 1988. Vol. 16, № 4. P. 565–589. DOI: 10.1007/BF00922772.
 16. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. – СПб.: Питер, 2009. ISBN 978-5-388-00542-7.

SOCIALLY RESPONSIBLE BEHAVIOR MODELS IN THE CONTEXT OF NEW MOBILITY

Shipunova O.D., Berezovskaya I.P., Lisenkova A.A.
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

In today's world, smart technologies are designed to ensure the reliability and traffic safety in the conditions of a new transport mobility infrastructure. However, the substitution of humans in dispatch functions and control does not eliminate the responsibility of the traffic operator, which becomes increasingly evident in extreme situations. In this regard, it seems relevant to analyze the models of socially responsible human behavior, which are associated with the peculiarities of risk perception in a critical situation and the nature of response under stress. The article purpose is to identify the structure of the personal potential of responsible behavior, which determines the predisposition to a certain strategy for coping with stress and the behavior model in risk conditions. The theoretical basis of the study is the system approach, within the framework of which external factors of motivation and internal attitudes of the individual are correlated. In the empirical study, psychological testing methods of personal parameters characterizing the adaptive potential and stress resistance in critical situations were used. A data generalization of psychological testing of groups of transport university students is presented. The matrix of personal adaptive potential in problem situations through indicators of behavioral regulation, communicative potential, and moral normativity is highlighted. The correlation between models of socially responsible behavior and coping strategy in risk conditions is shown.

Keywords: new mobility, personal potential, responsible behavior, traffic safety, adaptability, stress resistance, behavior models, coping strategy.

References

1. Rusakov V.M., Rusakova O.F., Philosophy of mobility in the modern world. // *Materials of the VII Philosophical Congress. Discourse-Pi*. 2015. pp. 10–18.

2. Evseeva A.I. New urban mobility: trends in the development of transport systems. Public administration. Electronic newsletter. Issue No. 59. December 2016, pp. 238–266.
3. Frank Gross, Exposure: A Critical Factor in Risk Analysis, Editor(s): Roger Vickerman, International Encyclopedia of Transportation, Elsevier, 2021, Pages 282–289, ISBN 9780081026724, <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-102671-7.10137-X>
4. Giddens E. Consequences of modernity / Trans. from English – M.: Praxis, 2011, 352 p.
5. Veselov Yu.V. Trust in a digital society // Bulletin of St. Petersburg University. Ser.: Sociology. 2020. T. 13. Issue. 2. pp. 129–143. DOI: 10.21638/spbu12.2020.202.
6. Trond Nordfjærn, An-Magrit Kummeneje, Mohsen F. Zavareh, Milad Mehdizadeh, Torbjørn Rundmo. Risk Perception in Transport: A Review of the State of the Art, Editor(s): Roger Vickerman, International Encyclopedia of Transportation, Elsevier, 2021, Pages 74–80, <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-102671-7.10660-8>.
7. Sergio A. Useche, Boris Cendales, Ignacio Lijarcio, Francisco J. Llamazares, Validation of the F-DBQ: A short (and accurate) risky driving behavior questionnaire for long-haul professional drivers, Transportation Research Part F: Traffic Psychology and Behavior, Volume 82, 2021, Pages 190–201, ISSN 1369-8478, <https://doi.org/10.1016/j.trf.2021.08.013>.
8. Ming Guo, Lily Hu, Long Ye, Cognition and driving safety: How does the high-speed railway drivers' cognitive ability affect safety performance?, Transportation Research Part F: Traffic Psychology and Behavior, Volume 65, 2019, Pages 10–22, ISSN 1369-8478, <https://doi.org/10.1016/j.trf.2019.07.006>
9. Anjum Naweed, Sophia Rainbird, Craig Dance, Are you fit to continue? Approaching rail systems thinking at the cusp of safety and the apex of performance, Safety Science, Volume 76, 2015, Pages 101–110, ISSN 0925-7535, <https://doi.org/10.1016/j.ssci.2015.02.016>
10. McHugh K., Klockner K. Learning lessons from rail safety storytelling: Telling safety like it is, Safety Science, Volume 122, 2020, 104524, ISSN 0925-7535, <https://doi.org/10.1016/j.ssci.2019.104524>
11. Dorn L. Driver Stress and Driving Performance, Editor(s): Roger Vickerman, International Encyclopedia of Transportation, Elsevier, 2021, Pages 203–223, <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-102671-7.10791-2>
12. Shipunova O., Berezovskaya I., Efremenko O. Transport risk factors and personal potential safe behavior of the railway operator. Transportation Research Proceedings. 2022. T. 63. pp. 1163–1170. <https://doi.org/10.1016/j.trpro.2022.06.120>
13. Shipunova O., Berezovskaya I., Efremenko, O. Transport risk factors and personal potential safe behavior of the railway operator, Transportation Research Proceedings, Volume 63, 2022, Pages 1163–1170, ISSN 2352-1465, <https://doi.org/10.1016/j.trpro.2022.06.120>
14. Maklakova A.G. and Chermyanina S.V. Multilevel personal questionnaire “Adaptability” (MLO-AM) // Practical psychodiagnostics. Methods and tests. – Samara: Publishing House “BAKHRAH-M”, 2006. – P. 549–672.
15. Hobfoll S.E., Lerman M. Personal relationships, personal attitudes, and stress resistance: mother's reactions to the child's illness // American Journal of Community Psychology. 1988. Vol. 16, No. 4. P. 565–589. DOI: 10.1007/BF00922772.
16. Vodopyanova N.E. Psychodiagnostics of stress. – St. Petersburg: Peter, 2009. ISBN 978-5-388-00542-7.

Магия: история, мифы, реальность

Китаев Николай Николаевич,

к.ю.н., доц., заслуженный юрист РФ, почетный профессор Кыргызско-Российского Славянского университета имени Б.Н. Ельцина, доцент кафедры юриспруденции Иркутского национального исследовательского технического университета

Ардашев Роман Георгиевич,

д.ф.н., к.ю.н., начальник кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, профессор кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета

Шамурзаев Таалайбек Турсунович,

д.ю.н., проф., заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Кыргызско-Российского Славянского университета имени Б.Н. Ельцина

В статье показана распространенность в обществе веры в оккультные явления. Дается исторический анализ развития мистицизма. Отмечено, что повышение образовательного уровня населения не является препятствием для массового проявления иррационального (магического) мышления. Показана связь оккультизма и права, существующая в разные эпохи.

Ключевые слова: мистицизм, вредоносная магия, иррациональное мышление, оккультизм и право.

В социальной философии отмечается, что сознание наших современников в значительной мере является иррациональным в вопросах правовой культуры и грамотности, а мистичность сознания прослеживается в обществе достаточно убедительно [3]. Иррациональность мышления многих граждан, обусловленная верой не в рациональность и прогресс, а в сверхъестественность многих происходящих событий, определяет ряд жизненных приоритетов [4]. В ряде сегодняшних научных публикаций речь идет о призывах к признанию юриспруденцией реальности основных постулатов мистицизма – веры в существование сверхъестественных сил, действующих вопреки законам природы, и в возможность непосредственного общения с ними посредством различных тайных магических приёмов [30].

Психотерапевт М.И. Буянов отмечает: «Людьми – даже очень образованным и хорошо разбирающимся в какой-нибудь сфере – свойственны заблуждения и даже примитивная вера в сверхъестественное, ибо дело не в информированности, а в психологическом складе» [13]. В другой своей работе М.И. Буянов указывает: «Иррациональность присуща не только детям, но даже многим вроде бы умным и образованным учёным мужам, ведь поразительно, что больше всего верят в домовых, воскрешение мёртвых и прочую чертовщину депутаты парламентов, писатели, артисты, многие учёные» [12]. Американский философ Бэрроуз Данэм писал: «Сверхъестественное не есть научное понятие, а философская иллюзия, имеющая определенное социальное происхождение и цели. Это понятие нельзя окончательно уничтожить одной только критикой, и оно будет жить до тех пор, пока сохранится в нём социальная потребность» [17].

В.В. Юдин сообщает, что на сегодняшний день существенной частью обыденного сознания является вера в колдовство и магию. При ответе на вопрос

«Верите ли Вы в существование колдунов и ведьм?» безоговорочно признают реальность данного феномена 41,5% опрошенных, а 32,5% заявляют, что они лично или их близкие стали жертвами колдунов и ведьм [57].

Доктор физико-математических наук Л.И. Пономарёв развивает данную тему: «Склонность к мистике и вера в чудеса, по-видимому, присуща природе человека, и в стародавние времена их симбиоз с религией был основой его мирозерцания. За четыре столетия просвещения и науки создана новая картина мира, без ссылок на чудеса и божественное откровение. Сейчас эта картина, на которой базируется жизнь всех цивилизованных народов, подвергается массивной атаке...» [44]. Совершенно прав академик Э.П. Кругляков, утверждающий: «Мистика и вера в чудеса на некоторых телеканалах (равно как и в газетах и журналах) насаждаются целенаправленно» [29].

О психологических причинах, заставляющих множество современных образованных людей верить в магические ритуалы, пишет профессор Серж Московичи (Франция): «Немало, однако, существует вещей столь скандальных для нашей культуры, заявляющей о своей приверженности науке и разуму, как парад верований, суеверий, предрассудков, которые разделяются миллионами людей... Мы сегодня стали более терпимы к религиозным верованиям, предполагающим бессмертие души, реинкарнацию, действенность молитвы, хотя эти идеи исключаются нашими знаниями о человеке и природе. Но достаточно мимолётного взгляда на публикации, выходящие огромными тиражами, чтобы удивиться, как много людей в нашем обществе доверяют гороскопу, обращаются к целителям или лечатся чудодейственными снадобьями. Мы наблюдаем, с какой интенсивностью практикуется магия во многих кругах, вплоть до университетских. Те, кто к ней прибегает, вовсе не социально дезадаптированные субъекты из необразованных слоёв, как нам хотели бы внушить, а учёные, инженеры и даже врачи. Я не говорю уже о пред-

приятнях «высоких технологий», которые отбирают кадры на основе графологического и астрологического тестирования. Не скрываясь, большинство практиков магии выступают по телевидению и публикуют книги, у которых больше читателей, чем у работ учёных» [36, с. 3].

Серж Московичи далее отмечает, что такого рода умственная деятельность, утверждающая иррациональность, породила множество исследований, результаты которых свидетельствуют: «Большинство людей склонны предпочитать идеи расхожие идеям научным, делать обманчивые сопоставления, некорректируемые объективными данными. Они вообще не принимают в расчёт статистику, играющую такую громадную роль в наших каждодневных решениях и рассуждениях. Они искажают поступающую к ним информацию... Люди особенно охотно принимают факты или усваивают поведение, подтверждающие их привычные убеждения, и это пока ещё не опровергнуто. Даже если опыт говорит им: это ложно, а рассудок – это абсурдно» [36, с. 3–4].

Приведённые наблюдения французского учёного соответствуют аспектам исследования мистики, как культурной традиции. Мистика (от греч. *mystikos* – таинственный), религиозная практика, имеющая целью переживание в экстазе «непосредственного единения» с Богом, а также совокупность теологических и философских доктрин, оправдывающих и осмысляющих эту практику; философы относят мистицизм к разновидностям интуитивизма и иррационализма [28]. Психотерапевт М.И. Буянов пишет: «Всякая мистика основывается на полностью придуманных явлениях, либо на редчайших единичных фактах, не поддающихся воспроизведению... Мистика – это широкое, художественное, ненаучное понятие, включающее в себя многочисленные разнородные явления, вызывающие у нас удивление, недоумение, непонимание» [11, с. 7–8].

Г.В. Плеханов отмечал: «Материалист отвергает магию с тем же презрением, с каким относится он ко всякому знахарству и колдовству. В глазах ми-

стика магия есть нечто более почтенное и серьёзное, нежели наше обыкновенное естествознание» [42].

Известный французский исследователь Л. Леви-Брюль (1857–1939) описывал мышление людей первобытных обществ, как дологическое (т.е. нечувствительное к противоречиям), и мистическое (т.е. подразумевающее веру в тайные силы) [31]. Со временем он пришёл к выводу, что эта гипотеза была ошибочной и что мистическое мышление присуще любому человеку, но «легче наблюдается у примитивных народов» [46, с. 556]. Аналогичное мнение высказывал и российский просветитель Поликарп Пузина: «Одной любви ко всему чудесному достаточно уже, чтобы увековечить легкое верие наше. Невзирая на все доказательства людей благоразумных, редких в мире, воображение народа, само по себе, находит приятность умножать чудеса чудесами и химеры химерами; а потом защищает чудовища сии потому, что оно само произвело их на свет... Все мы имеем некоторую склонность к легковерию, где бы мы ни жили, в Камчатке или в столице, во времена ли язычества предков наших, или в нынешнем просвещённом веке. Всегда можно удивить народ необыкновенными явлениями; а от удивления к легковерию – один шаг!» [47].

В другом старинном российском издании так говорится о связи мистики с государственным устройством: «... Сила и мистика, положив основание историческому на земле бытию всех известных в древности Гражданских обществ, сделали и то, что Политику совокупили с Религиею столь тесно, что благосостояние правительств и зависело только от сего союза... Неблагоразумно было бы преследовать заблуждения, когда они были полезны и народам и Правительствам» [38]. Проф. Дебэ писал: «Страсть к чудесному существует вообще без заметного помешательства деятельности мозга. Вера в сверхъестественное, которой начинают голову детей, обращается в привычку и продолжается от детских лет до самой смерти... История доказывает нам бесчисленные

ми примерами, что вещи, самые нелепые, укоренившись в уме народа, почитаются за истины столь непреложные, что мудрец, который решился бы обличать их, был бы осмеян...» [18].

Известный русский философ В.С. Соловьёв определял мистику, как «верховное начало жизни общечеловеческого организма» и утверждал, что в мистике жизнь находится в непосредственной, тесной связи с действительностью абсолютного начала. По его мнению, древнейший период человеческой истории воплощал в себе слитность, необособленность всех сфер общечеловеческой жизни. Неразрывны были теология, философия, наука, мистика, искусство. Жрецы, философы, учёные находились в то время в непосредственном мистическом общении с высшими силами бытия [49].

В самом начале XX века американский психолог и философ Уильям Джеймс написал книгу «Многообразие религиозного опыта» (первое издание на русском языке вышло в 1910 году в Москве). По существу – это своеобразная энциклопедия мистических переживаний, свод исповедей святых и пророков, размышление над интуитивными прозрениями, к которым автор относится с предельным вниманием и исследовательской пытливостью.

Джеймс выделяет четыре главных характерных признака, которые служат критерием для различия мистических переживаний. Первый из них – неизречённость. Иначе говоря, человек, прошедший через мистический опыт, не может изложить собственные ощущения и полученные впечатления на обычном языке. Для такой личности очевидно, что никто, не переживший того же, не в состоянии правильно понять её слов (описание экстатического транса шаманов и жрецов и т.п.). «Невозможность описать словами то, что познаётся в состоянии экстаза, является характерной чертой мистицизма. Истина мистического характера существует лишь для того, кто находится в экстазе, и непостижима ни для кого другого. Это роднит её с познанием, которое мы получаем че-

рез ощущение, в отличие от того, какое получается посредством абстрактного мышления...» [19, с. 316].

Второй признак мистического опыта – интуитивность. Джеймс подчёркивает, что хотя это состояние относится к сфере чувств, оно тем не менее является особой формой познания. Человек проникает в глубины истины, не доступные рассудку. Это своего рода откровения, моменты внутреннего просветления. Джеймс кроме неизречённости и интуитивности называет ещё два признака мистического опыта: кратковременность и бездеятельность воли. Мистические переживания не длятся долго, а воля мистика во время таких переживаний как бы парализуется. Джеймс также указывает, что истина мистического характера существует лишь для того, кто находится в экстазе, она не постижима ни для кого другого. «Сколько мистиков, столько и мистических состояний – и я уверен, что эти состояния столь же разнообразны, как разнообразны люди» [19, с. 318].

На протяжении тысячелетий мистики вели своеобразную работу с человеческой психикой, что позволяло им приобщаться к тайнам мироздания. Здесь использовался и опыт медитации (предельного духовного сосредоточения), и многодневные посты, и специальные упражнения [25]. Приёмы религиозно-мистической практики могут быть самыми разными – от многократного повторения мантр или молитв до определённых поз и регуляций дыхания, от бешеных ритмов пляски шаманов, дервишей, сектантов- «трясунов» до «тихого умиления» христианских аскетов. Джеймс отмечал: «Я не берусь раскрыть перед вами во всех подробностях все ступени экстазов христианских мистиков, так как те бесчисленные подразделения, какие мы находим в католической литературе этого характера, не кажутся мне достаточно ясными» [19, с. 318]. Но при всех различиях здесь есть и некоторые общие черты – тяготение к иррациональному, интуитивному, парадоксальности в передаче пережитого опыта.

Э. Андерхилл, продолжившая вслед за Джеймсом фундаментальные исследова-

ния мистицизма, отмечает «тому ошибок и заблуждений», к которым приводит людей «гипертрофированное и деформированное, граничащее с гордыней мистическое чувство. Число таких ошибок несметно, а их дикость просто непостижима...» [1]. Психотерапевт М.И. Буянов пишет: «...Мистика будет всегда, ибо потребность в ней заложена в человеческой психике, особенно женской» [11, с. 127].

Здесь уместно привести мнение А. Сумарокова, ссылавшегося на прямую зависимость между психофизиологическими аномалиями субъекта и его склонностью к мистицизму: «В высшей степени пригодными для мистических целей оказываются натуры с нарушенной функцией половой сферы или с неясно выраженными половыми склонностями. Так как в здоровом человеке воспроизводительные стремления поглощают известное количество нервной деятельности, и нервная система становится менее чувствительной к внешним раздражениям, мистицизм, ради своих задач, всегда предписывал возможно полное половое воздержание. Для известных натур, управляемых мистическими идеями, повышение нервной возбудимости, которая развивалась вследствие такого извращения естественных склонностей и тем легче вела к экстазу, являлось настолько выше половых наслаждений, что они начинали с отвращением и ненавистью относиться к ним и старались всеми мерами парализовать в себе эту способность. Такое стремление в своём крайнем проявлении привело к скопчеству, и оно же всегда заставляло ценить таких субъектов, у которых половые склонности были неразвиты от природы» [50].

Небезынтересно, что все великие мистики (создатели мировых религий, апологеты религиозных учений, учёные и писатели) – страдали в той или иной форме психическими аномалиями (зрительные и слуховые галлюцинации, припадки и т.п.). Об этом сообщает, например, выдающийся русский психиатр, профессор, основатель первого в России психиатрического журнала «Архив психиатрии, неврологии и судебной пси-

хопатологии» П.И. Ковалевский (1849–1923). Но следует признать, что подавляющее большинство и отечественных, и зарубежных мистиков, поклонников «оккультных наук» привлекает не сама древняя «сокровенная мудрость», а совсем иное. Одни с её помощью надеются решить свои личные проблемы, другие таким образом выражают свой протест, третьи надеются исцелиться, обрести завидное здоровье и долголетие, четвёртые – достичь необыкновенных состояний ума и психики, а пятые – сделать на всём этом хороший бизнес. В свете сказанного уместно привести утверждение Д. Элкока: «Несмотря на всё то значение, которое современная наука придаёт рациональному мышлению, исследования показывают, что люди обнаруживают такую же склонность к магическому мышлению, как и их первобытные предки. Хотя оккультизм и отражает попытку путём магического мышления понять устройство окружающего мира, в его основе лежат мощные психологические потребности и процессы, которые действуют в общем и целом за пределами сознания и часто могут обслуживать потребности в усилении личного могущества и поиске успокоения перед лицом экзистенциальной тревоги. Представляется маловероятным, чтобы люди когда-либо освободились от таких потребностей или склонности к магическому мышлению» [46, с. 500].

Сам термин «оккультизм» (от лат. *occultare* – скрывать, утаивать) употребляется по отношению к доктринам и ритуалам, которые, как считается, позволяют приобрести высшие психические или духовные способности, но не признаются наукой или официальной религией. Современный исследователь мистицизма Д. Бейнс пишет: «Всякий, кто имеет какое-либо представление об оккультизме, поймёт, что в действительности религиозные институты являются тайными обществами, и что все религии заимствовали для своих обрядов различные символы из арсенала тайных братств прошлых веков... Все эти организации обладают лишь малой частью знаний об оккультизме и используют их исклю-

чительно для своей выгоды. Именно так обстоит дело с некоторыми религиями, которые относятся к своим приверженцам, как к овцам, не раскрывая им настоящего смысла символов и обрядов. Священники утверждают лишь, что это – «тайнства» [7, с. 9–10].

Психолог Л.С. Выготский, обобщивший десятки научных трудов, посвящённых магии, дал ретроспективное психологическое обоснование этому явлению: «Когда хотят охарактеризовать примитивного (первобытного – авт.) человека одним словом, обыкновенно говорят о магии или магическом мышлении, как наиболее характерной для него черте... Неправильно рассматривать магию исключительно как недостаток мышления. Напротив, в известном отношении она есть огромный шаг вперёд по сравнению с поведением животного... В магии проявляется не только тенденция к власти над природой, но и в такой же мере и тенденция к господству над собой. В этом смысле в магии мы находим зародыш и другой чисто человеческой формы поведения: овладения своими реакциями. Магия допускает принципиально одинаковое воздействие на силы природы и на поведение человека» [14, с. 114–115].

Л.С. Выготский отмечает, что магическое мышление, означающее разницу между потребностями и возможностями в деле овладения природными силами, не только обусловлено недостаточным развитием техники и разума при переоценке собственных сил, но закономерно возникает на определенной ступени развития техники и мышления, как необходимый продукт нерасчлённой ещё тенденции к овладению природой и поведением. «Отличительная черта магического мышления примитивного человека заключается в том, что его поведение, направленное на овладение природой, и поведение, направленное на овладение собой, еще не отделены одно от другого» [14, с. 116].

Пробел в человеческих знаниях, неспособность человека контролировать то или иное явление, – порождают магию. В этом случае стихийный поток

идей, возникающий под влиянием эмоций, не получает практического применения, но тем не менее порождает ожидание определённых положительных результатов человеческих действий. Это ожидание, конечно, не основывается на научном предвидении. Магия базируется на определённом общественном отборе фактов и человеческого опыта, передаваемых традицией. Из множества способов поведения традиция отбирает и фиксирует в виде стандартизованных обычаев только особые типы, которым придаёт общественное значение. Жизненность магии основывается на вере в её полезную и избирательную ответственность. Её общественная роль как силы, организующей и определяющей общественное положение человека, находит свое обоснование в аффективной социальной психологии, ограниченной подсознательными эмоциями и импульсами, желаниями и страстями. Известный антрополог Э.Б. Тэйлор писал: «Вообще колдун изучает свою знаменитую древностью профессию совершенно добросовестно и более или менее сохраняет свою веру в неё от начала и до конца; в одно и то же время обманывающий и обманутой, он соединяет энергию верующего с хитростью лицемера... Магики по профессии существовали, начиная от самых древних известных нам ступеней цивилизации; они жили своим колдовством и поддерживали его» [54, с. 121].

Проф. А. Леманн в своём исследовании определяет соотношение между понятиями «суеверие» и «магия». Он сообщает: «Суеверие есть каждое мнение, не пользующееся признанием в какой-либо религии или стоящее в противоречии с научным взглядом на природу в какое-нибудь определённое время. Или другими словами: воззрение, которое у нецивилизованного дикаря показывает, может быть, довольно развитое религиозное сознание и как таковое заслуживает внимания, в устах образованного человека нашего времени, очень вероятно, покажется смешным суеверием» [32, с. 12]. В то же время, «суеверие – это теория, а магия – деятельность,

являющаяся результатом такой теории... коротко и точно: каждый поступок, вытекающий из суеверия, есть магия или чародейство. К этому мы ещё прибавим: всякое действие признаётся за магическое, раз только его объяснение исходит из суеверных представлений» [32, с. 13].

Церковники, сами проповедуя веру в сверхъестественное, не могут отрицать её в устах мистиков, а поэтому признают колдовство, гадания и т.д., объясняя их, правда, «искушением дьявола». Духовенству выгодны утверждения о волшебстве оккультистов, так как это может укрепить веру дьявола, а без этого нет и веры в Бога. Магия является неотъемлемой и весьма существенной частью всех без исключения религий. Например, молебствие православного священника о ниспослании дождя в засуху – это магия. А.Ф. Лосев так писал о магии в христианских обрядах: «Всякое чудо в христианстве опирается только на богочеловечество Христа, т.е. на тело Христово, на Церковь. Чудо есть тут, стало быть, в первичной основе своей, таинство» [33]. Магию можно назвать обрядово-культовой стороной религии, они существуют нераздельно и соотносятся как теория и практика: магия является практической стороной религиозного мировоззрения.

Считается, что магические действия могут совершаться либо с помощью небесных сил (Бог, ангелы, святые и т.п.), либо с помощью нечистой силы (дьявол, злые духи и т.д.). В первом случае магию называют «белой», а во втором – «чёрной». Такое деление, например, поддерживается христианским духовенством, которое свои магические (богослужебно-обрядовые) действия называет святыми таинствами, а культовые обряды языческого духовенства (колдунов, жрецов, шаманов) священники презрительно называют чародейством и чёрной магией. Однако подобные упреки церковников, их попытки отмежеваться от языческих суеверий и колдовства носят путанный характер, поскольку все современные «мировые» религии по своей природе и содержанию – естественное продолжение первобытных верований [23].

К настоящему времени описаны и систематизированы многие тысячи колдовских обрядов и церемоний, известных в разные времена у разных народов [34]. В российской этнографии наибольшей полнотой отличается типология магии, предложенная проф. С.А. Токаревым, различавшем магические приёмы по следующим критериям: а) по степени сложности; б) по общей направленности; в) по психологическому механизму действия; г) по целевому назначению [53].

По целевому назначению магические приёмы подразделяются на земледельческую, промысловую, лечебную, любовную, военную и вредоносную (чёрную, злую) магию. О последнем виде В.Ф. Зыбковец делает важное замечание: «Этот вид магии наиболее распространён и поэтому обычно смешивается с магией вообще не только в обычном словоупотреблении, но и в научной литературе. Наивные и грубые представления о вредоносной магии отличаются сильной живучестью и продолжают сохраняться в быту многих народов» [22].

Есть веские основания утверждать, что так называемая вредоносная (чёрная, злая) магия является одним из древнейших видов магии, существующей несколько десятков тысячелетий [41]. Условия жизни обособленных, замкнутых в себе первобытных родоплеменных групп явились социальной почвой, на которой возникла и развилась вера во вредоносную магию. В.Г. Богораз-Тан писал: «Первобытный человек, как известно, не понимает и не признаёт естественной смерти. Смерть – это убийство. Убийство совершает враг зримый или незримый» [8]. А. Котляревский сообщал: «Смерть, а равно болезнь, по понятиям славян, насылались неведомою силою или божеством» [26]. Э.Б. Тэйлор отмечал: «В Австралии и Южной Америке есть грубые племена, которые настолько верят в колдовство, что, по их словам, люди никогда бы не умирали, если бы их не заколдовывали и не убивали насильственно. Подобно австралийцам, африканцы стараются узнать относительно своих умерших, какой колдун убил их своим гибельным искусством,

и когда они удостоверятся в этом, кровь должна быть оплачена кровью. В Западной Африке смело утверждают, что вера в колдовство стоит больше жизней, чем стоила когда-нибудь торговля невольниками» [54, с. 124–125].

Спустя многие тысячелетия аналогичные психологические особенности веры в чёрную магию продолжают иметь место и в наше время. Декан факультета права университета в г. Найроби (Кения) Мутунги О.К. опубликовал в 1977 г. монографию «Правовые аспекты колдовства в Восточной Африке», в которой рассматриваются весьма существенные для многих африканских стран вопросы взаимоотношений права и традиционных социально – культурных и правовых норм африканских народов¹. Автор подчёркивает, что просвещение не избавляет от веры в колдовство, и то обстоятельство, что население городов меньше верит в магию, объясняется не более высоким культурным уровнем, а иной социальной средой. В городе человек обладает определённой анонимностью и независимостью от других, но когда он возвращается в замкнутую сельскую общину, то ничем не будет отличаться от своих соплеменников. Вера в колдовство, пишет автор, присуща тем ситуациям, где присутствует социальное давление и враждебность, а в настоящее время количество таких случаев имеет тенденцию возрастать.

О.К. Мутунги отмечает, что законодательные акты ряда африканских стран, дающие определение колдовства, непоследовательны и противоречивы, хотя предусматривают суровые меры наказания. Так, закон Кении, оперируя в одной из общих норм термином «так называемое колдовство», в другой статье предусматривает смертную казнь за умышленное убийство с помощью колдовства. Закон Уганды определяет колдовство лишь негативно: колдовством не признаётся совершение духовного обряда,

¹ Для кратости изложения анализ книги О.К. Мутунги приведён по рецензии М.Е. Петросяна (Общественные науки за рубежом. Серия 4. Государство и право. 1981. – № 6. – С. 95–100). – Прим. авт.

а также применение средств народной медицины. Отсюда – сам объект регулирования остаётся неопределённым, что влечёт противоречивость судебной практики. Сам автор определяет колдовство как «сверхъестественную силу», а колдунов – как лиц, которые обладают сверхъестественной силой и применяют её. Если согласиться с такой точкой зрения, что колдовство является простым суеверием, – пишет автор, – то нужно признать, что это особый вид суеверия, и сила его столь велика, что оправдывает установление правового контроля.

О.К. Мутунги отмечает наличие в традиционных африканских обществах разграничения двух категорий: колдунов-знахарей (awe) и злых колдунов (aoi), каждый из которых выполняет свои функции. Первые занимаются лечением с помощью средств народной медицины и воздействия на психику больного. Вторые же действуют в обстановке строгой тайны, отчего окружающие приписывают им любые несчастья, которые постигают членов общины. Автор замечает, что перенесение атрибутов «злого колдовства» на колдовство в широком смысле слова так же неверно, как отождествление права вообще с одной из его отраслей – уголовным правом.

По мнению О.К. Мутунги, колдовство выполняет в современном африканском обществе две взаимосвязанных роли. Во-первых, оно является средством принудить к выполнению норм, не обеспеченных правовой санкцией. Страх перед обвинением в колдовстве и следующей за ним суровой расправой понуждает члена общины дорожить своей репутацией и воздерживаться от антисоциальных поступков. Во-вторых, боязнь навлечь на себя злые чары, с одной стороны, и быть обвинённым в колдовстве, с другой, заставляет жителей замкнутой общины поддерживать добрососедские отношения. Поэтому колдовство выступает своеобразным механизмом социального контроля.

О.К. Мутунги делает вывод, что перевоспитание колдунов с помощью тюремного заключения, в силу их изначально злой природы, «бессмыслен-

но и противоречит законам естества». Для того, кто верит в колдовство, единственным средством обезопасить себя и близких (а также общину) от злых чар является убийство колдуна. Отсюда, неверно рассматривать убийцу колдуна, как общественно опасное лицо, так как его позиция совпадает с позицией общины. Автор книги не видит разницы между таким племенным самосудом («отправлением правосудия на основании национального права и обычая») и судебной системой «западного типа». Он считает главным здесь одно обстоятельство – чтобы не была допущена несправедливость, и лицо, подвергшееся расправе, действительно являлось колдуном. О.К. Мутунги считает надёжной гарантией от несправедливой репрессии способы идентификации колдунов, практикуемые у различных африканских племён.

Если не затрагивать тонкости данных суеверий, превратившихся в правовые обычаи, необходимо признать реальность вреда, причинённого действиями африканских колдунов, когда речь идёт не о «сверхъестественных силах», а вполне материалистических действиях. Так, исследователь Африки Лоуренс Грин упоминает о ритуальных убийствах, когда колдунам требовались отдельные части тела жертвы, чтобы использовать их как «колдовское лекарство». Лейтенант М.К. Ван Статен, служивший в конной полиции Басутоленда, проводил расследование по одному из таких убийств, что привело к любопытному открытию. Он изъясил местное лекарство «маиме», нечто вроде туземного хлороформа. Колдуны давали его своей жертве, которая после этого послушно двигалась за ними к месту ритуального убийства. Одного глотка «маиме» или вдоха его испарений оказывалось достаточным, чтобы человек превращался в безвольный автомат и не мог оказывать сопротивления. До судебного процесса над колдуном Манапо Коенехо и тремя другими африканцами, обвиняемыми в ритуальном убийстве, это необычное лекарство оставалось неизвестным. Все четверо подсудимых были казнены [15].

Здесь можно привести мнение проф. В.В. Есипова: «Сопоставление тайных искусств с отравлением, замечаемое в древних законах, ...показывает, что отравление преследовалось в то время не столько как вид убийства..., сколько как квалифицированный вид чародейства... Эти смертоубийства ...были причиняемы, по мнению современников, частью чисто магическим путём, посредством так называемого нашёптывания – *incantation (carmina magica)*, частью же посредством различных предметов из царства природы, в особенности при помощи трав, *herbae*, над которыми производились заклинания в таинственных формулах, и которые затем примешивались в пищу или в питьё намеченной жертве... Это соединение отравления с магией не содержит в себе ничего противоестественного, если припомнить младенческое состояние медицины того времени и общий мистицизм, который царил тогда даже в естественных науках» [21].

В Средневековье демонолог Боден собрал более 50 способов наведения порчи на людей. Учёные-инквизиторы Виерус, Деланкр, Креспе, Шпренгер и другие оставили обширные сочинения, посвящённые способам дознания в мире «тёмных сил» [55, с. 55]. В то же время некоторые руководители католической церкви серьёзно увлекались изучением чёрной магии, например, папа Сильвестр Второй. Римский папа Лев Третий являлся автором Энхиридиона (сборника заклинаний и различных магических рецептов), папа Гонорий Третий занимался некромантией [37, с. 18]. Этот вид оккультизма (*песгомансу*) оценивается как «наиболее безобразный и отталкивающий ритуал среди магических обрядов» [16, с. 387]. Существует два вида некромантии: оживление умершего и, что более распространено, – вызывание духа умершего. Глава католической церкви увлекался некромантией в тот период, когда за подобные деяния интересующихся сжигали на кострах Инквизиции. Исследователь магических ритуалов эпохи Средневековья, писавший под псевдонимом Нитибус, сообщает:

«Уже в конце XIII-го века существовала огромная литература по чёрной магии на разных языках – арабском, латинском, итальянском, испанском, немецком, голландском, французском, английском, и мы едва ли ошибёмся, если прибавим – и на русском... Своего же апогея изучение чёрной магии достигло в XV-м столетии, когда книги по чёрной магии... ходили у всех по рукам» [37, с. 18–19].

При инквизиционном порядке судопроизводства процесс вёлся на основании системы формальных доказательств, в числе которых самое важное место занимало сознание подсудимого. Суд обязан был основывать свой приговор на несомненных доказательствах, а самым лучшим доказательством, исключающим всякое сомнение, считалось собственное сознание обвиняемого. «Поэтому суд добивался сознания всеми способами и средствами и к этому сводилась главная его задача. Самым действенным средством для исторжения признания являлась пытка..., вошедшая в законодательства всех стран и в всеместную практику судов» [24].

Исторические источники свидетельствуют, что критическое отношение к гадалкам и колдунам имело место у мудрецов Древней Греции задолго до н.э. Так, Аристоксен утверждал: «Кто из людей выказывает наибольшую наглость? – Гадатели» [10, с. 28]. По свидетельству историка О. Буше-Леклерка, в эпоху Древней Греции «в небольшом кругу образованных людей господствовали в то время понятия, противные теории ведовства» [10, с. 28]. К сожалению, из четырехтомного исследования этого ученого, посвященного истории магических учений и мантических техник (гаданий), на русский язык был переведён только 1 том [9].

В эпоху Средневековья передовые люди открыто выступали против веры в колдовство, указывая на такие причины этого суеверия, как невежество, мошенничество и душевные болезни. Голландский врач И. Вейер опубликовал в 1563 году шесть книг «О колдовстве», которые, разумеется, были осуждены церковью. Вейер отрицал возможность

вступления в общение с дьяволом, отличал колдунью-мошеницу от колдуньи-душевнобольной. В 1669 году во Франции и в 1685 году в Голландии опубликованы книги, развенчивающие веру в колдовство и ведьм. Немецкий иезуит Фридрих фон Шпее, в обязанности которого входило исповедовать приговорённых к смертной казни за колдовство, издал анонимно в 1631 г. книгу «Предостережение обвинителю», в которой развенчивал веру в «колдунов». Он подчёркивал, что инквизиторы имеют выгоду приговаривать как можно больше людей, поскольку им платят за каждую сожжённую ведьму, к тому же они наследуют её имущество [16, с. 640–641]. Английский врач Вебстер в 1673 году опубликовал «Опровержение так называемого колдовства». В 1701 году профессор права Кристиан Томазиус из университета г. Галле (Германия) публично защитил докторскую диссертацию, главный тезис которой был «О невозможности чародейства как преступления». В 1704 г. её текст был издан под названием «Краткие приложения о колдовстве и о процессах ведьм». Томазиус писал: «Процессы ведьм совершенно бессмысленны. Чёрт есть просто изобретение папских попов, главное их средство запугивать людей и вытягивать у них деньги» [56]². Исследователь истории магии М.С. Хотинский, работавший с редчайшими литературными источниками в королевской библиотеке Франции, так отозвался о данной диссертации: «Это сочинение было принято с всеобщим одобрением, хотя за полвека ранее оно повело бы автора в тюрьмы инквизиции, а оттуда, после мучений пытки, на костёр... Диссертация Томазиуса чрезвычайно способствовала уменьшению процессов по поводу колдовства, но не вполне прекратила их» [55, с. 468].

В эпоху Петра 1 рост просвещения в России затронул и отношение к колдовству, что выразилось в издании некоторых документов, содержание которых весьма противоречиво. Так, 7 мая 1715 г.

(по старому стилю) был объявлен царский Указ о поимке кликуш обоего пола (истериков, нередко объявлявших себя колдунами и колдуньями) и приводе их в приказы для учинения дознания – в самом ли деле они больны, либо притворяются. Тем самым «впервые официально признаётся, что порчи не существует, что кликушество бывает притворным, и что обвинение в порче нередко служит для разных лиц орудием мести и сведения личных счётов» [27, с. 44]. Но в артикулах воинского устава Петра 1 (1716) также сказано, что если кто из воинов будет чернокнижник (колдун – авт.), заговорщик ружья и богохульный чародей, то наказывать его шпицрутенами и заключением в оковах или сожжением [27, с. 45].

Небезынтересно научно-историческое исследование конспиролога Г. Климова «Князь мира сего», в котором доказывается, что категории «бог» и «дьявол» – сложный психофизиологический комплекс, затрагивающий интеллектуально-волевою и сексуальную сферу каждого человека. Сходную точку зрения высказывал Н.К. Михайловский: «С тех пор, как человеческая мысль достаточно окрепла, не может быть речи ни о белой, ни о чёрной магии... Всё загадочное и таинственное, что входило в состав магических эффектов, распадается на два больших отдела. Первый обнимает собою то, что теперь называется просто фокусами. Это дело физической ловкости и упражнения, в связи с применениями простых истин низших естественных наук, – механики, физики, химии. Другой отдел ведает явления гораздо более сложные, находящиеся в зависимости от разнообразных расстройств нервной системы человека. Этот-то отдел ... можно назвать патологической магией» [35]. Таким психофизиологическим расстройствам лиц, считавших себя колдунами, посвятил обширное исследование французской учёный Ш. Рише [48].

Представляются любопытными сведения о личности немецких колдунов XX века, которые сообщал директор берлинского института судебной меди-

² Текст данного произведения Томазиуса приведён на стр. 442–483 сборника «Герметизм, магия, натурфилософия в европейской культуре XIII–XIX вв.». М., 1999. – Прим. авт.

цины О. Прокоп; «Люди, занимающиеся колдовством, как правило, маленькие люди: их жизненная кривая непостоянна, школьное образование незначительно, многие имеют судимость, многие – сексуально неразборчивы. Для них чтение «чёрной книги» становится средством фиксирования их навязчивых фантазий, открывает им их призвание – исцелять, заклинать, расколдовывать» [45]. Иными словами, такой «маленький человек» по социальному статусу, избравший амплу колдуна, приобретает известность, власть над людьми, обладание чужими тайнами, а также деньги – без всяких гарантий действительной помощи. Аналогичные случаи описал психиатр Лямбль в работе «История ясновидящей, как материал к изучению поренцефалии» [6].

В 1891 году проф. Н.Ф. Сумцов издал библиографический указатель по колдовству, насчитывающий 408 источников, из которых на русском языке было – 208, немецком языке – 83, французском языке – 58, польском языке – 33, итальянском языке – 11, чешском языке – 6, английском языке – 6, болгарском языке – 4, сербском языке – 2, на латыни – 1 издание [52]. Тот же автор издал в 1892 году библиографический указатель о колдовских заговорах, включавший в себя 175 источников на 8 языках [51]. Исповедовавший диалектическое отношение к историко-филологическим научным дисциплинам, проф. Н.Ф. Сумцов писал: «Народные поверья о ведьмах и колдунах привлекают внимание учёных разных специальностей и трактуются с различных точек зрения. Мифологи справедливо усматривают в этих поверьях яркие остатки древнего религиозно-мифического мирозерцания и основательно указывают в них переживания языческих представлений... Исследователи повестей и сказаний находят в сфере народных рассказов о колдовстве странствующие литературные мотивы, большей частью вполне народные, отчасти книжного происхождения. Этнографов интересует современное значение в жизни народа поверий о колдовстве... Медики открывают тесную связь поверий о колдовстве

с нервными и психическими болезнями, и в проявлениях эпилепсии и безумия находят объяснение многих чудовищных рассказов о ведьмах и колдунах. Юристов привлекают законоположения о колдовстве, судебные процессы ведьм, процессуальная сторона дела, пытки и казни, совершавшиеся с соблюдением юридической казуистики и формально понимаемой справедливости. Историки просвещения останавливаются на колдовстве и судебных процессах ведьм XVI и XVII столетий, чтобы показать всё зло суеверия и невежества, ступени его исторического развития, как оно находило поддержку в клерикализме и как оно было устранено... С расширением реальных наук человек увидел причинную связь там, где прежде представлялась ему чертовщина. Вера в могущество колдовства падала по мере того, как падала вера в личных демонов. История колдовства в Европе есть одна из самых красноречивых страниц в истории победы разума и гуманизма над невежеством и жестокостью» [52, с. 2].

В начале XX века в г. Санкт-Петербурге дважды издавалась «Библиография оккультизма», составителем которой являлся выпускник Санкт-Петербургского археологического института (1900) И.К. Антошевский, редактировавший оккультный журнал «Изида». В данной книге собраны сведения об изданиях по «тайным наукам», вышедшим в России с 18 по начало 20 столетия, многие из источников являются чрезвычайно редкими, т.к. их тиражи были изъяты и уничтожены [2].

Современный исследователь «тайных наук» Д. Бейнс отмечает: «Слово «оккультизм» сразу же вызывает у людей отрицательную реакцию, так как оно стало синонимом «магии», «ведовства», «демонологии», «сатанизма» и т.д. Формированию этой идеи способствовала обширная литература, насыщенная вымыслами на эти темы, беспорядочно собранная под названием «оккультные науки». Большинство подобных книг написано тщеславными людьми, которые... изучали лишь фрагменты эзотерической части оккультизма по другим книгам, та-

ким же фантастичным и неправдоподобным. Шарлатанство и оккультизм стали синонимами» [7, с. 7].

О том, что различные колдуны, гадалки, экстрасенсы способны причинить серьезный вред здоровью людей – применением специальных приемов воздействия на психику, сообщали разные авторы (Л. Грин, К. Реоли, Б. Симен, Э. Тэйлор, З. Фрейд и др.). Известный психотерапевт и физиолог проф. К.И. Платонов сообщает, что на почве суеверий, связанных с предсказанием гадалок, могут возникать невротические заболевания [39]. «Чем больше слушащие доверяют говорящему, тем ярче эмоциональная окраска воспринимаемых ими слов и тем сильнее их действие» [40]. Проф. Е.А. Яковлева указывала: «Сущность нашёптываний и наговоров носит в себе элементы психического воздействия – внушения... Нашёптывание не является только лечебным средством, но и служит также средством для причинения страданий и болезней людям...» [58]. Научный сотрудник государственного института мозга СССР А.В. Дубровский писал: «Так называемые колдовство, ворожба и т.п., с которыми чаще всего приходится встречаться в малокультурных местностях, объясняются исключительно гипнозом, внушением и самовнушением» [20]. Аналогичное мнение высказывал и Н. Познанский [43].

Можно отметить, что иррациональность мышления многих наших современников, мистичность сознания населения влекут различные преступления – от ритуальных убийств до убийств «колдунов», а также деяния множества мошенников, именующих себя «целителями», «экстрасенсами», «астрологами», «магами» и т.п. [5].

Литература

1. Андерхилл Э. Мистицизм. Опыт исследования природы и законов развития духовного сознания человека. Киев, 2000. – С. 154.
2. Антошевский И.К. Библиография оккультизма. Указатель сочинений по алхимии, астрологии, герметической медицине, гипнотизму, каба-

ле, магии, магнетизму, ментализму, спиритизму, телепатии, теософии, философии оккультизма, факиризма, хиромантии и пр. 1783–1909 гг. Издание 2-е, исправленное и дополненное. СПб., 1911.

3. Ардашев Р.Г. Иррациональные тенденции в деятельности правоохранительных органов и спецслужб // В защиту науки. Бюллетень № 24. – М., 2022. – С. 46.
4. Ардашев Р.Г. Суеверия в правоприменительной деятельности как показатель иррациональности общественного сознания // Закон и право. – 2020. – № 7. – С. 175.
5. Ардашев Р.Г. Суеверия в правоприменительной деятельности как показатель иррациональности общественного сознания // Закон и право. 2020. – № 7. – С. 173–175; Китаев Н.Н., Китаева В.Н. Судебная экспертиза при изболчении мошенников- «экстрасенсов» // В защиту науки. Вып. 11. М., 2012. – С. 56–59; Нугаева Э.Д. Особенности расследования мошенничества при оказании оккультных услуг: Дис...канд. юрид. наук. Уфа, 2018; Протопопов А. Ритуальное убийство с точки зрения криминалистики // Законность. 2002. – № 8. – С. 36–39; Протасевич А.А., Образцов В.А. и др. Монологи: Криминалисты о своей науке, призванной адекватно противостоять современной преступности. Иркутск, 1999. С. 272–279.
6. Архив психиатрии, неврологии и судебной психопатологии. Харьков, 1884. Том IV. № 2. – С. 164.
7. Бейнс Д. Говорят маги. М., 1999.
8. Богораз-Тан В.Г. К вопросу о применении марксистского метода к изучению этнографических явлений // Советская этнография. 1930. – № 1–2. – С. 46.
9. Буше-Леклерк О. История гаданий в античности. М., 2018. – С. 7.
10. Буше-Леклерк О. Философия, христианство, фатализм и ведовство. Киев, 1889. – С. 28.
11. Буянов М.И. Мистика, КГБ и психиатрия. – М., 2007.

12. Буянов М.И. Обретение воли, или как взрослеют люди и народы. М., 1998. – С. 131–132.
13. Буянов М.И. Эгоисты. М., 2001. – С. 90.
14. Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения. М.-Л. 1930.
15. Грин Л. Последние тайны старой Африки. М., 1966. – С. 32–33.
16. Гуили Р.Э. Энциклопедия ведьм и колдовства. М., 1998.
17. Данэм Б. Гигант в цепях. – М., 1958. – С. 118.
18. Дебэ. Книга чудес или физиология незримого мира, объясняющая таинственные и непостижимые для внешних чувств явления мира духов и внутренней жизни человеческой. – М., 1864. – С. 282–283.
19. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М., 1993.
20. Дубровский А.В. Гипноз и родственные явления // Вестник знания. 1928. – № 16. – С. 813.
21. Есипов В.В. Отравление. Историко-догматическое исследование. Варшава, 1896. С. 32, 91.
22. Зыбковец В.Ф. О чёрной и белой магии. М., 1965. – С. 15.
23. Зыбковец В.Ф. О чёрной и белой магии. М., 1965. – С. 9; Рязанский Ф.А. Демонология в древнерусской литературе. – М., 1919.
24. Канторович Я. Средневековые процессы о ведьмах. СПб., 1912. – С. 33.
25. Кеппен. Crata Herod, или каким образом в древние времена происходило в Таинственном обществе посвящение египетских жрецов. СПб., 1779. – С. 9–56.
26. Котляревский А. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868. – С. 26.
27. Краинский Н.В. Порча, кликуши и бесноватые, как явления русской народной жизни. Новгород, 1900.
28. Краткая российская энциклопедия. Т. 2 – М., 2003. – С. 536.
29. Кругляков Э.П. От перестановки мест слагаемых сумма меняется! // В защиту науки. Вып. 4. М., 2008. – С. 67.
30. Куприянов А. «Тёмные силы» как субъект преступления // Российская юстиция. – 2001. – № 8. – С. 73–74;
- Китаев Н.Н., Китаева В.Н., Ардашев Р.Г. Юриспруденция и мистика // Закон и право. – 2019. – № 1. – С. 147–149.
31. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1999. – С. 27–55.
32. Леманн А. Иллюстрированная история суеверий и волшебства от древности до наших дней. Киев, 1993.
33. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. – М., 2001. – С. 439.
34. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994.
35. Михайловский Н.К. Патологическая магия. – Полн. СОБР. Соч. Т. 2. СПб., 1907. С. 237–238.
36. Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. – 1995. – № 1.
37. Нитибюс. Чёрный дракон (Dracoater) или сборник магических рецептов, талисманов и свойств драгоценных камней. СПб., 1913.
38. Опыт словаря гаданий и прорицательниц, священных праздников и жертвоприношений, существовавших у древних греков и римлян. СПб., 1830. – С. II, IV.
39. Платонов К.И. Слово как физиологический и лечебный фактор. М., 1962. – С. 326.
40. Платонов К.К. Занимательная психология. М., 1962. – С. 178.
41. Платонов К.К. Психология религии. М. 1967. – С. 49; Гуили Р.Э. Энциклопедия ведьм и колдовства. М., 1998. – С. 384.
42. Плеханов Г.В. О религии и церкви. М., 1957. – С. 519.
43. Познанский Н. Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. Пг., 1917. – С. 35.
44. Пономарёв Л.И. Телемистика // В защиту науки. – Вып. 4. М., 2008. – С. 100.
45. Прокоп О. Шестая и седьмая книги Моисея. Криминологический аспект бульварной парамедицинской литературы // Медицинский оккультизм. Парамедицина. М., 1971. – С. 197.
46. Психологическая энциклопедия. 2-е изд./ Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. СПб, 2003.

47. Пузина П. Взгляд на суеверие и пред-
рассудки. СПб., 1834. – С. 81–82.
48. Рише Ш. Сомнамбулизм, демонизм
и яды интеллекта. СПб., 1885.
49. Соловьёв В.С. Сочинения в 2-х томах.
Т. 2. М., 1988. – С. 155.
50. Сумароков А. Что такое спиритизм
и его явления? СПб., 1871. – С. 161.
51. Сумцов Н.Ф. Заговоры (библиогра-
фический указатель). Харьков, 1892.
52. Сумцов Н.Ф. Колдуны, ведьмы и упы-
ри (библиографический указатель).
Харьков, 1891.
53. Токарев С.А. Сущность и происхож-
дение магии // Исследования и мате-
риалы по вопросам первобытных ре-
лигиозных верований. М. Изд. Акад.
Наук СССР. 1959. С. 7–75.
54. Тэйлор Э.Б. Первобытная культура.
Т. 1. СПб., 1896.
55. Хотинский В. Рассказы о тёмных
предметах, о волшебстве, натураль-
ной магии, обманах чувств, суевери-
ях, фокусничестве. СПб., 1861.
56. Шахнович М.И. Современная мистика
в свете науки. М.-Л., 1965. – С. 18–
19. Текст данного произведения То-
мазиуса приведен на стр. 442–483
сборника «Герметизм, магия, натур-
философия в европейской культуре
XIII–XIX вв.». М., 1999. – Прим. авт.
57. Юдин В.В. Вера в колдовство – про-
явление обыденного сознания мо-
лодёжи // Социологические иссле-
дования. – 2007. – № 10. – С. 118,
120; Китаева В.Н. Криминалистиче-
ская характеристика жестокого об-
ращения с животными // Сибирские
уголовно-процессуальные и кримина-
листические чтения. Иркутск, 2015.
№ 1 (7). С. 127–134.
58. Яковлева Е.А. Знахарство и его
судебно-медицинское значение //
Труды Томского медицинского инсти-
тута. Том VII. Томск, 1938. – С. 553.

MAGIC: HISTORY, MYTHS, REALITY

Kitaev N.N., Ardashev R.G., Shamurzaev T.T.

Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yelt-
sin, Irkutsk National Research Technical University, East
Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of
Russia, Irkutsk State University

The article shows the prevalence of belief in oc-
cult phenomena in society. A historical analysis
of the development of mysticism is given. It is
noted that increasing the educational level of the
population is not an obstacle to the mass man-
ifestation of irrational (magical) thinking. The
connection between occultism and law, existing
in different eras, is shown.

Keywords: mysticism, harmful magic, irrational
thinking, occultism and law.

References

1. Underhill E. Mysticism. Experience in stud-
ying the nature and laws of development
of human spiritual consciousness. Kyiv,
2000. – P. 154.
2. Antoshevsky I.K. Bibliography of occultism.
Index of works on alchemy, astrology, her-
metic medicine, hypnotism, Kabbalah, mag-
ic, magnetism, mentalism, Spiritualism, te-
lepathy, theosophy, occult philosophy, fa-
kirism, palmistry, etc. 1783–1909. 2nd edi-
tion, corrected and expanded. St. Peters-
burg, 1911.
3. Ardashev R.G. Irrational trends in the activi-
ties of law enforcement agencies and intelli-
gence services // In defense of science. Bul-
letin No. 24. – M., 2022. – P. 46.
4. Ardashev R.G. Superstitions in law enforce-
ment as an indicator of the irrationality of
public consciousness // Law and Law. –
2020. – No. 7. – P. 175.
5. Ardashev R.G. Superstitions in law en-
forcement as an indicator of the irrationali-
ty of public consciousness // Law and Law.
2020. – No. 7. – P. 173–175; Kitaev N.N.,
Kitaeva V.N. Forensic examination in ex-
posing fraudsters – “psychics” // In defense
of science. Vol. 11. M., 2012. – P. 56–59;
Nugaeva E.D. Features of the investigation
of fraud in the provision of occult services:
Dis... cand. legal Sci. Ufa, 2018; Protopop-
ov A. Ritual murder from the point of view
of criminology // Legality. 2002. – No. 8. –
P. 36–39; Protasevich A.A., Obratsov V.A.
and others. Monologues: criminologists
about their science, designed to adequately
counter modern crime. Irkutsk, 1999. pp.
272–279.
6. Archives of psychiatry, neurology and foren-
sic psychopathology. Kharkov, 1884. Vol-
ume IY. No. 2. – P. 164.
7. Baines D. The magicians say. M., 1999.
8. Bogoraz-Tan V.G. On the issue of applying
the Marxist method to the study of ethno-

- graphic phenomena // Soviet ethnography. 1930. – No. 1–2. – P. 46.
9. Boucher-Leclerc O. History of fortune telling in antiquity. M., 2018. – P. 7.
 10. Boucher-Leclerc O. Philosophy, Christianity, fatalism and witchcraft. Kyiv, 1889. – P. 28.
 11. Buyanov M.I. Mysticism, KGB and psychiatry. – M., 2007.
 12. Buyanov M.I. Finding will, or how people and nations grow up. M., 1998. – P. 131–132.
 13. Buyanov M.I. Egoists. M., 2001. – P. 90.
 14. Vygotsky L.S., Luria A.R. Studies on the history of behavior. M.-L. 1930.
 15. Green L. The last secrets of old Africa. M., 1966. – P. 32–33.
 16. Guilli R.E. Encyclopedia of Witches and Witchcraft. M., 1998.
 17. Dunham B. Giant in Chains. – M., 1958. – P. 118.
 18. Debe. The Book of Miracles or the physiology of the invisible world, explaining the mysterious and incomprehensible to external senses phenomena of the world of spirits and the inner life of man. – M., 1864. – P. 282–283.
 19. James W. Diversity of religious experience. M., 1993.
 20. Dubrovsky A.V. Hypnosis and related phenomena // Bulletin of knowledge. 1928. – No. 16. – P. 813.
 21. Esipov V.V. Poisoning. Historical and dogmatic research. Warsaw, 1896. P. 32, 91.
 22. Zybkovets V.F. About black and white magic. M., 1965. – P. 15.
 23. Zybkovets V.F. About black and white magic. M., 1965. – P. 9; Ryazansky F.A. Demonology in Old Russian literature. – M., 1915.
 24. Kantorovich Ya. Medieval witch trials. St. Petersburg, 1912. – P. 33.
 25. Köppen. Crata Repoa, or how in ancient times the initiation of Egyptian priests took place in the Mysterious Society. St. Petersburg, 1779. – pp. 9–56.
 26. Kotlyarevsky A. About the funeral customs of the pagan Slavs. M., 1868. – P. 26.
 27. Krainsky N.V. Damage, cliques and demons as phenomena of Russian folk life. Novgorod, 1900.
 28. Brief Russian encyclopedia. T.2 – M., 2003. – P. 536.
 29. Kruglyakov E.P. Rearranging the places of the terms changes the sum! // In defense of science. Vol. 4. M., 2008. – P. 67.
 30. Kupriyanov A. “Dark forces” as a subject of crime // Russian justice. – 2001. – No. 8. – P. 73–74; Kitaev N.N., Kitaeva V.N., Ardashov R.G. Jurisprudence and mysticism // Law and law. – 2019. – No. 1. – P. 147–149.
 31. Levy-Bruhl L. Supernatural in primitive thinking. M., 1999. – P. 27–55.
 32. Lehmann A. Illustrated history of superstitions and magic from antiquity to the present day. Kyiv, 1993.
 33. Losev A.F. Dialectics of myth. – M., 2001. – P. 439.
 34. Maksimov S.V. Unclean, unknown and god-like power. St. Petersburg, 1994.
 35. Mikhailovsky N.K. Pathological magic. – Full. SOBR. Op. T.2. St. Petersburg, 1907, pp. 237–238.
 36. Moscovici S. Social representation: a historical view // Psychological journal. – 1995. – No. 1.
 37. Nitibus. Black Dragon (Dracoater) or a collection of magical recipes, talismans and properties of precious stones. St. Petersburg, 1913.
 38. Experience of a dictionary of fortune-telling and soothsaying, sacred holidays and sacrifices that existed among the ancient Greeks and Romans. St. Petersburg, 1830. – P. II, IV.
 39. Platonov K.I. The word as a physiological and healing factor. M., 1962. – P. 326.
 40. Platonov K.K. Interesting psychology. M., 1962. – P. 178.
 41. Platonov K.K. Psychology of religion. M. 1967. – P. 49; Guilli R.E. Encyclopedia of Witches and Witchcraft. M., 1998. – P. 384.
 42. Plekhanov G.V. About religion and church. M., 1957. – P. 519.
 43. Poznansky N. Conspiracies. Experience in researching the origin and development of spell formulas. Pg., 1917. – P. 35.
 44. Ponomarev L.I. Telemystics // In defense of science. – Vol. 4. M., 2008. – P. 100.
 45. Prokop O. The sixth and seventh books of Moses. Criminological aspect of tabloid paramedical literature // Medical occultism. Paramedicine. M., 1971. – P. 197.
 46. Psychological Encyclopedia. 2nd ed. / Ed.R. Corsini, A. Auerbach. St. Petersburg, 2003.
 47. Puzina P. A look at superstition and prejudice. St. Petersburg, 1834. – pp. 81–82.
 48. Richet S. Somnambulism, demonism and poisons of the intellect. St. Petersburg, 1885.
 49. Solovyov V.S. Works in 2 volumes. T.2. M., 1988. – P. 155.

50. Sumarokov A. What is spiritualism and its phenomena? St. Petersburg, 1871. – P. 161.
51. Sumtsov N.F. Conspiracies (bibliographic index). Kharkov, 1892.
52. Sumtsov N.F. Sorcerers, witches and ghouls (bibliographic index). Kharkov, 1891.
53. Tokarev S.A. The essence and origin of magic // Research and materials on questions of primitive religious beliefs. M. Ed. Academician Sciences of the USSR. 1959. pp. 7–75.
54. Taylor E.B. Primitive culture. T. 1. St. Petersburg, 1896.
55. Khotinsky V. Stories about dark objects, magic, natural magic, deceptions of the senses, superstitions, magic. St. Petersburg, 1861.
56. Shakhnovich M.I. Modern mysticism in the light of science. M.-L., 1965. – P. 18–19.
- The text of this work by Thomasius is given on pp. 442–483 of the collection “Hermeticism, Magic, Natural Philosophy in European Culture of the 13th – 19th Centuries.” M., 1999. – Note. auto
57. Yudin V.V. Belief in witchcraft is a manifestation of the everyday consciousness of young people // Sociological Research. – 2007. – No. 10. – P. 118, 120; Kitayeva V.N. Forensic characteristics of cruelty to animals // Siberian criminal procedural and forensic readings. Irkutsk, 2015. No. 1 (7). pp. 127–134.
58. Yakovleva E.A. Witchcraft and its forensic significance // Proceedings of the Tomsk Medical Institute. Volume VII. Tomsk, 1938. – P. 553.

TABLE OF CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY

Kemerov V.E. Subject, subjectivity, subjectivity..... 4

Ozdoeva L.A. Rationale for the formation of specialized programs for social rehabilitation of deviant behavior of youth: using the example of undergraduate and graduate students of the Ingush State University 11

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Ananishnev V.M., Pugachev N.M., Gavrilov D.V., Lagutina E.I. Analysis of the experience of the formation of Western European political parties in the 21st century 16

Kiryushin I.A. The influence of social factors on the electoral behavior of russian citizens..... 27

Kogan E.A. Research work of future engineers in social and humanitarian areas as a factor of social self-realization 33

Mikhailovskaya S.A. Structural restrictions on the formation of professional competencies in conditions of secondary employment of students (based on materials from Transbaikal State University)..... 41

Ravochkin N.N. Features of leisure activities of student youth in the 2020 (based on sociological research)..... 47

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Brazevich S.S., Brazevich D.S., Safronova Z.S. The life path of working youth of Belarus in the 1920s: the experience of retrospective sociological reconstruction..... 56

Pavlova M.P. Development of creative activity in the digital socio-cultural space: sociological aspect 64

Semikolenova Yu.A. Improving the management system of the internal social policy of business organizations: the possibilities of a strategic approach 70

Pavlova M.P. Factor analysis of the process of intensifying creative activity in the context of digitalization 79

SOCIOLOGY OF CULTURE

Miao Jing. The main stages of the formation of traditional Chinese culture 87

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY

Melnikov V.L. Essential rethinking of the historiography of “The Tale of Bygone Years”: Russian chronicles in the artistic works of N.K. Roerich..... 97

Shipunova O.D., Berezovskaya I.P., Lisenkova A.A. Socially responsible behavior models in the Context of New Mobility 105

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Kitaev N.N., Ardashev R.G., Shamurzaev T.T. Magic: history, myths, reality..... 113